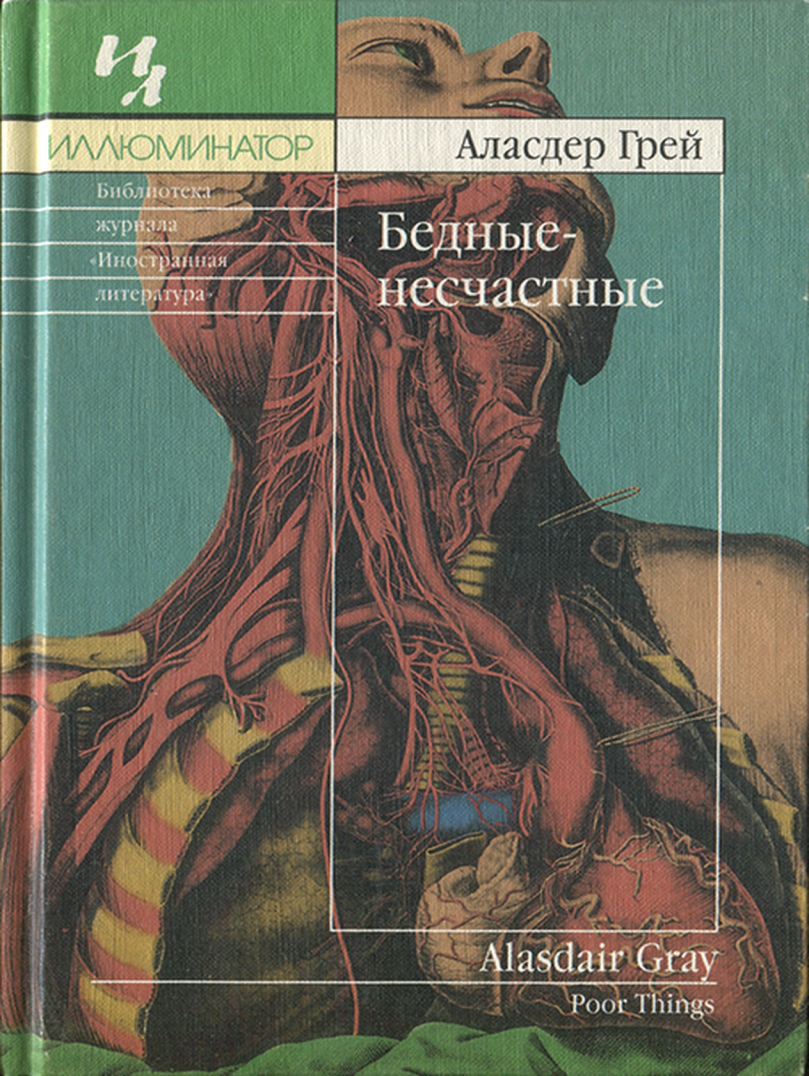

ИЛЛЮМИНАТОР
Библиотека журнала «Иностранная литература»
Аласдер Грей
Бедные-несчастные
Alasdair Gray
Poor Things

Бедные-несчастные
Аласдер Грей

Аннотация
Аласдер Грей. Бедные-несчастные. Фрагменты молодости. Арчибальда Свичнета,. доктора медицины,. инспектора шотландской. санитарной службы,. изданные Аласдером Греем
Предисловие
1. Сотворение меня
2. Сотворение Боглоу Бакстера
3. Ссора
4. Удивительная незнакомка
5. Сотворение Беллы Бакстер
6. Мечта Бакстера
7. У фонтана
8. Помолвка
9. У окна
10. Без Беллы
11. Парк-сёркес, 18
12. Сотворение сумасшедшего
13. Интермедия
14. Глазго — Одесса:. игроки
15. Одесса — Александрия:. миссионеры
16. Александрия — Гибралтар:. горькая мудрость

Астли
17. Гибралтар — Париж:. последний побег Парринга
18. Париж — Глазго:. возвращение
19. Моя самая короткая глава
20. Бог отвечает
21. Помеха
22. Правда:. моя самая длинная глава
23. Последний бой Коллингтона
24. Последнее «прости»

Аннотация

«Бедные-несчастные» — прихотливо построенный любовный роман с элементами фантастики, готики и социальной сатиры. В нем сталкиваются различные версии весьма увлекательных событий, происходящих в Шотландии в конце XIX века.

Alasdair Gray

Poor things

Аласдер Грей

Бедные-несчастные

роман

перевод с английского

Леонида Мотылева

Москва

«ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БСГПРЕСС

2000

Аласдер Грей
Бедные-несчастные

Фрагменты молодости Арчибальда Свичнета, доктора медицины, инспектора шотландской санитарной службы,
изданные Аласдером Греем

Poor Things might just imprint itself on the Scottish imagination of the 1990s as indelibly as *Lanark* influenced the 1980s ... the voyage is a teasing delight - and at times very moving ... Can a man "make" a feminist? It is the final riddle of a mesmerizing mind game in which not even the heroine, and certainly not the author, can be trusted. Only Gray's readers can provide the answer - and they are lucky, lucky things indeed' - **Scotsman.** 'If Gray had been content either to create a female Frankenstein or to give a new zest to the legend of Dr Jekyl and Mr Hyde Poor Things might have been a funny and original tale. ... But he has loaded his novel with false historical references and larded it with his own gruesome drawings. ... These are the ravings of second-rate characters in a second-rate novel? - **Sunday Telegraph.** 'Not since Harry Harrison's *The Channel Tunnel, Hurrah!* has a work of light fiction amused me as much as Alasdair Gray's *Poor Things*. Gray, like Harrison, uses science fiction to resurrect England's Empire at its most spacious and gracious. Unlike Harrison he satirizes those wealthy Victorian eccentrics who, not knowing how lucky they were, invented The Emancipated Woman and, through her, The British Labour Party - a gang of weirdos who kept hugging and dropping the woolly socialism of their founders until Margaret Thatcher made them drop it for ever. The heroine of *Poor Things* is an oversexed blend of Eleanor Marx, Annie Besant and Alice in Wonderland. She meets her match in Harry Astley, the best type of English Conservative whose habitual reserve hides a warm heart and formidable intelligence. She is suitably punished for rejecting him by marriage to the spineless working-class Liberal who tells the story. A whole gallery of believably grotesque foreigners - Scottish, Russian, American and French - assist in her downfall, but my favourite character is Mrs Dinwiddie. This lightly sketched portrait of a faithful family servant stands comparison with old Nanny Hawkins in *Brideshead Revisited*.' - **Private Nose.** 'Although it is pointless to accuse a novelist of getting his facts wrong, it is hard to see why General Blessington (who supported home rule for Ireland and the Transvaal) is presented as the worst of British Imperialists. This and similar inauthenticities makes *Poor Things* yet another exercise in Victorian pastiche, a fictional genre which deserves to be pens[illegible]oury or two.' **The Times Literary Implement.** 'Was Bella Victoria reall[illegible] a bizarre scheme hatched to get her away from her [illegible]t. 'Those who, like me, [illegible]ht, and not just because [illegible]int, it is at least as witty [illegible]n and *The Island of Dr.* [illegible]cs of sexual behaviour. [illegible]greaty deal more than **Spectator.** 'Gray's [illegible]t excitement. It is a [illegible] good value too? - **The Independent.** [illegible]rtor, Glasgow, a surgical genius used human remains to create [illegible] reads in part the opening paragraph of the Editor's introduction to *Poor Things*, the [illegible] in question being the Scots novelist Alasdair Gray. And so begins the most erudite, inventive and entertaining novel I have read this year. Bella's innocence is a source of great fun and high drama, yet it also provides Gray with the opportunity to make powerful moral points. 'You need not believe this ... ' This phrase echoes around the entire edifice, for in the novel every assertion is contradicted, every argument challenged. Fact and fiction, history and literature are stitched together and animated in that 'Frankenstein method' known as post-modernism. Thus Gray remains true to his own fictional tradition, while employing the devices of older and (frankly) more accessible ones, to write this dazzling book. - **Harpers and Queens.** 'Gray is a notorious scribbler, doodler, all-round maker-upper and social anarchist ... It comes hard on those of us who have experienced the responsibility and loneliness of office to hear from people of Gray's ilk that generosity, benevolence and ordinary common sense are missing from the political process? - **The Glasgow Herald.** 'Alasdair Gray is a true original, a twentieth-century William Blake who designs and illustrates his own strange fictions. *Poor Things* ... In this playful but profoundly serious novel, the alchemic effects of love and invention are the only consolation for us, 'poor things', helpless in the flow of historical fact.' - **The Observer.** 'The feeble state of English literary criticism has been demonstrated yet again. I refer to the recent kow-towing of London book reviews before the most recent product of that intellectual hooligan, Alasdair Gray.' - **The Skibereen Eagle.**

Поправка

Гравюра на стр. 251 изображает не профессора Жана Мартена Шарко, а графа Робера де Монтескьё-Фезенсака.

Моей жене Мораг

Предисловие

Врач, который повествует здесь о событиях своей молодости, умер в 1911 году, и читатель, если он незнаком с историей ошеломляюще смелых опытов шотландских медиков, может принять изложенное за нелепый вымысел. Но кто даст себе труд исследовать доказательства, приводимые в конце этого предисловия, едва ли усомнится в том, что во второй половине февраля 1881 года в доме 18 по Парк-сёркес в Глазго под рукой гения хирургии человеческие останки превратились в живую двадцатипятилетнюю женщину. Правда, наш историк Майкл Доннелли со мной не согласен. Именно он обнаружил текст, составляющий большую часть этой книги, и я должен теперь привести историю его находки.

Семидесятые годы нынешнего века протекали в Глазго весьма бурно. Старые предприятия, которыми город был жив в прежние времена, перемещались на юг, а избираемые жителями власти по причинам, которые может разъяснить любой политический экономист, поощряли многоэтажное строительство и расширение сети

городских магистралей. Элспет Кинг, хранительница исторического музея в парке Глазго-грин, помощником которой работал Майкл Доннелли, всеми силами старалась приобретать и сохранять остатки уходящей в прошлое местной культуры. Со времен первой мировой войны муниципальный совет не выделял историческому музею, известному под названием Народный дворец, средств для покупки новых экспонатов, из-за чего приобретения Элспет и Майкла почти полностью ограничивались тем, что удавалось забрать из зданий, предназначенных к сносу. На ковровой фабрике Темплтона, которую вскоре должны были закрыть, они арендовали склад, где Майкл Доннелли собирал витражные стекла, изразцы, театральные афиши, флаги распущенных профсоюзов и всевозможные исторические документы. Элспет Кинг порой приходилось своими руками оказывать Майклу помощь, поскольку прочий персонал составляли работники, присылаемые директором городской картинной галереи в Келвингроуве, и им не платили за извлечение редкостей из грязных и опасно ветхих строений. Элспет и Майклу, впрочем, тоже за это не платили, так что интересные выставки новых экспонатов, которые они время от времени

устраивали, не стоили муниципалитету ничего или почти ничего.

Однажды утром в центре города, идя по своим делам, Майкл Доннелли увидел старые папки, сваленные в кучу на краю тротуара и явно предназначенные для вывоза и уничтожения соответствующей городской службой. Заглянув в эти папки, он обнаружил письма и документы начала века, которые остались от прекратившей существование юридической конторы. Новая фирма, унаследовав дела прежней, решила избавиться от ненужных бумаг. В основном они касались имущественных сделок между лицами и семействами, внесшими в свое время немалый вклад в жизнь города; случайно Майклу попалась на глаза фамилия первой женщины-врача, получившей диплом в университете Глазго, — фамилия, известная ныне только историкам движения суфражисток, хотя эта женщина была еще и автором фабианской брошюры об общественной гигиене. Майкл решил увезти папки на такси и на досуге просмотреть их содержимое; но первым делом он заглянул в помещение фирмы, которая выбросила их на улицу, и спросил разрешения. В нем было отказано. Главный партнер (известный адвокат и политический деятель

местного масштаба, чье имя названо здесь не будет) заявил Майклу, что его рытье в бумагах есть наказуемое деяние, поскольку они не являются его собственностью и предназначены для сожжения. Он заявил также, что всякий адвокат призван хранить тайну клиента независимо от того, работает он сам с этим клиентом или нет, жив клиент или умер. Он сказал, что единственный надежный путь сохранить старые сделки в тайне — уничтожить следы их заключения, и если Майкл Доннелли унесет хоть что-нибудь из кучи документов, ему будет предъявлено обвинение в краже. Так что Майкл оставил кучу как она была, за исключением одной вещицы, которую он машинально сунул в карман еще до того, как узнал, что такие поступки караются законом.

Это был пакет с печатями и выцветшей надписью коричневыми чернилами: *Собственность Виктории Свичнет, доктора медицины. / Вскрыть старшему из внуков или иных прямых потомков после августа 1974 г. / Ранее не вскрывать.* Рука нашего современника, вооруженная шариковой ручкой, перечеркнула крест-накрест эти слова и надпись под ними: *Прямых потомков в живых не имеется.* С одной стороны печать была сломана и пакет разорван, но тот, кто это сделал, счел лежа-

щие в нем книгу и письмо столь неинтересными, что небрежно сунул их обратно, так что края их торчали из пакета и письмо было не сложено, а скорее скомкано. Отъявленный ворюга Доннелли внимательно обследовал содержимое пакета в хранилище Народного дворца во время обеденного перерыва.

Книга формата 7¼ на 4½ дюйма была переплетена в черный коленкор с оттиснутым на нем диковинным изображением. На форзаце было написано сентиментальное стихотворное посвящение. Титульный лист выглядел так: ФРАГМЕНТЫ МОЛОДОСТИ ИНСПЕКТОРА ШОТЛАНДСКОЙ САНИТАРНОЙ СЛУЖБЫ / *Арчибальд Свичнет, доктор медицины / Гравюры Уильяма Стрэнга / Глазго. Отпечатано на средства автора у Роберта Маклехоза и К° в типографии при Университете, 1909 г.* Название не обещало ничего интересного. В те годы печаталось множество книг, полных мелочных сплетен, с названиями вроде «Из блокнота инспектора» или «Суждения и предубеждения Фрэнка Кларка, адвоката». Книги, за которые авторы платят издателям (как в данном случае), как правило, более скучны, чем те, за которые они получают гонорар. Обратившись к первой главе, Майкл увидел типичный

для той поры заголовок:

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Моя мать — мой отец — университет Глазго и первые трудности — профессор — отвергнутая сделка — мой первый микроскоп — ровня по уму.

Сильнее всего заинтересовали Майкла Доннелли иллюстрации Стрэнга, исключительно портреты. Шотландский художник Уильям Стрэнг (1859–1921) родился в Дамбартоне и учился у Легро в Слейдовской школе изобразительных искусств в Лондоне. Он более известен как гравер, нежели как живописец, и часть его лучших работ составляют книжные иллюстрации. Врач, который мог заказать Стрэнгу гравюры для книги, должен был иметь больший доход, чем обычно имели инспекторы санитарной службы, однако Арчибальд Свичнет, чье лицо было изображено на фронтисписе, не походил ни на богатого человека, ни на врача. Приложенное к книге письмо обескураживало еще больше. В нем Виктория Свичнет, доктор медицины и вдова автора, сообщала несуществующему потомку, что книга лжива от начала до конца. Вот выдержки из письма:

«В 1974 году… живущие на свете члены дина-

стии Свичнетов, имея по два деда и по четыре прадеда, с легкостью посмеются над чудачеством одного из них. Я не могу смеяться над этой книгой. Я содрогаюсь над ней и благодарю Силу Жизни за то, что мой покойный муж напечатал и переплел ее только в одном экземпляре. Я сожгла всю его рукопись… и книжку бы тоже сожгла, как он предлагает… но увы! Без нее что на целом свете будет напоминать о существовании бедного глупца? К тому же опубликовать ее стоило маленького состояния… Мне дела нет до того, что потомство о ней подумает, — важно лишь, что никто из ныне живущих не связывает ее со МНОЙ».

Майкл понял, что и книга, и письмо требуют более пристального рассмотрения, и отложил их к тем материалам, которыми он собирался заняться, когда найдется время.

Так они у него и лежали. В тот же день он узнал, что здание старинного богословского колледжа при университете Глазго отдается для переоборудования строительной фирме (сейчас это роскошный жилой дом). Майкл обнаружил, что там находится свыше дюжины больших портретов шотландского духовенства XVIII–XIX столетий, все в рамах и выполнены маслом, и

они, подобно папкам, отправятся прямехонько в мусоросжигатель, что в Дозхолм-парке, если только он не снимет их со стен (к которым они были привинчены на солидной высоте) и не перевезет в городскую картинную галерею в Келвингроуве, где для них с трудом изыскали место в переполненном запаснике. И только десять лет спустя у Майкла Доннелли нашлось время спокойно сесть и заняться общественной историей. Он ушел из Народного дворца в 1990 году, когда министр культуры в правительстве Маргарет Тэтчер официально объявил Глазго культурной столицей Европы; книгу и письмо Майкл прихватил с собой, поскольку был уверен, что тому, кто займет его место (если его вообще кто-нибудь займет), не будет до них никакого дела.

Я познакомился с Майклом Доннелли в 1977 году, работая у Элспет Кинг в Народном дворце искусствоведом-регистратором, но когда он обратился ко мне осенью 1990 года, я уже стал вольным автором и успел поработать с несколькими издательствами. Он дал мне эту книгу, сказав, что, по его мнению, она — настоящий шедевр и ее надо немедленно опубликовать. Я пришел к такому же выводу и взялся устроить дело, если только он не будет вмешиваться в

процесс издания. Он согласился, хотя и с некоторой неохотой, когда я пообещал не вносить в текст Арчибальда Свичнета никаких изменений. И в самом деле, главная часть настоящей книги повторяет оригинал Свичнета настолько точно, насколько это возможно, и содержит все гравюры Стрэнга и прочие иллюстрации, воспроизведенные фотографически. Однако я заменил пространные названия глав более броскими заголовками собственного сочинения. Например, глава третья, первоначально названная *«Открытие сэра Колина — остановка жизни — «Какая отсюда польза?» — диковинные кролики — «Как ты это сделал?» — бесполезное искусство и что знали древние греки — «До свидания» — цепной пес Бакстера — ужасная рука»*, теперь называется просто «Ссора». Я также настоял на том, чтобы озаглавить всю книгу «БЕДНЫЕ-НЕСЧАСТНЫЕ». Ведь каждый ее персонаж, за исключением миссис Динвидди и пары генеральских прихвостней, хоть раз да назван бедным или несчастным — либо его собственными, либо чужими устами. Письмо дамы, которая именует себя Викторией Свичнет, я помещаю в качестве эпилога. Майкл предпочел бы видеть его в начале книги, но в этом случае читатель приступал бы к основно-

му тексту предубежденным. Читая письмо под конец, мы ясно видим в нем попытку встревоженной женщины скрыть правду о своей молодости. Кроме того, никакая книга не нуждается в двух предисловиях, а одно я как раз и пишу.

Боюсь, мы с Майклом Доннелли расходимся по поводу этой книги. Он считает ее исполненным черного юмора вымыслом, в который искусно вплетены некоторые реальные события и исторические факты, — книгой, подобной *«Пуританам»* Скотта или *«Исповеди прощенного грешника»* Хогга. А я вижу в ней подобие босуэлловского *«Жизнеописания Сэмюэла Джонсона»* — портрет поразительно доброго, сильного, умного, эксцентричного человека, любовно выполненный рукою друга, памятливого на диалоги. Как Босуэлл, наш скромный Свичнет включил в свое повествование чужие письма, которые освещают события под разными углами, и в итоге у него вышел едва ли не портрет целого общества. Я также сказал Доннелли, что достаточно выдумывал в своих книгах, чтобы распознать описание реальных событий. Тот ответил, что достаточно написал об исторической реальности, чтобы распознать выдумку. Парировать это я мог только одним способом — надо было самому стать

историком.

Я это совершил. Теперь я историк. За шесть месяцев исследований в университетском архиве Глазго, в отделе старого Глазго библиотеки Митчелла, в Шотландской национальной библиотеке, в эдинбургской Регистрационной палате, в лондонском Сомерсет-хаусе и в колиндейлском Национальном газетном архиве Британской библиотеки я накопил достаточно документальных свидетельств, чтобы доказать, что рассказ Свичнета целиком опирается на факты. Некоторые из этих фактов я привожу в конце книги, но большую их часть — прямо здесь, в предисловии. Читатели, которых интересует только хороший рассказ без всяких затей, могут сразу обратиться к главной части книги. Завзятые же скептики оценят ее лучше, проглядев вначале следующую сводку событий.

29 августа 1879 г. Арчибальд Свичнет зачислен студентом на медицинский факультет университета Глазго, где Боглоу Бакстер (сын знаменитого хирурга и сам практикующий хирург) работает ассистентом по отделению анатомии.

18 февраля 1881 г. В реке Клайд найдено тело беременной женщины. Медик Боглоу Бакстер, проживающий в доме 18 по Парк-сёркес, кон-

статирует смерть от утопления и описывает утопленницу как женщину «примерно 25 лет, рост 5 футов и 10¾ дюйма, волосы вьющиеся, темно-каштановые, глаза голубые, черты лица правильные, на руках нет следов грубой работы; хорошо одета». Помещено объявление, но тело никто не востребовал.

29 июня 1882 г. На закате солнца почти по всему бассейну Клайда люди слышали необычный шум, и, несмотря на широкое обсуждение в местной печати в последующие две недели, удовлетворительного объяснения этому феномену найдено не было.

13 декабря 1883 г. Данкан Парринг, адвокат, проживавший в доме своей матери по адресу Поллокшилдс, Эйтаун-стрит, 41, доставлен в Королевский приют для душевнобольных города Глазго в состоянии тяжелого помешательства. Вот что писала газета *«Глазго геральд»* двумя днями позже: «В прошлую субботу во второй половине дня граждане, гулявшие в парке Глазго-грин, обратили внимание полиции на то, что один из ораторов на общественной трибуне употребляет непристойные выражения. Подошедший полицейский удостоверился, что выступающий, чисто одетый мужчина возрас-

том немногим менее тридцати лет, высказывает порочащие утверждения касательно одного уважаемого и человеколюбивого представителя медицинского сословия Глазго, мешая их с площадной бранью и цитатами из Библии. В ответ на требование прекратить поношения оратор стал изрыгать непристойности с удвоенной силой, и его с большим трудом смогли увезти в полицейский участок на Альбион-стрит, где врач признал его невменяемым и подлежащим содержанию под стражей. Наш корреспондент сообщает, что задержанный — адвокат по гражданским делам и происходит из хорошей семьи. Никаких обвинений предъявлено не было».

27 декабря 1883 г. Генерал сэр Обри ле Диш Коллингтон, ранее известный как Громобой Коллингтон, а в последнее время — член парламента от либеральной партии по округу Северный Манчестер, кончает с собой в оружейной комнате в Хогснортоне, своем поместье в Лоумшир-даунс. Ни в некрологах, ни в сообщениях о похоронах не упоминается его вдова, хотя тремя годами ранее он женился на двадцатичетырехлетней Виктории Хаттерсли и ни раздельное проживание супругов, ни ее смерть нигде не зафиксированы.

10 января 1884 г. По особому разрешению между

Арчибальдом Свичнетом, врачом при Королевской лечебнице города Глазго, и Беллой Бакстер, девицей из округа Барони, заключен брак без церковного оглашения. В роли свидетелей выступили Боглоу Бакстер, научный сотрудник Королевского хирургического колледжа, и Ишбел Динвидди, экономка. Невеста, жених и оба свидетеля проживают в доме 18 по Парк-сёркес, где и совершилось бракосочетание.

16 апреля 1884 г. Боглоу Бакстер умирает в доме 18 по Парк-сёркес. Доктор Арчибальд Свичнет, который подписал свидетельство о смерти, определил ее причину как «мозговой удар и сердечный припадок, спровоцированные наследственным расстройством нервной, дыхательной и пищеварительной систем». Газета *«Глазго геральд»*, сообщая о погребальной церемонии в Некрополе, отметила «необычную форму гроба» и то, что покойный завещал все свое имущество супругам Свичнет.

2 сентября 1886 г. Особа, вышедшая замуж за доктора медицины Арчибальда Свичнета под именем Белла Бакстер, зачислена в женское медицинское училище Софии Джекс-Блейк под именем *Виктория* Свичнет.

Майкл Доннелли выразил мнение, что вы-

шесказанное выглядело бы более убедительно, если бы я имел заверенные копии свидетельств о браке и смерти, а также фотокопии газетных сообщений; но если читатели мне доверяют, суждение эксперта не столь уж существенно. Мистер Доннелли теперь настроен ко мне менее дружелюбно, чем прежде. Он винит меня за утерю первоисточника, что несправедливо. Я бы с удовольствием отправил в издательство фотокопию и вернул Доннелли оригинал, но это бы увеличило издательские расходы по меньшей мере на 300 фунтов. В современных типографиях текст заносится с книжной страницы прямо в компьютер путем сканирования, а фотокопия потребовала бы перепечатки; кроме того, книга была необходима издательскому фотографу, чтобы сделать клише для воспроизведения гравюр Стрэнга и фрагментов письма Беллы. Где-то в четырехугольнике «редактор — издатель — наборщик — фотограф» уникальный том был утерян. В книжном деле подобные казусы случаются нередко, и никто не печалится об этом больше, чем я.

В конце настоящего предисловия я помещаю краткое содержание книги, в которой главное место занимает сочинение Свичнета, воспроиз-

веденное с незначительными изменениями.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Аласдер Грей

Фрагменты молодости инспектора шотландской санитарной службы.

Арчибальд Свичнет, доктор медицины

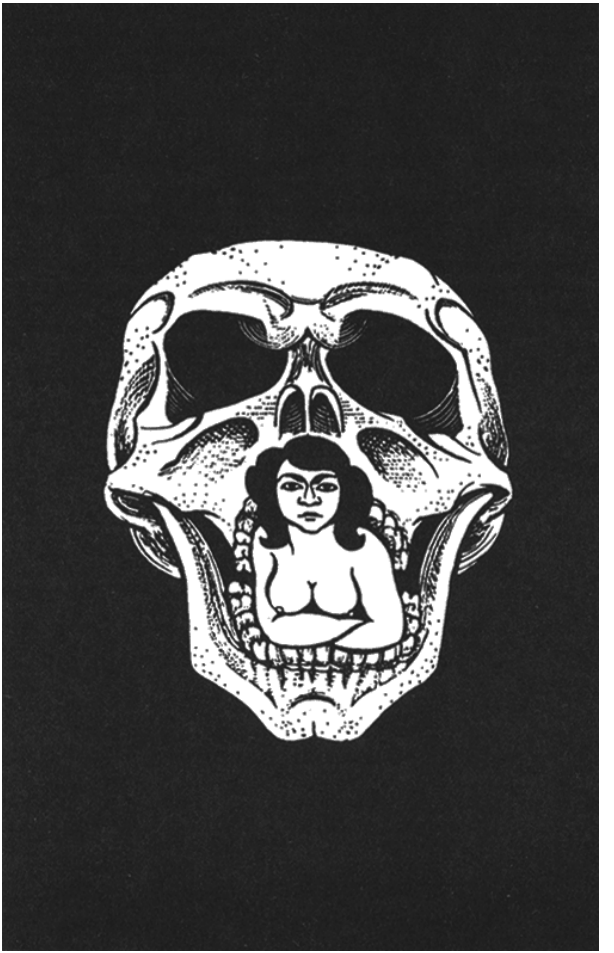
Письмо внуку или правнуку по поводу книги.

«Виктория» Свичнет, доктор медицины

ПОСТРАНИЧНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ.

Аласдер Грей

Я проиллюстрировал постраничные примечания гравюрами девятнадцатого века; однако не кто иной, как Свичнет, заполнил промежутки между главами своей книги иллюстрациями из первого издания «Анатомии» Грея. Возможно, именно по ней он и его друг Бакстер учились благородному искусству врачевания. Приводимое здесь причудливое изображение принадлежит Стрэнгу и было оттиснуто серебром на обложке первого издания.



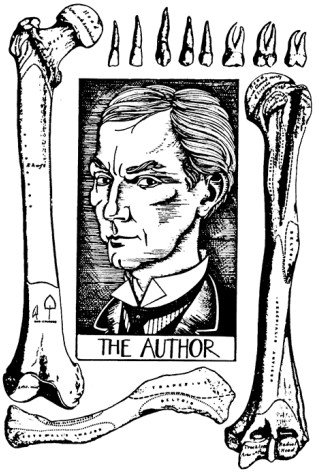
My own dear sweet kind famous doctor, do
Smile on this tribute from a lover—who
Was patient—daft old husband—doctor too.
Kiss my last book and (since you can't
return it)
Read it just once, then, if you hate it—
burn it!

Your faithful
Archie, June 1911.

Мой милый врач бесценный,
Прими сей дар смиренный
От мужа-чудака
И улыбнись слегка.

Но коль нахмуришь взор
И скажешь: что за вздор,
Коль книга не понравится —
Пусть пламя с ней расправится!

Твой верный
Арчи, июнь 1911 г.

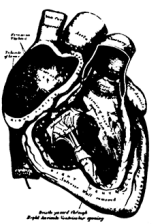


ФРАГМЕНТЫ МОЛОДОСТИ ИНСПЕКТОРА ШОТЛАНДСКОЙ САНИТАРНОЙ СЛУЖБЫ

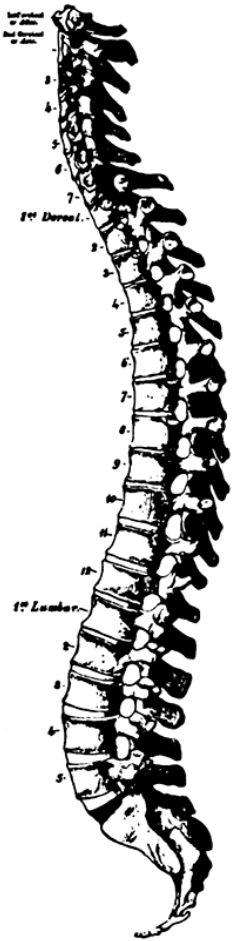
АРЧИБАЛЬД СВИЧНЕТ,
доктор медицины

Гравюры Уильяма Стрэнга

ГЛАЗГО.
Отпечатано на средства автора
у Роберта Маклехоза и К°
в типографии
при Университете, 1909 г.



Единственной, ради кого мне стоит жить.


1st Dorsal.
1st Lumbar.

1. Сотворение меня

КАК БОЛЬШИНСТВО СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ в старые времена, моя мать не доверяла банкам[1]. Когда смерть подступила вплотную, она сказала мне, что ее сбережения хранятся под кроватью в жестяной коробке, и прохрипела:

— Возьми, пересчитай.

Я послушался, и сумма оказалась больше, чем я ожидал. Она добавила:

— Это тебе, чтобы в люди выбился.

Я признался, что хочу стать врачом, и рот ее скривился в презрительной гримасе, какой она всегда встречала людскую дурость. Собравшись с силами, она яростно прошептала:

— На похороны отсюда ни пенса. Кинет Поскреб меня в нищенскую могилу, пусть его тогда черти в ад утащат! Дай слово, что все на себя потратишь.

Поскребом в нашей округе называли моего отца, а также болезнь, поражавшую недокорм-

---

[1] Критические: 2.1

Это не было предрассудком невежественной женщины. В XVIII и XIX столетиях банки часто лопались, отчего страдали в основном мелкие вкладчики, потому что состоятельные люди были лучше осведомлены о надежности тех или иных финансовых фирм. В XX веке в Британии подобные крахи случаются только с пенсионными фондами.

ленных кур. За похороны Поскреб заплатил, но сказал мне:

— Камень — твоя забота.

Только через двенадцать лет у меня появились деньги на памятник, но к тому времени уже никто не мог сказать, где находится могила.

В университете и одежда, и повадки выдавали мое низкое происхождение, и так как я не мог допустить насмешек над собой по этому поводу, вне лекционных аудиторий и экзаменационного зала я, как правило, пребывал в одиночестве. В конце первого семестра профессор пригласил меня к себе в кабинет и сказал:

— Мистер Свичнет, живи мы в справедливом мире, я смело предсказал бы вам блестящее будущее, но в таком мире, как наш, — никогда, если только вы не сделаете необходимых выводов. Вы можете стать более искусным хирургом, чем Хантер, более умелым акушером, чем Симпсон, более сведущим целителем, чем Листер, но если вы не приобретете этакой гладкой вальяжности, этакого шутливого добродушия, пациенты не будут вам доверять, а другие врачи будут вас сторониться. Не презирайте внешний лоск только потому, что им обладают многие глупцы, снобы и негодяи. Если у вас нет денег на хороший

костюм у хорошего портного, присмотрите себе что-нибудь подходящее среди невыкупленных вещей в приличном ломбарде. Вечером аккуратно складывайте брюки и кладите их между двумя досками себе под матрас. Если не можете каждый день менять рубашку, пусть хотя бы у вас всегда будет чистый крахмальный воротничок. Посещайте вечера и увеселения, организуемые отделением, по которому вы собираетесь кончать, — вот увидите, не такие уж плохие мы люди, а в нашем обществе вы невольно, в подражание нам, и сами потихоньку обтешетесь.

Я сказал ему, что денег у меня хватает только на обучение, книги, инструменты и житейские нужды.

— Так я и знал, что все дело в этом! — вскричал он торжествующе. — Но наш университетский совет наделен правом назначать вспомоществование достойным студентам вроде вас. Большую часть денег, конечно, получают богословы, но не все же затирать науку. Я думаю, уж на костюм-то мы вам наскребем; обратитесь должным образом, и я замолвлю за вас словечко. Как? Попробуем?

Если бы он сказал: «Я полагаю, вы можете претендовать на стипендию; прошение пишется так-то и так-то; я буду вашим ходатаем», — если

бы он сказал нечто подобное, я поблагодарил бы его; но он откинулся в своем кресле, выпятив живот, сплетя на нем руки и сияя на меня снизу вверх (ибо сесть он мне не предложил) такой приторной, фальшивой, самодовольной улыбкой, что я засунул кулаки поглубже в карманы, чтобы не начистить ему физиономию. Я ограничился замечанием, что в той части области Галлоуэй, где я родился, народ не любит попрошайничать, но если он действительно высокого мнения о моих способностях, мы можем заключить взаимовыгодную сделку. Я предложил дать мне сто фунтов в долг под семь с половиной процентов годовых до моего пятого года в должности врача общей практики или третьего года в должности врача-консультанта, когда я обязуюсь вернуть первоначальную сумму плюс двадцать фунтов премии. Увидев, что у него отвисла нижняя челюсть, я торопливо добавил:

— Разумеется, я окажусь банкротом, если не смогу получить диплом или, едва я стану врачом, меня вычеркнут из врачебного регистра, но все же, думаю, для вас это будет надежное вложение. Как? Попытаемся?

— Шутите вы, что ли? — пробормотал он, глядя на меня во все глаза, и его губы начали искрив-

ляться в улыбке, какой он ждал и от меня — в подражание ему.

Слишком рассерженный, чтобы смеяться над собственной шуткой, я пожал плечами, попрощался и вышел.

Возможно, была какая-то связь между этим разговором и конвертом, надписанным незнакомой рукой, который я получил по почте неделей позже. В нем лежала пятифунтовая банкнота; большую часть этих денег я употребил на покупку подержанного микроскопа, оставшееся — на рубашки и воротнички. Теперь по одежде я уже смахивал не столько на пахаря, сколько на бедного букиниста. Мои однокашники, должно быть, восприняли это как серьезный прогресс — они стали меня привечать и сообщать мне свежие сплетни, хоть мне говорить с ними было не о чем. Единственным, с кем я беседовал на равных, был Боглоу Бакстер, поскольку (я и теперь так считаю) мы с ним были два самых умственно развитых и самых необщительных человека на всем медицинском факультете университета Глазго.

2. Сотворение Боглоу Бакстера

К ТОМУ ВРЕМЕНИ КАК МЫ В ПЕРВЫЙ РАЗ перекинулись словом, я уже три семестра знал его в лицо.

В чулане, находившемся в дальнем конце анатомического класса, была снята с петель дверь и поставлена скамейка — вышло укромное рабочее место. Там-то и сидел обыкновенно Бакстер, приготовляя срезы тканей, исследуя их под микроскопом и делая беглые записи; большая голова, плотное тело и толстые конечности придавали ему вид карлика. Но когда он выбегал к емкости с формалином, где лежали человеческие мозги, похожие на цветную капусту, и проносился мимо других людей, оказывалось, что он выше всех едва ли не на целую голову; впрочем, будучи страшно застенчивым, он старался держаться от людей подальше. При великанском телосложении у него были продолговатые мечтательные глаза, вздернутый нос и печальный рот обиженного ребенка; три глубокие морщины, прорезавшие его лоб, никогда не разглаживались. Утром его жесткие темно-русые волосы были умащены и

гладко зачесаны на прямой пробор, но к середине дня они уже клочковато топорщились за ушами, а к вечеру его взъерошенная шевелюра становилась похожа на медвежью шкуру. Он носил добротный костюм дорогого серого сукна, искусно сшитый по фигуре и скрадывавший, насколько возможно, ее несообразности; и все же мне казалось, что он выглядел бы естественнее в шароварах и тюрбане балаганного турка.

Он был единственным сыном Колина Бакстера, первого медика, получившего от королевы Виктории рыцарский титул[2]. Портрет сэра Колина висел в нашем экзаменационном зале рядом с портретом Джона Хантера; наружность сына не имела ничего общего с этими тонкими губами, с острыми чертами чисто выбритого лица. «О безразличии сэра Колина к женской красоте ходили легенды, — сказали мне раз, — но его потомство

---

[2] Критические: 2.2

В историческом исследовании «Королевские врачи» (изд-во «Макмиллан», 1963 г.) Джервес Тринг уделяет отцу Боглоу сэру Колину Бакстеру гораздо больше внимания, чем сыну, но при этом пишет: «Между 1864 и 1869 годами его менее знаменитый, но столь же одаренный сын ассистировал при рождении трех принцев и принцесс крови, и, вероятно, именно он спас жизнь герцога Кларенса. По-видимому, из-за слабого здоровья Боглоу Бакстер оставил практику и несколькими годами позже умер в безвестности». В эдинбургской Регистрационной палате нет записи о его рождении, а в записи о смерти за 1884 г. в графах «возраст» и «сведения о матери» стоят прочерки.

доказывает, что он странным образом тяготел к женскому безобразию». Говорили, что отец Боглоу зачал его на склоне лет от горничной, но, в отличие от моего отца, дал сыну свою фамилию и домашнее образование, а также оставил ему кое-какое наследство. О матери Боглоу ничего не было известно доподлинно. Одни говорили, что ее отправили в сумасшедший дом, другие — что сэр Колин заставлял ее одеваться, как положено горничной, в черное платье, белый чепец и белый фартук, что она молча прислуживала за столом, когда он принимал у себя коллег с женами. Великий хирург умер за год до того, как Боглоу поступил в университет. Он был бы блестящим студентом, если бы не обязательная практика в клинике, где его диковинная наружность и необычный голос пугали пациентов и приводили в замешательство персонал; вследствие этого он так и не получил диплома, но продолжал посещать университет в качестве ассистента-исследователя. В чем состояли его исследования — никто не знал, да и не хотел знать. Он мог приходить и уходить когда ему вздумается, поскольку аккуратно платил за обучение, никому не мешал и был сыном знаменитости. Большинство считало его дилетантом от науки,

но при всем том я слышал, что он оказывает бесплатную медицинскую помощь в клинике при сталелитейном заводе на восточной окраине, где чрезвычайно искусно лечит ожоги и переломы.

БОГЛОУ БАКСТЕР

На втором курсе я посетил публичный диспут на тему, которая меня интересовала, хотя ее трудно было назвать новой: как развивается жизнь — путем мелких, постепенных изменений или посредством крупных катастрофических сдвигов? Тема эта в те годы считалась равно научной и религиозной, поэтому главные ораторы свободно переходили от фанатической торжественности к игривым шуточкам и меняли основание своей аргументации, как только брезжила надежда получить таким способом преимущество над оппонентом. Взявши слово с места, я обрисовал научный фундамент, на котором мы все могли бы достичь согласия и воздвигнуть здание новой концепции. Я выбирал слова очень тщательно; сначала меня слушали молча, потом по рядам пополз шепоток, вскоре перешедший в громовой хохот. На следующий день один из товарищей признался мне: «Извини, что мы над тобой смеялись, Свичнет, но когда ты с твоим деревенским выговором пошел цитировать Конта, Гексли и Геккеля, это было как если бы королева, открывая сессию парламента, заговорила языком лондонских торговок».

Но я, произнося свою речь, не мог взять в толк, что же именно так смешит публику, и принялся

себя оглядывать, решив, что у меня не в порядке одежда. Это вызвало новый взрыв смеха. Однако я договорил до конца и затем двинулся к выходу через весь зал; сидящие в нем, не переставая хохотать, принялись хлопать в ладоши и колотить об пол ногами. Когда я уже дошел до двери, вдруг раздался оглушительный звук, заставивший меня остановиться, а всех остальных — замолчать. Это Боглоу Бакстер подал голос с галереи. Протяжным, пронзительным фальцетом (но каждое слово было отчетливо слышно!) он объяснил, как каждый из главных ораторов использовал аргументы, опровергающие его же собственный тезис. Кончил он словами:

— …и те, что выступали с трибуны, — ведь это еще избранное меньшинство! Реакция на разумные доводы последнего оратора позволяет судить об умственном уровне основной массы.

— Благодарю тебя, Бакстер, — сказал я и вышел.

Через две недели, когда я совершал воскресную прогулку вдоль Кэткинских круч, мне показалось, что со стороны Камбесланга ко мне движется двухлетний ребенок с крохотным щенком на поводке. Вскоре я разглядел, что это Бакстер, сопровождаемый огромным ньюфаундлендом.

Мы остановились перекинуться парой фраз, выяснили, что оба любим дальние прогулки, и без лишних слов свернули в сторону и спустились к реке, чтобы вернуться в Глазго тихой тропкой вдоль Резергленского берега. Накануне мы были единственными медиками, посетившими лекцию Кларка Максвелла, и мы оба сочли странным, что студенты, которым предстоит диагностировать заболевания глаз, не испытывают интереса к физической природе света.

Боглоу сказал:

— Медицина есть искусство в такой же степени, как и наука, но наука наша должна иметь возможно более широкое основание. Кларк Максвелл и сэр Уильям Томсон исследуют глубинную суть того, что озаряет наш мозг и бежит по нервам. А медики переоценивают значение патологической анатомии.

— Но ведь ты сам не вылезаешь из анатомички.

— Я совершенствую некоторые методы сэра Колина.

— Сэра Колина?

— Моего прославленного родителя.

— Ты отцом-то его когда-нибудь звал?

— Я никогда не слышал, чтобы его называли

иначе, как сэр Колин. Патологическая анатомия незаменима для обучения и исследований, но она приводит многих врачей к мысли, что жизнь — всего лишь возмущение в чем-то мертвом по сути своей. Они обращаются с телами пациентов так, словно их души, их *жизни* ничего не значат. Мы учимся успокаивать пациента словами и жестами, но обычно это не более чем дешевая анестезия, чтобы пациент лежал так же тихо, как трупы, на которых мы практикуемся. А ведь портретист не будет учиться своему ремеслу, соскребая с рембрандтовских полотен лак, затем слоями снимая краску, смывая грунтовку и, наконец, распуская холст на волокна.

— Согласен, — сказал я, — что медицина есть искусство в такой же степени, как и наука. Но разве мы не начнем совершенствоваться в этом искусстве на четвертом курсе, когда придем в больницы?

— Чепуха! — отрезал Бакстер. — Общественная больница есть место, где врачи учатся тянуть деньги из богатых, практикуясь на бедных. Вот почему бедняки боятся и ненавидят ее, вот почему состоятельные люди предпочитают, чтобы их оперировали в частной клинике или на дому. Сэр Колин ни о каких больницах и слышать

не хотел. Зимой он оперировал в нашем городском доме, летом — в загородном. Я часто ему ассистировал. Он был художник своего дела; он кипятил инструменты и стерилизовал операционную еще в то время, когда больничное начальство напрочь игнорировало асептику или поносило ее как шарлатанство. Ни один хирург не осмеливался публично признаться, что его грязный скальпель и стоящий колом от засохшей крови халат отправили на тот свет множество людей, — и все оставалось по-прежнему. Они свели с ума несчастного Земмельвейса, который потом покончил с собой в попытке всколыхнуть общественность[3]. Сэр Колин был осторожнее. Он помалкивал о своих невероятных открытиях.

— Но согласись, — не унимался я, — что наши больницы с тех пор изменились к лучшему.

— Да, изменились — и все благодаря медицинским сестрам. Ими-то и живо сейчас искусство врачевания. Если все врачи и хирурги Шотландии, Уэльса и Англии в одночасье перемрут, а

---

[3] Критические: 2.3

Земмельвейс был венгерский врач-акушер. Встревоженный высокой смертностью в венском родильном доме, где он работал, он применил асептику, из-за чего смертность снизилась с 12 до 1¼ процента. Но начальство отказалось признать его выводы и принудило его уйти. Он намеренно вызвал у себя заражение крови через палец и умер в 1865 г. в психиатрической лечебнице от болезни, борьбе с которой он посвятил жизнь.

сестры останутся, восемьдесят процентов больных в наших больницах поправятся[4].

Я вспомнил, что Бакстеру разрешена больничная практика только в благотворительной клинике для беднейших из бедных, и подумал, что желчность его объясняется именно этим. Как бы то ни было, расставаясь, мы условились о новой совместной прогулке в следующее воскресенье.

Воскресные прогулки вошли у нас в привычку, хотя мы избегали людных мест и по-прежнему не разговаривали друг с другом в анатомическом классе. Мы оба сторонились людских взоров; тот, кого увидели бы в обществе Бакстера, наверняка стал бы предметом любопытства. Вдвоем мы подолгу молчали, поскольку от звука его голоса я, бывало, невольно вздрагивал. Когда это случалось, он улыбался и умолкал. Могло пройти полчаса, прежде чем я вновь вовлекал его в бесе-

---

[4] Критические: 2.4

Приведу относящийся к этой теме отрывок из статьи «Женщины и медицина» Джоанны Гейер-Кордеш в «Энциклопедии по истории медицины» под редакцией У.Ф. Байнема: «Флоренс Найтингейл однажды написала, что она вовсе не хочет, чтобы женщины становились врачами, потому что тогда они уподобились бы врачам-мужчинам. От широты поставленных Найтингейл задач захватывало дух. Она замышляла не больше и не меньше, чем такую реформу здравоохранения, после которой профилактика и гигиена сделали бы врачей вовсе ненужными».

ду, но мне всегда хотелось сделать это поскорее. Невыносимым своим голосом он говорил чрезвычайно интересные вещи. Раз перед встречей с ним я заткнул уши ватой, что позволило мне слушать его почти без неприятных ощущений. Осенним днем, когда мы едва не заплутали в лабиринте лесных тропок между Кэмпси и Торранс, он рассказал мне о своем необычном обучении.

Я натолкнул его на эту тему, заведя разговор о своем детстве. Вздохнув, он сказал:

— Я явился в этот мир благодаря связи сэра Колина с медицинской сестрой задолго до того, как мисс Найтингейл{1} сделала эту профессию достойной частью британской медицины. В то время добросовестный хирург должен был сам обучать своих подчиненных. Сэр Колин обучил одну из сестер искусству анестезии и работал с ней столь тесно, что они произвели на свет меня; потом она умерла. Я совершенно ее не помню. В наших домах не осталось никаких ее вещей. Сэр Колин заговорил о ней со мной только раз, когда я был подростком, — он тогда сказал, что она была самой умной, самой восприимчивой к обучению

{1} Примечания переводчика: 1.1

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — английская сестра милосердия и общественный деятель. Основала первую в мире школу медицинских сестер.

из всех знакомых ему женщин. Должно быть, это его в ней и прельстило, поскольку его совершенно не волновала женская красота. Его вообще мало интересовали *люди* — только истории болезней. Так как я учился дома, не бывал в других семьях и никогда не играл с другими детьми, до двенадцати лет я не слишком верно представлял себе функцию матери. Я знал разницу между врачами и сестрами и думал, что мать — это медицинская сестра низшего разряда, которой разрешается ходить только за маленькими. Я считал, что сам никогда в таком уходе не нуждался, потому что был большой с самого начала.

— Но ты ведь читал главу из Книги Бытия о родословии?

— Нет. Понимаешь, сэр Колин учил меня сам, и учил только тому, что считал нужным. Он был крайний рационалист. Поэзия, проза, история, философия и Библия были для него чепухой — «недоказуемые байки», так он все это называл.

— Чему же он тебя учил?

— Математике, анатомии и химии. Каждое утро и каждый вечер он измерял мне температуру и пульс, брал у меня на анализ кровь и мочу. К шести годам я научился делать это сам. Вследствие нарушения обмена веществ мой организм

постоянно требует определенных доз йода и сахара. Я должен очень внимательно следить за его химическим равновесием.

— Но неужели ты ни разу не спросил сэра Колина, откуда ты взялся?

— Спросил, и в ответ он показал мне диаграммы, рисунки и заспиртованные образцы — в общем, вышла лекция о моем появлении на свет. Мне подобные лекции нравились. Они научили меня восхищаться строением моего тела. Это помогло мне сохранить уважение к себе, когда я увидел, что людей отталкивает моя наружность.

— Печальное детство, еще печальнее, чем мое.

— Не согласен. Жестоко со мной никто не обращался, и я получал необходимые мне живое тепло и привязанность от псов сэра Колина. У него всегда было их несколько.

— Я открыл для себя механизм размножения, наблюдая за курами и петухами. А у твоего отца что, собаки никогда не щенились?

— Он не держал ни одной суки, только кобелей. Когда мне было тринадцать или четырнадцать лет, сэр Колин объяснил мне, в чем и почему женское тело отличается от мужского. Как обычно, он использовал диаграммы, рисунки и заспиртованные образцы, но сказал, что готов устроить

практический опыт с живой, здоровой особью, если любопытство толкает меня в эту сторону. Я ответил, что нет, не толкает.

— Прости мне мой вопрос, но — насчет отцовских собак. Вивисекцией он занимался?

— Да, — сказал Бакстер, слегка побледнев.

— А ты? — не унимался я.

Он остановился и обратил ко мне свое скорбное, огромное, детское лицо, перед которым я почувствовал себя уж совсем маленьким ребенком. Его голос стал таким высоким и пронзительным, что, несмотря на вату в ушах, я испугался за свои барабанные перепонки. Он сказал:

— *Ни я, ни сэр Колин не убили и не искалечили ни единого живого существа.*

— Хотел бы я иметь право сказать то же самое о себе, — заметил я.

Он не проронил ни слова до самого конца прогулки.

Ilium
Acetabulum
Head

3. Ссора

ОДНАЖДЫ Я ПОПРОСИЛ ЕГО РАССКАЗАТЬ поподробнее о своих исследованиях.

— Я совершенствую методы сэра Колина.

— Ты мне это уже говорил, Бакстер, но ответ меня не удовлетворяет. Зачем совершенствовать устарелые методы? Твой знаменитый отец был великим хирургом, но после его смерти медицина сделала огромный шаг вперед. За последние десять лет мы узнали такое, о чем он и помыслить не мог, — о микробах и фагоцитах, о том, как диагностировать и удалять опухоль мозга, о том, как лечить прободную язву.

— Сэр Колин знал кое-что поинтереснее.

— Что же?

— Ну, — начал Бакстер неторопливо, как бы против воли, — он, например, знал, как остановить жизнь тела, не убивая его, — нервы не передают никаких сигналов, дыхание, кровообращение и пищеварение полностью прекращаются, но жизнеспособность клеток не нарушается.

— Очень интересно, Бакстер. Но какая отсюда польза с медицинской точки зрения?

— О, польза есть! — сказал он с улыбкой, которая сильно меня раздосадовала.

— Как я ненавижу тайны, Бакстер! — воскликнул я. — Особенно наши, человеческие, ведь это всегда надувательство и пыль в глаза. Знаешь, что весь наш курс о тебе думает? Что ты жалкий, безобидный сумасшедший, напускаешь на себя ученый вид и возишься с мозгами да микроскопами.

Мой бедный друг остановился и ошеломленно на меня посмотрел. Я ответил ледяным взором. Упавшим голосом он спросил, думаю ли я то же, что они. Я сказал:

— Если ты увиливаешь от ответов на мои вопросы, что я могу еще думать?

— Ну ладно, — вздохнул он, — пошли ко мне домой, покажу тебе кое-что.

Я был польщен. До этого он не приглашал меня к себе ни разу.

Он жил в высоком, мрачном доме на Парк-сёркес, стиснутом другими домами; в прихожей Бакстера и его ньюфаундленда шумно приветствовали два сенбернара, восточноевропейская овчарка и афганская борзая. Не останавливаясь, он провел меня мимо них, мы спустились по лестнице в полуподвал, а оттуда вышли в маленький

дворик, окруженный высокими стенами[5]. В ближайшей к дому и вымощенной его части была устроена голубятня, а дальше виднелись овощные грядки и маленькая лужайка, обнесенная невысокой оградой. Там стояли клетки и паслось несколько кроликов. Бакстер перешагнул ограду и пригласил меня сделать то же. Кролики были совершенно ручные. Бакстер сказал:

— Взгляни-ка на эту парочку и попробуй объяснить, что увидишь.

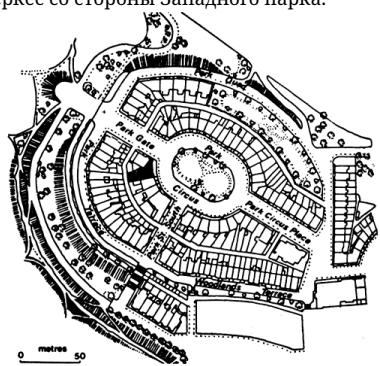
Он взял одного и подал мне; второго, ласково поглаживая, он держал в руках, пока я не осмотрел и его тоже.

У первого кролика прежде всего бросалась в глаза необычная окраска шерсти: передняя половина его была совершенно черная, задняя

[5] Критические: 2.5

Майкл Донелли, неутомимый в своих усилиях доказать, что этот рассказ вымышлен, замечает, что в приводимом здесь описании дворика ничего не сказано о каретном сарае в дальней от дома части. Он посетил старый дом Бакстера (Парк-сёркес, 18) и утверждает, что пространство между домом и сараем слишком мало и сумрачно, чтобы использовать его иначе, как для сушки белья. Это, конечно, говорит только о том, что каретный сарай был выстроен позже.

Вход на парк-сёркес со стороны Западного парка.



Первоначальный план Парк-сёркес (застройка сохранилась до наших дней). *Дом № 18 закрашен черным. Заштрихованный участок позади него обозначает дворик с «каретным сараем».*

— совершенно белая. Если бы зверька обвязали ниточкой вокруг тела в самой узкой части, по одну сторону от ниточки оказались бы только черные волоски, по другую — только белые. В природе такие резкие переходы встречаются лишь в кристаллах и базальтовых породах; морской горизонт в ясный день может выглядеть идеально ровным, но на самом деле он изогнут. И все же, отдельно взятый, этот кролик мог бы показаться мне тем, чем он показался бы любому другому, — капризом природы. Но если так, второй кролик был уродцем совершенно противоположного сорта — белым спереди и черным сзади до кончика хвоста, причем граница была *чрезвычайно ровная, словно проведенная скальпелем хирурга.* Никакой селекцией не выведешь двух столь зеркально противоположных особей, так что я вновь принялся их исследовать, на этот раз проминая пальцами; Бакстер тем временем смотрел на меня таким же взглядом, как я на кроликов, — серьезным, пристальным, изучающим. У одного из животных были мужские половые органы и женские сосцы, у другого гениталии были женские, а сосцы почти не прощупывались. Под шерстью у обоих в том самом месте, где она меняла окраску, я обнаружил легкий перепад

толщины — у первого при движении пальца от головы к хвосту тело едва заметной ступенькой сужалось, у второго — расширялось. Тут явно поработала не природа, а человеческая рука. Вдруг я почувствовал, что прижимаю к груди бесценное сокровище. Я осторожно опустил зверька на траву и посмотрел на Бакстера со священным ужасом, восхищением и — жалостью. Как не пожалеть человека, чья безграничная мощь отделяет его от прочих смертных резкой чертой, если, конечно, он не правитель, причиняющий людям привычное им зло.

— Как ты это сделал, Бакстер?

Когда я задавал ему этот вопрос, в глазах моих, помнится, стояли слезы.

— Никакого чуда я не совершил, — сказал он мрачно, опуская на землю другого кролика. — Скорей, наоборот, напортачил. Жили-были два обыкновенных, жизнерадостных кролика Мопси и Флопси; в один прекрасный день я их усыпил, а проснулись они вот такие. Теперь они потеряли всякий интерес к размножению, которое в прошлом доставляло им столько радости. Но завтра я их верну к прежнему состоянию.

— Скажи мне, Бакстер, если твои руки могут делать *такое*, чего они *не* могут делать?

— Я мог бы заменять изношенные сердца богачей здоровыми сердцами бедняков и получать за это бешеные деньги. Но мне не нужно больше, чем у меня есть, и было бы жестоко вводить миллионеров в подобное искушение.

— Ты говоришь об убийстве, Бакстер, но ведь в нашу анатомичку поступают трупы людей, умерших от несчастного случая или естественных причин. Если ты в состоянии использовать их неповрежденные органы и члены для лечения живых, ты можешь оказать человечеству большее благодеяние, чем Пастер и Листер, — повсеместно хирурги превратят мертвую науку в живое, воскрешающее искусство!

— Если бы медики так стремились спасать человеческие жизни вместо того, чтобы делать на них деньги, — сказал Бакстер, — то они бы объединились ради предупреждения болезней, а не лечили их каждый сам по себе. Источник большинства болезней известен по крайней мере с шестого века до рождества Христова, когда греки чтили Гигиену как богиню. Солнце, движение и чистота, Свичнет! Свежий воздух, хорошая вода, правильное питание, опрятные и просторные жилища для всех — и строгий правительственный запрет на все виды работ, ведущих к нарушению

этих условий и отравляющих людей.

— Невозможно, Бакстер. Британия превратилась во всемирную фабрику. Если социальное законодательство урежет доходы британской промышленности, Германия и Америка наложат лапу на мировой рынок и тысячи людей умрут голодной смертью. Едва ли не треть продовольствия Британия ввозит из-за границы.

— Все точно! Так что пока мы не лишимся мирового рынка, британскую медицину будут использовать как благопристойную ширму, скрывающую жестокие дела плутократов. Моя бесплатная работа в заводской клинике тоже поддерживает эту ширму. Она успокаивает мою совесть. Чтобы пересадить хотя бы желудок, нужна операция длительностью в тридцать три часа. И прежде чем начать, я должен потратить не меньше двух недель, чтобы отыскать и подготовить тело, совместимое с телом пациента. За это время несколько моих обездоленных пациентов умрут или измучатся от нестерпимой боли без рутинной хирургической помощи.

— Зачем тогда тратить время на совершенствование отцовских методов?

— Тут есть личные причины, о которых я не скажу тебе, Свичнет. Я понимаю, что это звучит не

по-дружески, но теперь я вижу, что другом моим ты и не был никогда, а только терпел общество жалкого, безобидного сумасшедшего, потому что другие, хорошо одетые студенты твое общество терпеть не хотели. Но не страшись будущего, Свичнет, ты же умный человек! Не блестящего ума, пожалуй, но надежный и предсказуемый, а эти качества ценятся. Через несколько лет ты станешь преуспевающим больничным хирургом. Ты получишь все, чего жаждешь: богатство, уважение, друзей и красавицу жену. А я буду по-прежнему пытать счастья на более одиноких путях.

Разговаривая, мы вновь вошли в дом и поднялись в полутемную прихожую, где на персидских коврах нежились пять собак. Почуяв нерасположение ко мне хозяина, они вытянули шеи, навострили уши, повернули морды в мою сторону и застыли, как сфинксы с головами псов. На лестнице над собой я скорее почувствовал, чем увидел, голову в белом чепце, склонившуюся над перилами, — вероятно, старая служанка или экономка.

— Бакстер! — прошептал я умоляюще. — Безумием было с моей стороны говорить такие вещи. Поверь, я не хотел тебя обидеть.

— Не поверю. Разумеется, ты хотел меня обидеть и обидел сильнее, чем думаешь. До свидания.

Он распахнул передо мной входную дверь. Меня охватило отчаяние. Я сказал:

— Боглоу, ведь у тебя нет времени заниматься публикацией открытий отца и твоих усовершенствований, так дай мне все записи! Я жизнь посвящу их обнародованию. Я всюду отмечу твое авторство, всюду, и ни разу не посягну на твое драгоценное время. А когда поднимется вселенский шум — ведь эти открытия поведут к яростным спорам, — я буду защищать тебя, я буду твоим цепным псом, как Гексли был цепным псом Дарвина! А теперь Свичнет будет цепным псом Бакстера!

— До свидания, Свичнет, — сказал он непоколебимо под грозное ворчанье собак; я покорно вышел с ним на крыльцо и там взмолился:

— Дай мне хоть руку твою пожать, Боглоу!

— На, — ответил он и протянул мне ладонь.

Раньше мы никогда не жали друг другу рук и я не видел толком его ладоней, потому что при мне он держал их наполовину скрытыми под обшлагами. Ладонь, которую он мне подал, была не столько даже квадратная, сколько кубическая, почти такая же в толщину, как в ширину,

с громадными костяшками первых суставов, от которых пальцы очень быстро сходили на конус, становясь на концах совершенно детскими, с крохотными розовыми ноготками. Меня прошиб холодный пот — я был не в состоянии дотронуться до этой руки. Я молча покачал головой, и вдруг он улыбнулся, как прежде, когда я вздрагивал от его голоса. Потом он пожал плечами и захлопнул передо мной дверь.

4. Удивительная незнакомка

ПОТЯНУЛИСЬ САМЫЕ ОДИНОКИЕ МЕСЯЦЫ в моей жизни. Бакстер в университете больше не показывался. С его рабочего места убрали скамейку, и оно опять превратилось в чулан. По меньшей мере раз в две недели я гулял по Парк-сёркес, но никто при мне не входил в парадную дверь его дома и не выходил оттуда, а взойти на крыльцо и постучаться у меня не хватало духу. Но ставни на окнах были открыты, и это означало, что в доме живут; будь я посообразительней, я бы понял, что, возвращаясь домой один, он предпочитает идти двором, через задний ход. Моя тяга к нему была лишена всякой корысти, ибо я больше не считал его чародеем науки. Мои занятия убедили меня в том, что даже переднюю половину червя или гусеницы невозможно срастить с задней половиной другой особи того же вида. До того как Янский дал классификацию групп крови, оставалось целых двадцать лет, так что мы не могли даже делать переливание. Необыкновенных кроликов я теперь считал галлюцинацией, порожденной игрой случая и

усиленной гипнотическими свойствами Бакстерова голоса; и все же в выходные дни я бродил по знакомым тропинкам через леса и вересковые пустоши — они воскрешали в моей памяти наши беседы. И, конечно, я надеялся его встретить.

И вот однажды в холодный, ясный субботний день на переломе от зимы к весне, идя по Сочихолл-стрит, я услышал звук, похожий на скрежет окованного железом колеса повозки о край тротуара. Мгновение спустя я узнал в этом скрежете знакомый голос:

— А, цепной пес Свичнет! Ну как, не мерзнет мой цепной пес в такую погоду?

— Невыносимый твой голос подогревает меня, Бакстер, — сказал я. — Почему бы тебе не вживить себе новую гортань? Голосовые связки барана издавали бы куда более мелодичные звуки.

Он пошел рядом со мной своей обычной слоновьей походкой, перемещавшей его с такой же скоростью, как меня — мои торопливые шаги. Трость была зажата у него под мышкой, как офицерский стек, цилиндр с изогнутыми полями сдвинут на затылок; высоко вздернутый подбородок и жизнерадостная улыбка показывали, что теперь ему безразлично, что думают о нем прохожие. Уколотый завистью, я сказал:

— Ты выглядишь счастливым, Бакстер.

— Да, Свичнет! Я теперь наслаждаюсь более изысканным обществом, нежели твое, — обществом прекрасной, прекрасной женщины, Свичнет, которая обязана жизнью вот этим моим пальцам — умельным, умельным пальцам![6]

Он поиграл ими в воздухе на воображаемой клавиатуре. Я возревновал.

— От чего же ты ее вылечил?

— От смерти.

— Ты хочешь сказать, *спас* ее от смерти?

— Отчасти так, но в главном это было искусно выполненное воскрешение.

— Чушь ты городишь, Бакстер.

— Зайди ко мне и посмотри на нее — мне важно услышать мнение стороннего человека. Физически она развита прекрасно, но разум ее еще формируется — да, ему предстоит сделать удивительные открытия. Она знает только то, что узнала в последние два с половиной месяца, и все

---

[6] Критические: 2.6

«Умельный» означает «умелый», как в старинной шотландской балладе «Сэр Патрик Спенс»:

Король в Данфермлине сидит,
Душу вином веселя.
«О, где мне умельного кормчего взять
Для нового корабля?»

же для тебя она будет поинтереснее, чем Мопси и Флопси, вместе взятые.

— Твоя пациентка потеряла память?

— Так я всем говорю, но ты не верь! Сделай выводы сам.

По пути к Парк-сёркес он не произнес более ничего, только добавил, что его пациентку зовут Белл, сокращенно от Белла, и живет она очень беспокойно, потому что он хочет, чтобы она как можно больше всего увидела, услышала и попробовала.

Когда Бакстер отпер дверь, до меня донеслись звуки фортепиано, на котором играли нечто, напоминающее «Зеленый берег Лох-Ломонд», играли так громко и в таком быстром темпе, что мелодия стала бесшабашно-веселой. Когда он ввел меня в гостиную, я увидел там женщину, сидящую за пианолой спиной к нам. Ее черные вьющиеся волосы ниспадали до самой талии, ноги жали на педали, приводившие во вращение цилиндр, с такой силой, что было ясно: физическое упражнение доставляет ей не меньшее удовольствие, чем музыка. Она раскинула руки в стороны, как чайка крылья, и махала ими, не попадая в такт. Она так увлеклась, что не слыхала наших шагов. Я мог не спеша осмотреть

комнату.

Высокие ее окна выходили на Парк-сёркес; в облицованном мрамором камине ярко горел огонь. На ковре у камина растянулись большие собаки, зарыв сонные морды друг другу в шерсть. Три кошки сидели по разным углам на высоких спинках стульев, каждая притворялась, что до остальных ей нет дела, но стоило одной шевельнуться, как обе другие настораживались. Через открытую двустворчатую дверь я увидел еще одну комнату, окнами во двор, там у огня сидела с вязаньем спокойная пожилая женщина, у ее ног маленький мальчик строил игрушечный домик и два кролика лакали из блюдечка молоко. Бакстер мимоходом сказал, что это его экономка с внуком. Один кролик был совершенно черный, другой совершенно белый, но я решил воздержаться от замысловатых догадок. Что удивляло, так это количество всякой всячины на коврах, столах, сервантах и диванах: телескоп на треножнике; волшебный фонарь, направленный на экран; земной и небесный глобусы, каждый не меньше ярда в диаметре; наполовину собранная карта-головоломка, изображающая Британские острова; кукольный домик без фасада со всей обстановкой и полным набором слуг, начиная от худенькой

служанки в спальне-мансарде и кончая толстой кухаркой, раскатывающей тесто в подвальной кухне; игрушечная ферма с сотнями тщательно выточенных и раскрашенных деревянных животных; чучела настоящих птичек колибри, яркой стайкой рассевшиеся на ветках серебряного куста с листьями и плодами из цветного стекла; ксилофон; арфа; литавры; человеческий скелет в полный рост; наконец, склянки с заспиртованными человеческими конечностями и органами. Эти образцы, вероятно, принадлежали к коллекции сэра Колина, и мертвая потемневшая плоть являла резкий контраст к вазам с желтыми нарциссами, горшкам с гиацинтами и большому стеклянному аквариуму, в котором шныряли крохотные тропические рыбки-самоцветы и степенно скользили золотые рыбы покрупнее. Повсюду стояли книги, раскрытые на выразительных иллюстрациях. Я успел заметить Богоматерь с младенцем, Роберта Бёрнса, склонившегося к полевой мыши, боевой корабль «Отважный», буксируемый к месту последней стоянки{2}, и кобольдов, обнаруживающих скелет

{2} Примечания переводчика: 1.2

Речь идет о знаменитой картине английского художника Дж. Тёрнера.

ихтиозавра в горной пещере Гарца[7].

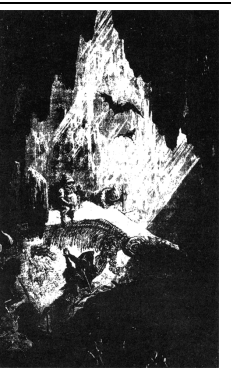
Музыка смолкла. Женщина встала, повернулась к нам и нетвердо шагнула вперед, едва не потеряв равновесие. По высокой, красивой, великолепно развитой фигуре ей можно было дать лет двадцать-тридцать, по выражению лица — много, много меньше. Ее глаза и рот были широко раскрыты, что у взрослого означает тревогу, а у нее было знаком живого, восторженного внимания, окрашенного ожиданием новых чудес. На ней было черное бархатное платье с узким кружевным воротничком и манжетами. Она заговорила по-детски старательно, с северо-английским выговором, и каждый слог ее речи раздавался сладко и отдельно, как звук флейты:

— Доб рый день Бог лоу, доб рый день гость.

---

[7] Критические: 2.7

Первый ихтиозавр был открыт Мэри Аннинг — «раскопщицей из Лайм-Риджис» — в 1810 г. Здесь идет речь об иллюстрации из книги Пуше «Вселенная» — популярного в XIX веке введения в естественную историю.



Гномы из немецкой легенды откапывают ихтиозавра. *Иллюстрация из книги П.А. Пуше «Вселенная, или Бесконечно большое и бесконечно малое» (9-е издание, 1886 г., изд-во «Блэкки и сын», Олд-Бейли: Глазго и Эдинбург.)*

Она протянула ко мне обе руки и держала их не опуская.

— Гостям подают только одну руку, Белл, — сказал Бакстер мягко. Она опустила левую руку и застыла, сохраняя на лице все ту же светлую улыбку ожидания. Никто до сих пор не смотрел на меня так. Я смутился — ее правая рука была поднята слишком высоко для меня. К моему собственному удивлению, я сделал шаг вперед, привстал на цыпочки, взял в руку пальцы Белл и поцеловал. Она судорожно вздохнула, медленно отвела ладонь, потом внимательно на нее посмотрела и потрогала ее большим пальцем другой руки, словно ощупывая след моих губ. Несколько раз она бросала на мое восхищенное лицо быстрые взгляды, полные радостного изумления, а Бакстер тем временем лучезарно нам улыбался, как пастор, знакомящий мальчика с девочкой на утреннике в воскресной школе.

— Познакомься, Белл, это мистер Свичнет, — сказал он.

— Доб рый день мис тер Свеч ка, — сказала Белла, — кро ха гость во ло сы как мор ковь гля дит с ин те ре сом си ний галс тук мя тый пид жак жи лет брю ки из. Ва. Ле. Та?

— Из вельвета, моя милая, — поправил ее Бакс-

тер, улыбаясь ей так же светло, как она мне.

— Вель вет руб ча та я ткань из хлоп ка мис тер Свеч ка.

— Мистер Свич*нет*, милая Белл.

— У ми лой Белл то же свеч ки нет Бог лоу. Про шу будь у Белл свеч кой кро ха гость.

— Ты рассуждаешь великолепно, Белл, — сказал Боглоу, — но скоро ты убедишься, что почти все фамилии лишены смысла. Миссис Динвидди! Отведите Белл и вашего внука вниз на кухню и дайте им лимонаду и пончиков в сахаре. Мы со Свичнетом пойдем в кабинет.

Поднимаясь со мной по лестнице, Бакстер с живым интересом спросил:

— Ну как тебе наша Белла?

— Тяжелая черепно-мозговая травма, Бакстер. Только ребенок или идиот может так разговаривать, излучать такую радость, принимать все новое с таким наивным восторгом. Ужасно видеть подобное у очаровательной молодой женщины. Только однажды по ее лицу пробежала тень неудовольствия — когда твоя экономка уводила ее от меня, то есть, я хочу сказать, от нас.

— Заметил? Так ведь это признак взросления. Черепно-мозговая травма тут ни при чем. Ее мыслительные способности увеличиваются с

огромной быстротой. Полгода назад у нее был мозг младенца.

— Отчего же он так деградировал?

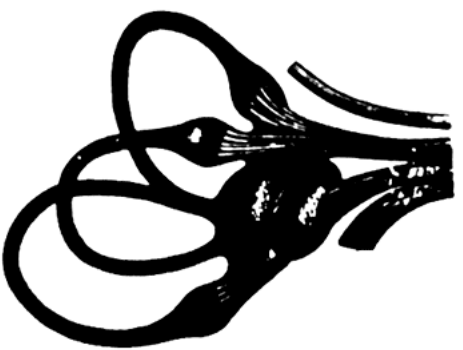
— Вовсе не деградировал, наоборот — получил возможность развиваться. Это был абсолютно здоровый маленький мозг.

Должно быть, его голос все-таки обладал гипнотической силой, ибо внезапно я понял, что он имеет в виду, и поверил ему. Я замер, вцепившись в перила, и мне стало нехорошо. Я услышал, как спрашиваю его заикающимся голосом, где он взял все, помимо мозга.

— Это-то я и хочу тебе рассказать, Свичнет! — воскликнул он, обхватил меня одной рукой и легко понес по ступенькам. — Ты единственный человек на свете, кому я могу довериться.

Когда мои ноги оторвались от ковра, мне почудилось, что я попал в лапы к чудовищу, и я начал брыкаться. Я закричал было, но он закрыл мне рот ладонью, затащил меня в ванную и сунул мою голову под струю холодной воды, после чего положил меня на диван в своем кабинете и дал мне полотенце. Вытираясь, я немного успокоился, но, когда он протянул мне бокал с какой-то серой слизью, меня вновь охватила паника. Бакстер сказал, что готовит этот состав

из фруктов и овощей, что он улучшает кровь и укрепляет мышцы и нервы, не перевозбуждая их, что сам он ничего другого не пьет. Я отказался, и он начал шарить в буфетах под ярусами книжных полок со стеклянными дверцами, пока не обнаружил графин с портвейном, к которому с тех пор, как умер его отец, никто не прикасался. Когда я потягивал густую рубиновую жидкость, мне вдруг почудилось, что и Бакстер, и его дом, и мисс Белл, и я сам, и Глазго, и селения Галлоуэя, и вся Шотландия суть вещи равно дикие и невероятные. Я захохотал. Приняв мой истерический смех за возвращение здравого смысла, он издал вздох облегчения, подобный пароходному гудку. Я вздрогнул. Он достал из комода вату. Я заткнул уши. И он начал свой рассказ.



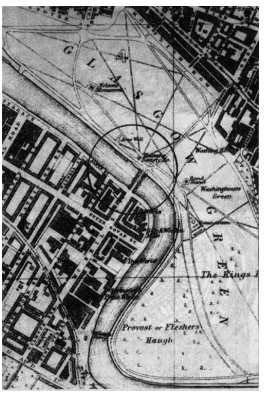
5. Сотворение Беллы Бакстер

— ДЖОРДИ ГЕДДЕС РАБОТАЕТ В ГОРОДСКОМ Обществе человеколюбия, которое предоставило ему в бесплатное пользование дом в парке Глазго-грин[8]. Он вылавливает из Клайда утопленников и, когда возможно, спасает этих людей. Если спасти не удается, он помещает труп в маленький морг рядом со своим жилищем, где полицейский хирург совершает вскрытия. Когда врач занят и не может прибыть, посылают за мной. Чаще всего, разумеется, в морг попадают трупы самоубийц, и те из них, что никем не востребованы, отправляются в анатомические классы и лабора-

[8] Критические: 2.8

Общество человеколюбия города Глазго для обнаружения и спасения утопающих было основано факультетом хирургии университета Глазго в 1790 г.; первый эллинг и дом для служителя Общества были построены в Глазго-грин в 1796 г. Джордж Геддес, первый служитель Общества, работавший на полную ставку, занимал эту должность с 1859 по 1889 г.; его сын Джордж Геддес-младший работал с 1889 по 1932 г. Потом место досталось столь же известному Бену Парсониджу, чей сын в настоящее время (июль 1992 г.) занимает дом Общества человеколюбия, что близ подвесного моста.

›››



Глазго-грин, 1880 г. *Кружком обведено место, где утопилась леди Виктория Коллингтон. Здесь же — мост, с которого она прыгнула в воду; набережная, откуда это увидел Гелдес; дом общества человеколюбия, где Боглоу Бакстер обследовал ее труп.*

Подвесной мост Св. Андрея, находящийся рядом с лодочным причалом и выше его по течению, с давних пор облюбовали самоубийцы. Это малолюдный пешеходный мост с железным решетчатым парапетом, на который, пока над ним не возвели дополнительное ограждение из мелкой сетки, было легко взобраться. Внук Джорджа Геддеса-старшего утонул, пытаясь спасти человека, прыгнувшего с моста Св. Андрея в 1928 г.

тории. Этой отправкой раньше ведал я.

Меня вызвали исследовать тело той, кого ты теперь знаешь как Беллу, год назад, вскоре после нашей ссоры. Геддес увидел, как молодая женщина взбирается на парапет подвесного моста, что рядом с его домом. Она не прыгнула ногами вперед, как большинство самоубийц. Она нырнула вниз головой, как пловчиха, но не вдохнула, а *выдохнула* воздух перед прыжком, ибо, уйдя под воду, живой так и не всплыла. Выловив тело, Геддес обнаружил, что она привязала к запястьям ридикюль, набитый камнями. Как видишь, весьма тщательно подготовленное самоубийство и притом совершенное человеком, который хотел, чтобы его забыли. Карманы ее изысканной, со вкусом подобранной одежды были пусты, и те места на белье и подкладке, где у женщин побогаче стоят вышитые фамилии или инициалы, были аккуратно вырезаны. Когда я появился, трупное затвердение еще не наступило, тело едва успело остыть. Я увидел, что она беременна; на пальце у нее виднелись ложбинки от снятых колец, обручального и свадебного. О чем это тебе говорит, Свичнет?

— Она носила ребенка либо от ненавистного мужа, либо от бросившего ее любовника, которо-

го она предпочла мужу.

— Я тоже так подумал. Я очистил ее легкие от воды, чрево — от плода и, искусно применяя электрические воздействия, мог вернуть ее к сознательной жизни. Но не решился. Ты поймешь почему, если увидишь лицо Беллы во сне. Тогда она вновь становится страстной, умной, удрученной женщиной, которая лежала передо мной на столе покойницкой. О покинутой ею жизни я знал одно: она так ее ненавидела, что бесповоротно решила *не быть*! Какие овладели бы ею чувства, окажись она насильно вызволена из хладнокровно избранной вечной пустоты и принуждена *быть* в одной из наших толстостенных, отвратительно снабжаемых, недоукомплектованных служащими психиатрических лечебниц или тюрем? Ибо наша христианская нация считает самоубийство преступлением или проявлением безумия. Итак, я восстановил жизнь тела лишь на клеточном уровне. Затем дал объявление. За телом никто не явился. Я привез его сюда, в отцовскую лабораторию. Все мечты детства, все чаяния юности, все годы учения и исследовательских работ были подготовкой к этому часу.

Каждый год сотни молодых женщин топятся из-за невыносимой нужды и предрассудков

нашего отвратительного, подлого общества. Впрочем, природа тоже бывает несправедлива. Ты знаешь, как часто она производит на свет младенцев, которых мы называем уродами, потому что они не могут жить вовсе или могут жить лишь усилиями медиков: двухголовых, одноглазых, сиамских близнецов, а порой таких, которым наука даже не подобрала еще имен. Хороший врач не допустит, чтобы мать увидела подобное. Иные из уродств менее диковинны, но столь же губительны; например, может родиться ребенок без желудочно-кишечного тракта — он, едва перережут пуповину, будет обречен на голодную смерть, если только чья-нибудь милосердная рука не задушит его заблаговременно. Ни один врач не решится сделать это сам или отдать подобный приказ медицинской сестре, и тем не менее такие убийства происходят сплошь и рядом, ведь в нынешнем Глазго — втором городе Британии по величине и первом по детской смертности — мало кто из родителей может оплатить гроб, заупокойную службу и могилу для каждого крохотного родного тельца. Даже католики помещают детей, умерших до крещения, в лимб. А на нашей всемирной фабрике лимбом служит медицина. Не один год я размышлял, как

соединить для новой жизни тело и мозг, выброшенные обществом на свалку. Теперь я исполнил задуманное; итог — Белла.

Как чаще всего бывает с человеком, внимающим спокойному рассказу, я и сам успокоился, обретя способность рассуждать.

— Браво, Бакстер! — воскликнул я, поднимая бокал. — Но как ты объясняешь ее выговор? То ли в жилах у нее течет йоркширская кровь, то ли родители *ее мозга* жили в северной Англии.

— Возможно только одно объяснение, — сказал Бакстер задумчиво. — Самые ранние наши навыки, и среди них речевой, суть инстинкты, коренящиеся в нервах и мышцах всего тела. Известно, что инстинкт есть продукт не одного лишь мозга, ведь обезглавленная курица порой бежит и бежит, прежде чем упасть. У Беллы мышцы гортани, языка и губ сокращаются так же, как в первые двадцать пять лет ее жизни, которые, я думаю, прошли ближе к Манчестеру, чем к Лидсу. Но все слова, которыми она пользуется, она узнала либо от меня, либо от пожилых шотландок, которые ведут мое хозяйство, либо от детей, которые с ней играют.

— А как ты объяснил им ее появление, Бакстер? Или ты такой домашний тиран, что прислуга не

осмеливается тебя ни о чем спрашивать?

Поколебавшись, Бакстер пробормотал, что все его служанки — бывшие медицинские сестры, вышколенные сэром Колином, и их не удивляет присутствие необычных пациентов, поправляющихся после сложных операций.

— Но как ты представил ее *обществу*, Бакстер? Твоим соседям по Парк-сёркес; родителям детей, которые с ней играют; участковому полицейскому — едва ли ты им сказал, что это плод хирургического гения. Как ты ее запишешь на ближайшей переписи населения?

— Им было сказано, что это Белла Бакстер, моя дальняя родственница, чьи родители погибли в железнодорожной катастрофе в Южной Америке, а сама она получила тогда тяжелое сотрясение мозга с полной потерей памяти. Чтобы выглядело убедительней, я облачился в траур. Придумано действительно неплохо. У сэра Колина был двоюродный брат, с которым он поссорился много лет назад; тот уехал в Аргентину еще до «картофельного голода»{3} и с тех пор не давал о себе знать. В том винегрете наций, каким является Аргентина, он вполне мог жениться на дочери английских

{3} Примечания переводчика: 1.3

«Картофельный голод» 1845–1848 гг. — голод в Ирландии, вызванный неурожаем картофеля.

эмигрантов. К тому же лицо Беллы после того, как я остановил разложение тканей, приобрело такой же бледно-желтоватый оттенок, как у меня, что можно истолковать как семейную особенность. Эту историю я расскажу и Белле, когда ей станет известно, что у человека должны быть родители, и она захочет иметь их сама. Пара почтенных покойников — все лучше, чем ничего. Если она узнает, что она плод хирургического искусства, это омрачит ее жизнь. Правду знаем только мы с тобой, хоть я и сомневаюсь, что ты мне веришь.

— Честно говоря, Бакстер, версия с железнодорожной катастрофой более убедительна.

— Думай как хочешь, Свичнет, но, пожалуйста, не налегай так на портвейн.

Я не внял его совету. Не спеша наполнил бокал еще раз и столь же неторопливо сказал:

— Итак, по-твоему, мозг мисс Бакстер когда-нибудь сравняется в возрасте с телом.

— Да, и скоро. Сколько лет ты бы ей дал по ее речи?

— Она лопотала как пятилетняя.

— Я определяю возраст ее ума по возрасту детей, с которыми она играет. Робби Мердоку, внуку моей экономки, скоро будет два. Еще полтора месяца назад она самозабвенно ползала с ним по

полу, но вскоре он ей наскучил, и она воспылала пламенной страстью к племяннице кухарки. Эта шестилетняя умница теперь, когда прошли первые радости, находит очень скучной саму Беллу. По уму Белле сейчас, думаю, года четыре, и тогда выходит, что взрослое тело чрезвычайно ускорило развитие мозга. Это ведет к определенным трудностям. Сам того не замечая, Свичнет, ты произвел на Беллу впечатление. Ты первый взрослый мужчина, которого она встретила, если не считать меня, и я видел, что она чувствует это буквально кожей. Такая реакция показывает, что ее тело помнит плотские ощущения той, прежней жизни, и эти ощущения подсказывают мозгу новые образы и новые словосочетания. Она хочет, чтобы ты был ее свечкой. На ум приходят довольно рискованные ассоциации.

— Чушь собачья! — воскликнул я возмущенно. — Как ты смеешь говорить о твоей прелестной племяннице такие чудовищные вещи? Если бы ты в раннем возрасте играл с другими детьми, ты бы знал, что это обычная детская болтовня. Отгадай-ка, паренек, отгадай, девчонка, что за маленький челнок, а в нем мужичонка. У меня есть муженек, ростом будет с пальчик, а каков он из себя, знает каждый мальчик. Но как ты

будешь учить мисс Бакстер, когда она вырастет из нынешнего милого состояния?

— Только не в школе, — сказал он твердо. — Я не допущу, чтобы с ней обращались как с диковинкой. Вскоре я возьму ее в тщательно спланированное кругосветное путешествие, и где ей особенно понравится, там мы задержимся подольше. Она не только многое увидит глазами, но и многое узнает из разговоров с людьми, которые найдут ее лишь чуточку более странной, чем большинство английских путешественников, и восхитительно естественной по сравнению с ее неуклюжим спутником. Кроме того, путешествие быстро излечит ее от привязанностей, которые начинают становиться романтическими в не очень здоровом смысле.

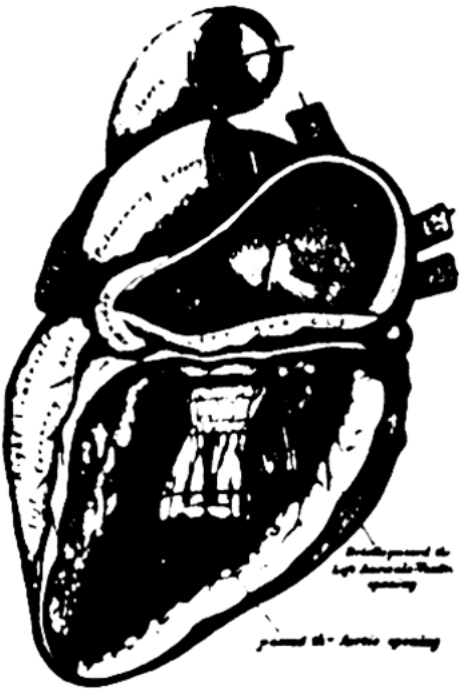
— И конечно же, Бакстер, — сказал я необдуманно, — там она будет целиком в твоей власти, вдалеке от людских взоров, хотя бы даже столь робких, как взоры твоих слуг. В прошлую нашу встречу, Бакстер, ты похвастался в пылу ссоры, что разрабатываешь тайный способ получить женщину в полное свое распоряжение, и теперь я знаю твой тайный умысел — совращение! Ты думаешь, что вот-вот завладеешь тем, о чем безнадежно мечтали поколения мужчин: душой

невинного, доверчивого, беспомощного ребенка в роскошном теле очаровательной женщины. Но я этого не допущу, Бакстер. Ты богатый наследник аристократа, я приблудный сын бедной крестьянки, но между отверженными мира сего существует более прочная связь, чем думают сытые. Кем бы ни была Белла Бакстер — твоей осиротевшей родственницей или дважды осиротевшим произведением хирургического искусства, — я ближе к ней, чем когда-либо сможешь стать ты, я буду защищать ее честь до последней капли крови, и это так же верно, как то, что в небесах есть Бог, Бакстер, — Бог вечного милосердия и отмщения, перед кем могущественнейший на земле император ничтожней крохотного воробья.

В ответ Бакстер забрал у меня графин, поставил его обратно в буфет и запер дверцу.

Наблюдая, как он это делает, я немного остыл и вспомнил, что перестал верить в Бога, небеса, вечное милосердие и тому подобное, прочтя дарвиновское «Происхождение видов». До сих пор меня изумляет, что, неожиданно повстречавшись с единственным другом, будущей женой и первым в жизни графином портвейна, я не нашел ничего лучшего, как пуститься в разглагольство-

вания на языке романов, которые, я знал, гроша ломаного не стоят и которые я читал вечерами лишь для того, чтобы поскорее заснуть.



6. Мечта Бакстера

Бакстер вновь подошел ко мне, сел на свое место и взглянул мне в глаза — губы сжаты, брови подняты. Кажется, я покраснел. Во всяком случае, по всему лицу у меня разлился жар. Он сказал ровным тоном:

— Напряги свою память, Свичнет. С виду я безобразен, но припомнишь ли ты, чтобы я хоть раз совершил безобразный поступок?

Помолчав, я угрюмо спросил:

— А Мопси и Флопси?

Его, похоже, слегка задело, и после паузы он задумчиво заговорил, словно беседуя с самим собой:

— Сэр Колин, его няни и собаки уделяли мне больше внимания, чем получает подавляющая часть вновь прибывших в наш мир; но мне хотелось еще большего. Я мечтал об удивительной незнакомке — женщине, какой я никогда еще не встречал и какую мог только вообразить, — подруге, которая нуждалась бы во мне так же сильно, как я в ней, и восхищалась бы мной так же горячо, как я ею. Разумеется, для большин-

ства юных созданий это желание удовлетворяет мать, хотя богатые семейства часто нанимают служанку, исполняющую роль матери. Я не испытывал особенно большой привязанности к тем, кто ходил за мной, возможно, потому, что их было слишком много. С самого рождения я был крупным, сильным ребенком, и мне смутно вспоминается, что кормили, умывали и одевали меня, пока я не научился делать это сам, по крайней мере, три взрослые няни. Может быть, их было и больше — ведь они, наверно, работали посменно. Возможно, я приписываю детству томление более поздних лет, но я не могу вспомнить ни единого дня, когда я не ощущал внутри меня пустоту в форме женской фигуры — пустоту, что жаждала быть заполненной кем-то диковинней и прекрасней, чем все домашние. Томление усилилось с приходом половой зрелости, которая нагрянула с катастрофической внезапностью. Голос мой, увы, так и не сломался — до нынешнего дня у меня осталось меццо-сопрано, — но однажды утром я проснулся с напряженным мужским органом и отяжелевшими яичками, что составляет бремя нашего пола.

— И тут, как ты мне рассказывал, твой отец объяснил тебе, в чем женская анатомия отличается

от мужской, и предложил свести тебя со здоровой особью в рабочем состоянии. Упустил ты свой шанс, Бакстер.

— Как у тебя со слухом, Свичнет? Мне что, дважды все повторять? *Мне нужно было восторгаться женщиной, которой нужен был бы я и которая восторгалась бы мной.* Могу перевести на язык физиологии. Семяизвержение лишь тогда может дать мне удовлетворение, когда оно сопровождается длительным возбуждением высших нервных центров, воздействие которых на железы внутренней секреции меняет состав крови не на несколько судорожных мгновений, а на множество звонких дней. Женщина моих грез возбуждала меня именно так. Я нашел ее изображение в «Шекспировских историях» Лэма, которые, должно быть, оставил у нас один из пациентов сэра Колина, — это была единственная ненаучная книга в нашем доме. Офелия сидела подле своего брата, довольно пресного субъекта, несмотря на свирепую маленькую бородку. Он что-то ей говорил, но она только притворялась, что слушает, а сама завороженно вглядывалась во что-то чудесное за пределами картинки, и мне хотелось, чтобы это был я. Выражение ее лица волновало меня больше, чем прелестное

тело в свободно ниспадающем фиолетовом платье — ведь я полагал, что о телах знаю все. Это выражение волновало меня больше, чем само ее прелестное лицо, ибо мне приходилось уже видеть женщин с красивыми лицами; когда они приближались ко мне, их лица застывали, бледнели или краснели и отворачивались, чтобы не видеть меня вовсе. Офелия же смотрела на меня с изумленным обожанием, потому что видела во мне внутреннего человека — благороднейшего, величайшего врача на свете, которым я хотел стать, который в силах спасти ее жизнь и жизни миллионов. Я прочел мрачное повествование, в котором она была единственной истинно любящей человеческой душой. Но мне было очевидно, что история эта описывает эпидемическое распространение мозговой лихорадки, которая, подобно брюшному тифу, была, вероятно, вызвана просачиванием трупных ядов дворцового кладбища в систему водоснабжения Эльсинора. Неприметно начавшись среди дозорных на крепостных стенах, инфекция поразила принца, короля, первого министра и придворных, вызвав у них галлюцинации, глоссолалию и паранойю, ввергнув их в пучину болезненной подозрительности и преступных позывов. Я воображал, как

являюсь во дворец в первом акте трагедии, облеченный всей властью инспектора санитарной службы. Главные переносчики заразы (Клавдий, Полоний и явно неизлечимый Гамлет) были бы изолированы в отдельных палатах. Благодаря чистой питьевой воде, современному водопроводу и эффективной канализации дела в Датском королевстве вскоре поправились бы, и Офелия, увидев, как этот неотесанный шотландский лекарь указывает ее народу путь к чистому и здоровому будущему, была бы бессильна таить свою любовь.

— Мечты, подобные этим, Свичнет, ускоряли ход моего сердца и изменяли фактуру кожи на целые часы кряду в свободное от занятий время. Проститутка, которую предлагал мне сэр Колин, была бы не более чем его измышлением, заводной куклой, приводимой в движение деньгами вместо пружины.

— Но теплое живое тело, Бакстер.

— Мне надо было видеть это выражение лица.

— В темноте-то… — начал я, но он велел мне заткнуться. Я сидел, думая о том, что из нас двоих я и есть настоящее чудовище.

Помолчав, он сказал со вздохом:

— Моя мечта стать любимым в народе целителем оказалась несбыточной. Да, я был самым блестящим студентом-медиком за всю историю университета — и как я мог им не быть? Исполняя обязанности ближайшего помощника сэра Колина, я узнал на практике то, что профессора преподавали в теории. Но в операционной сэра Колина мне разрешалось прикасаться только к тем пациентам, что были усыплены наркозом. Посмотри на мою ладонь — знаю, это зрелище не из приятных, — посмотри на этот куб с выступающими из него пятью конусами, нет чтобы это была плоская селедка с пятью торчащими сосисками. Пациенты, с которыми я мог иметь дело, были либо без сознания, либо слишком бедны, чтобы выбирать себе врача. Несколько известных хирургов пользуются моей помощью, когда оперируют знаменитостей, чья смерть может повредить их репутации: мои уродливые пальцы и, надо сказать, моя уродливая башка лучше работают в критический миг. Но пациенты никогда меня не видят, так что завоевать восторженную улыбку Офелии нет никакой возможности. Впрочем, теперь-то мне не на что жаловаться. Улыбка Беллы счастливей, чем та улыбка Офелии, и, глядя на нее, я и сам делаюсь счастливым.

— Значит, мисс Бакстер твоих рук не боится?

— Нет. С той самой минуты, как она в первый раз открыла глаза в моем доме, эти руки давали ей еду, питье и сладости, ставили рядом с ней цветы, приносили ей игрушки, показывали, как с ними обращаться, открывали книги на ярких картинках. Поначалу я заставлял ходивших за ней служанок носить в ее присутствии черные вязаные перчатки, но вскоре понял, что это излишне. То, что у других людей руки выглядят иначе, не мешает ей думать, что мои руки и я сам столь же естественны и необходимы, как этот дом, как ежедневная пища, как утренний свет. Но ты — новое для нее лицо, Свичнет, и твои руки взволновали ее. Мои не волнуют.

— Ты, конечно, рассчитываешь, что это изменится.

— Да. О да. Но я терпелив. Только плохие воспитатели и родители требуют от юных созданий немедленного восхищения. Я рад, что Белла принимает меня как должное в такой же степени, как пол под ногами — пол, что держит ее, когда она развлекается звуками пианолы, ищет общества кухаркиной внучатой племянницы и волнуется от прикосновения твоей руки, Свичнет.

— Я хотел бы поскорее увидеть ее опять.

— Как скоро?

— Сейчас… Или сегодня вечером… Во всяком случае, прежде, чем вы уедете в кругосветное путешествие.

— Нет, Свичнет, придется тебе дождаться нашего возвращения. Твое действие на Беллу меня не тревожит. А вот ее действие на тебя — еще как.

Он провел меня к выходу так же решительно, как и в прошлый раз, но теперь, перед тем как закрыть дверь, ласково похлопал меня по плечу. Я не отпрянул от его руки, но неожиданно сказал:

— Погоди минутку, Бакстер! Эта твоя утопленница — на каком она была месяце?

— У нее уже вышел весь срок.

— Мог ты спасти ребенка?

— Мог спасти и спас — его мыслящую часть. Разве ты не понял? Зачем искать мозг, совместимый с телом, когда он уже под рукой? Если тебе это не нравится — просто не верь ничему, и все.

7. У фонтана

ПЯТНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ПРОШЛО, прежде чем я встретил ее вновь, и эти месяцы оказались неожиданно счастливыми. Поскреб умер и, к моему изумлению, оставил мне четверть своего капитала; вдова и законный сын поделили между собой остальное. Я стал врачом при Королевской лечебнице и получил в свое ведение палату, полную пациентов, которые как будто во мне нуждались, а иные даже выказывали мне знаки восхищения. Свою зависимость от них я прятал под личиной гладкой вальяжности, прорываемой время от времени вспышками добродушного юмора. Я заигрывал с подчиненными мне сестрами, не выходя за принятые рамки, — то есть со всеми в равной мере. Меня приглашали на музыкальные вечера, где каждый должен был что-нибудь спеть. Мои шуточные песни на галлоуэйском диалекте вызывали смех, серьезные — аплодисменты. В свободные минуты, особенно в те полчаса, когда ты уже лежишь в постели, но еще не спишь, я думал о Белле. В то время я пытался продираться сквозь романы Булвера-Литтона,

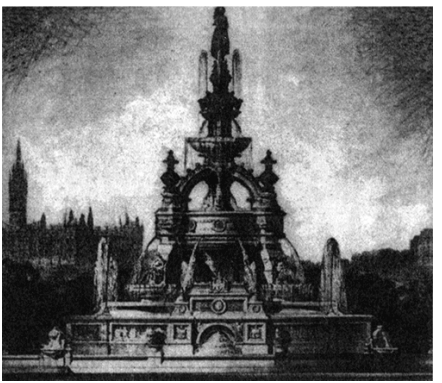
но его персонажи казались мне марионетками, рабами условностей, и я вспоминал ее руки-крылья, которыми она размахивала над пианолой, не сходящую с лица восторженную улыбку, порывистую нетвердую походку и то, как она протянула ко мне руки, словно желая обнять меня, как еще никто в жизни не обнимал. Нет, я не мечтал о ней — я вообще не умею мечтать, — но когда мы вновь встретились, мне на миг показалось, что я грежу о ней, лежа в постели, хотя я, без сомнения, бодрствовал и находился в общественном парке.

Две недели жаркой, безветренной и безоблачной летней погоды сделали Глазго совершенно невыносимым. Муть от промышленных дымов и газов заволокла долину, заполнив ее до самых вершин окрестных холмов, и не выпадало дождя, чтобы ее прибить, и не налетал ветер, чтобы ее развеять, эту пыльную мглу, от которой все, даже небо, покрылось серым налетом, и воспалялись глаза, и в ноздрях образовывались корки. В помещении воздух как будто был чище, но однажды вечером потребность в движении привела меня к унылому берегу Келвина. Вода, бурля, перекатывалась через водослив плотины, и отходы бумажной фабрики, расположенной выше по течению, сбивались в грязно-зеленые комья раз-

мером с дамскую шляпку, промежутки между которыми заполняла мутная пена. Эта жижа, по виду и запаху напоминавшая содержимое химической реторты, текла через Западный парк, и воду под ней разглядеть было невозможно. Я вообразил, какая получается смесь, когда эти стоки вливаются в покрытый масляной пленкой Клайд между Партиком и Гованом, и задумался, есть ли еще такие сухопутные животные, что, как человек, испражняются в воду. Пожелав себе мыслей поприятнее, я двинулся к мемориальному фонтану «Лох-Катрин»[9], чьи с силой пущенные вверх и падающие водяной пылью струи придавали воздуху некоторую свежесть. Вокруг фонтана дефилировали хорошо одетые господа и их дети, и я пошел среди них, уставя

[9] Критические: 2.9

Правильное название — мемориальный фонтан Стюарта, поскольку он был воздвигнут в память о трудах мистера Стюарта из Мердостауна, мэра Глазго с 1854 г. Преодолевая сильное сопротивление частных водопроводных компаний, он добился постановления парламента, давшего возможность муниципалитету сделать озеро Лох-Катрин, что находится в тридцати трех милях от города посреди гор Троссах, главным резервуаром городского общественного водоснабжения.



Мемориальный фонтан Стюарта; слева на заднем плане — университет Глазго, справа — Парк-сёркес.

Впрочем, ошибка доктора Свичнета вполне понятна. Спроектированный Джеймсом Селларсом и построенный в 1872 г. по заказу Комиссии по водоснабжению, фонтан искусно украшен резными фигурами зверей и птиц, обитающих на островах озера Лох-Катрин: цапли, выдры, ласки и совы. Венчает сооружение изящная фигура не кого иного, как Эллен — Девы Озера. С веслом в руке она стоит во весь рост на носу воображаемой ладьи — в точности такая, какой увидал ее Фиц-Джеймс в самом знаменитом поэтическом произведении сэра Вальтера Скотта.

Около 1970 г. власти отключили воду и позволили детям беспрепятственно лазить по каменным уступам. Скульптуры были разбиты. В 1989 г., когда город Глазго готовился стать культурной столицей Европы, фонтан полностью восстановили и пустили воду. В июле 1992 г. он вновь бездействует. Его окружает высокий деревянный забор.

взор в землю, как всегда делаю в толпе. Я старался вспомнить, какого цвета у Беллы глаза, но мне вспоминались вместо этого звуки ее речи, падающие отдельными слогами, как жемчужины на блюдо, — и тут я услышал:

— Свечка, где твои брюки из вель ве та?

Она сияла передо мной, как радуга, — но вполне осязаемая, статная, элегантная, — опираясь на руку Бакстера и глядя на меня с задумчивой улыбкой. Глаза у нее оказались золотисто-карие, одета она была в малиновое шелковое платье и небесно-голубой бархатный жакет. На голове — фиолетовая шляпка, на руках — белоснежные перчатки; пальцами левой руки она покручивала янтарную ручку зонтика, чье тонкое древко, склоненное у нее над плечом, увенчивалось за головой канареечно-желтым куполом с травянисто-зеленой каймой. В сочетании с этими яркими красками ее черные волосы и брови, матовая кожа и сияющие золотисто-карие глаза выглядели ослепительно заграничными и изысканными, но если сама она была восхитительным сновидением, то высившийся рядом Бакстер — подлинным кошмаром. Когда его не было рядом, память сводила его чудовищные пропорции и лохматую мальчишескую голову к чему-то более

приемлемому, и даже после недельной разлуки неожиданная встреча с ним ошеломляла. Мы же не виделись семьдесят недель. На нем было теплое пальто с пелериной, в которое он кутался на улице в любую погоду, потому что его тело теряло тепло быстрее, чем у других людей; но что поразило меня больше всего — это его лицо. Оно и всегда-то выглядело несчастным, но теперь в его скорбных глазах сквозила нехватка чего-то столь же необходимого, как душевное здоровье или кислород, — нехватка, которая медленно его убивала. В этой упорной мрачности не было ничего враждебного — он тоскливо мне поклонился, показав, что узнал, — и все же она испугала меня, на миг возбудив подозрение, что то, к чему он стремился и по чему тосковал, может быть, не достанется и мне тоже, хотя Белла теперь улыбалась мне с таким же радостным ожиданием, как в первый раз. Она высвободила правую руку из-под локтя Бакстера и протянула ее ко мне на уровне плеча. Снова мне пришлось встать на цыпочки, чтобы взять ее пальцы и прикоснуться к ним губами.

— Ха-ха-ха! — засмеялась она, вскинув руку над головой, словно хотела поймать в кулак бабочку. — Он все та же моя маленькая Свечка, Бог!

Ты был первый мужчина, кого я любила после малыша Робби Мердока, Свечка, но теперь я сама, Белл мисс Бакстер жительница Глазго уроженка Шотландии подданная Британской империи, повидала мир! Французские немецкие итальянские испанские африканские азиатские американские мужчины и даже женщины с севера и юга целовали эту руку и другие места, но я все равно вспоминала тот первый раз, хоть море разделило нас, товарищ юных дней{4}. Сядь-ка на скамейку, Бог. У нас со Свечкой будет прогулка моцион поход вылазка пробежка странствие шествие и вре-мя-пре-про-вож-дение. Бедный ты мой Бог. Без Беллы тебе будет горестно тоскливо тяжко, и когда ты уже начнешь думать, что я пропала навек — бац, бум, крак, и вот я выскакиваю из этих самых зарослей остролиста. Стерегите его, ребята.

{4} Примечания переводчика: 1.4

Цитата из стихотворения Р.Бёрнса «Старая дружба» *(перевод С.Маршака)*.

Ее и Бакстера сопровождали пятеро детей, чьи

грубые ботинки и простое платье говорили о том, что они из семей слуг или мастеровых. Если по товарищам Беллы все еще можно было судить о ее умственном развитии, то возраст ее мозга теперь составлял лет двенадцать-тринадцать. Бакстер, никак не изменив выражения лица, послушно втиснулся на переполненную скамейку. Офицер, оказавшийся его соседом по одну сторону, немедленно встал и удалился, по другую его примеру последовала няня с ребенком, который зашелся плачем. Двое мальчиков заняли их места. Остальные расположились в ряд спиной к ним, расставив ноги и скрестив руки на груди.

— Молодцы! — похвалила их Белла. — Если кто-нибудь начнет смотреть на Бога, смотрите на него сами, пока он не отведет глаза. Вот и будет вам занятие, пока меня нет.

Она достала из кармана мешочек, вручила каждому по большой конфете из тех, что зовутся в народе «затычками», просунула мою руку себе под локоть и торопливо повела меня прочь мимо пруда, где плавали утки.

Решительность Беллы и ее разговорчивость заставили меня ожидать потока слов — но не тут-то было. Она шагала вперед, поглядывая то направо, то налево, пока не увидела в кустах

узенькую тропку; она рывком увлекла меня на нее. Дойдя до поворота, она остановилась, закрыла со щелчком зонтик, ткнула им, как копьем, в пышный куст рододендрона и потащила меня в образовавшуюся брешь. Я был слишком изумлен, чтобы сопротивляться. Когда листва укрыла нас с ног до головы, она отпустила меня и расстегнула перчатку на правой руке, улыбаясь, облизываясь и приговаривая: «Ну вот, наконец-то!»

Сняв перчатку, она прижала обнаженную ладонь к моему рту и левой рукой обвила мне шею. Край ладони наглухо запечатал мои ноздри, и, все еще слишком обескураженный, чтобы противиться, я мигом стал задыхаться. И она тоже. Закрыв глаза, она поворачивала голову из стороны в сторону, и с ее полуоткрытых пылающих губ слетали стоны: «На Свечку от Свечки до Свечки про Свечку из Свечки при Свечке я Свечка ты Свечка мы Свечка…»

Вначале я только чувствовал себя беспомощным, как тряпичная кукла, но вдруг мне расхотелось становиться чем-то иным, давление на мои губы и шею стало невыносимо сладким, и вот уже я сражаюсь не с удушьем, а с наслаждением столь сильным, что невозможно дальше терпеть. Миг — и я вновь свободен, ошеломленно смотрю,

как Белла снимает перчатку с ветки, на которой она висела, и натягивает на руку.

— Ты знаешь, Свечка, — прошептала она, несколько раз глубоко и удовлетворенно вздохнув, — ведь я уже две недели этого не делала, с тех самых пор, как мы приплыли из Америки. Бакстер ни с кем не оставлял меня наедине. Хорошо тебе было?

Я кивнул. Она сказала с хитрым видом:

— Хорошо, да не так хорошо, как мне. Иначе бы ты так быстро не отпрянул и вел себя безрассуднее. Но мужчины ведут себя безрассудно, только когда они несчастные.

Она взяла свой зонтик и приветливо помахала им каким-то зевакам, наблюдавшим за нами с уступа холма[10]. Я ужаснулся было тому, что нас

---

[10] Критические: 2.10

Террасы на крутых склонах Западного парка в Глазго были устроены в начале 1850-х Джозефом Пакстоном, который разбил также Парк королевы и Ботанический сад. На этих склонах Перси Пилчер испытывал один из своих планеров, что в 1899 г. стоило ему жизни, но привело к установлению главных принципов строения аэроплана, каким мы его видим и в наши дни; само слово «аэроплан» пошло именно оттуда. Полеты Пилчера могли натолкнуть Г.Дж. Уэллса на мысль использовать Западный парк в своем романе «Война в воздухе», вышедшем за месяц до начала войны 1914–1918 гг. Уэллс описывает первый успешный беспосадочный полет британского авиатора от Лондона до Глазго и обратно. Кружа над парком на уровне верхней террасы, он кричит с шотландским акцентом собравшейся на ней восторженной толпе: «Моя мать была шотландка!», что вызывает бурную овацию.

видели, но потом с облегчением подумал, что сперва они, должно быть, решили, что она хочет меня задушить, а после сообразили, что она останавливает кровотечение у меня из носа.

Когда мы вернулись на тропинку, она смахнула с нашей одежды веточки, листья и лепестки, затем опять заставила меня взять себя под руку и пошла вперед со словами:

— Ну, о чем же мы будем говорить?

Я был слишком ошеломлен случившимся, чтобы ответить, и она повторила вопрос.

— Мисс Бакстер… Белла… милая Белл, ты делала это со многими мужчинами?

— Да, везде по всему свету, а особенно на Тихом океане. Когда мы вышли из Нагасаки, я познакомилась с двумя унтер-офицерами — ну прямо неразлучная пара была, — и я иногда это делала по шесть раз в день с каждым.

— Но ты… делала ли ты с мужчинами что-нибудь *большее*, Белла, больше того, что мы с тобой сейчас делали в кустах?

— Ну какой же ты гадкий, Свечка! Голос у тебя стал совсем несчастный, прямо как у Бога, — сказала Белла, смеясь от души. — Разумеется, с МУЖЧИНАМИ я никогда не делала больше, чем сейчас с тобой. Если делать с мужчиной больше,

будет ребенок. А я хочу раз влечений, а не детей. Больше я делаю только с женщинами, если они милые на вид, но почти все они очень стеснительные. В Сан-Франциско мисс Мактавиш от меня убежала, потому что испугалась большего, чем поцеловать руки и лицо. Я рада, что мы можем запросто об этом говорить, Свечка. Многие мужчины тоже очень стеснительные.

Я сказал ей, что не боюсь говорить обо всем запросто, потому что я врач и потому что вырос на ферме. Потом спросил, кто такая мисс Мактавиш.

— Она была главным лицом нашего кортежа свиты процессии вереницы отряда корпуса слуг, когда мы выехали из Глазго. Это была моя учительница гувернантка наперсница наставница педагог спутница провожатая компаньонка дуэнья философ и подруга до самого Сан-Франциско. До нашего разрыва она научила меня множеству новых слов и стихов. Так ты вырос на ферме! Кто был твой отец — пастух рачительный, что гонит стадо на склоны Грампианских гор, или усталый селянин, что медленной стопою идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой?{5} Белле Белле

{5} Примечания переводчика: 1.5

Белла использует хрестоматийные строки английских поэтов Джона Хоума (1722–1808) и Томаса Грея (1716–1771).

Белле скажи скажи скажи. Я коллекционирую чужие детства — ведь это крушение украло у меня всю память о моем собственном детстве.

Я рассказал ей о своих родителях. Когда она услышала, что я не помню, где похоронена моя мать, она кивнула и улыбнулась, хотя по ее щекам заструились слезы.

— Вот и я тоже! — воскликнула она. — В Буэнос-Айресе мы хотели посетить могилу моих родителей, но Бакстер узнал, что железнодорожная компания, которая платила за погребение, похоронила их на кладбище у края бездонного каньона, и когда началось извержение Чимборасо, Котопахи или Попокатепетля, все это дело лавиной покатилось вниз — памятники, гробы, скелеты, — дробясь и измельчаясь на *бесконечно малые* атомы. Увидеть родителей в таком состоянии — все равно что кучку сахарной пудры навестить, так что вместо этого Бакстер повел меня в дом, где я с ними жила. И вот я увидела пыльный двор с треснувшим резервуаром для воды в углу, еще там бродили цыплята и сидел старый управляющий швейцар привратник портье консьерж (вот раззвенелась Белл коло-

кольчиком{6}) старик, который назвал меня Белла сеньорита, так что, наверно, он меня помнит, хотя я его совсем не помню. Я смотрела, смотрела, смотрела, смотрела, смотрела на этих тощих цыплят, на прохудившийся резервуар, увитый с одной стороны виноградом, и СТАРАЛАСЬ вспомнить, но не могла. Бог все языки на свете знает, он стал расспрашивать старика по-испански, и оказалось, что я прожила там недолго, потому что мои папа с мамой были эмигранты и странствовали туда и сюда над пустынями вод, подобно сыну человеческому, не имеющему места покоя для ног своих, как точно заметила мисс Мактавиш. Мой отец Игнейшус Бакстер торговал каучуком медью кофе бокситами говядиной дегтем травой-эспарто и прочими товарами, рынок на которые переменчив, поэтому и жизнь у них с мамой была переменчивая. Но вот что я хочу знать: что же в этой переменчивой жизни ДЕЛАЛА Я? У меня есть глаза, и в спальне моей есть зеркало, и я ВИЖУ, что я женщина от двадцати до тридцати лет, ближе к тридцати, большинство женщин к этим годам выходят замуж…

— Выходи *за меня*, Белла! — воскликнул я.

{6} Примечания переводчика: 1.6
Bell — колокол, колокольчик *(англ.)*.

— Не меняй тему разговора, Свечка, почему мои родители все эти годы держали на привязи такую прелесть, как Белл Бакстер? Вот что я хочу знать.

Мы продолжали путь молча; она явно была поглощена мыслями о тайне своего происхождения, а я бесился из-за того, что она пренебрегла моим импульсивным, но искренним предложением. Наконец я сказал:

— Белл… Белла… Мисс Бакстер, мне придется смириться с тем, что ты со многими мужчинами делала то же, что со мной сейчас в кустах. А с Боглоу ты это делала?

— Нет. С Богом я этого не могу — вот почему он такой несчастный. Он слишком обыкновенный, чтобы мне получать с ним удовольствие. Такой же обыкновенный, как я сама.

— Чепуха, мисс Бакстер! Ты и твой опекун — самая необыкновенная пара из всех, что я когда-либо…

— Да брось ты, Свечка, не суди по внешности. Я не читала ни «Красавицу и чудовище», ни «Венецианские камни» Рёскина, ни «Собор Парижской Богоматери» Дюма — или это Гюго в мягкой обложке, английское издание Таухница, цена за все про все два шиллинга шесть пенсов, — но я немало слышала об этих величественных легендах

нашей расы и понимаю, что люди видят в нас с Богом очень готическую пару. Но они ошибаются. В глубине души мы простые фермеры, как Кэти и Хитклиф из «Грозового перевала» одной из этих самых сестер Бронте.

— Я не читал.

— А должен прочитать, это как раз про нас с ним. Хитклиф и Кэти живут в фермерском доме, и он любит ее, ведь они были неразлучны и играли вместе почти все время, и он ей очень нравится, но она увлекается Эдгаром и выходит за него, потому что он из другой семьи. И Хитклиф сходит с ума. Надеюсь, с Бакстером такого не случится. А вот и он, один теперь, как удачно. Хорошо, что он ребят по домам отослал.

Когда мы подошли к фонтану, служащие парка уже свистели в свистки, предупреждая, что скоро закроют ворота, и багровое солнце опускалось в золотистом сиянии, прочерченном полосами фиолетовых облаков. Одинокая фигура несчастного Бакстера горбилась точно в такой же позе, в какой мы его оставили, — пальцы вцепились в набалдашник зажатой между колен массивной трости, подбородок опущен на руки, тоскливые глаза смотрят в никуда. Когда мы под руку подошли к нему вплотную, наши лица оказались на

уровне его лица, но он нас словно и не заметил.

— Эгей! — воскликнула Белла. — Ну как, лучше тебе?

— Чуть получше, — пробормотал он, попытавшись улыбнуться.

— Вот и славно, — сказала Белла, — потому что мы тут со Свечкой собираемся пожениться, и ты должен этому радоваться.

За этими словами последовало самое ужасное из всего, что я испытал в жизни. Единственной частью тела Бакстера, которая пришла в движение, был рот. Медленно и беззвучно он открылся и вырос до круглой дыры, которая в ширину стала больше, чем первоначально была его голова, и продолжал увеличиваться, пока вся голова не превратилась в сплошной рот. Казалось, его туловище увенчивает черная разверзающаяся окаймленная зубами пещера на фоне пылающего заката. И когда он закричал, мне почудилось, что

кричит все небо[11]. Прежде чем это случилось, я успел прижать к ушам ладони, и поэтому я не упал в обморок, как Белла, но этот нестерпимый звук на одной ровной, высокой ноте проникал всюду и раздирал мозг, как сверло раздирает зубной нерв, не усыпленный обезболивающим. Пока звучал этот вопль, я не воспринимал почти ничего. Потом чувства возвращались ко мне так медленно, что я не увидел, как Бакстер опустился на колени рядом с лежащей Беллой, молотя себя по вискам кулаками, содрогаясь в рыданиях и испуская стоны вполне человеческим охрипшим баритоном:

— Прости меня, Белла, прости за то, что я сотворил тебя такой.

Она открыла глаза и произнесла слабым го-

---

[11] Критические: 2.11

Сводки погоды показывают, что 29 июня 1882 г. стояла необычная жара и духота. Во время захода солнца большинство жителей Глазго слышали странный звук, о причине которого местная печать гадала потом целых две недели. Писавшие большей частью сходились на том, что звук имел промышленное происхождение и его источник находился очень далеко. На северо-западе жители Сарасен-кросса решили, что произошел взрыв на кузнице в Паркхеде; на юго-востоке вокруг Паркхеда подумали, что случилась авария на заводе декоративных и санитарно-гигиенических металлоизделий в Сарасенхеде. В Говане (юго-запад) сочли, что на северо-восточном локомотивном заводе испытывают новый паровой гудок; на северо-востоке же рассудили, что, наверно, на одном из пароходов на Клайде взорвался котел. Научный обозреватель «Глазго геральд» отметил, что явление «больше походило на электрический разряд, чем на звук», и выразил мнение, что, возможно, причина его кроется «в погодных условиях: ненормальная

жара в сочетании с обилием дымов в атмосфере». Юмористическое издание «Блюститель порядка» указало, что в центре района, где был слышен загадочный звук, находятся Западный парк и университет, и предположило, что профессор Томсон экспериментирует с небывалым телеграфом, чьи сигналы идут не по проводам, а прямо по воздуху. Наконец, автор шутливого письма в эдинбургскую газету «Скотсмен» выдвинул гипотезу, что некий горе-музыкант из Глазго пытался играть на усовершенствованной им волынке.

лосом:

— Что ты такое говоришь? Ты же не Отец наш небесный, Бог. Много дурацкого шума из ничего. Хоть голос у тебя теперь сел, и на том спасибо. Ну помогите же мне встать.

8. Помолвка

КОГДА ОНА ВЕСЕЛО ШЛА ИЗ ПАРКА МЕЖДУ НАМИ, взяв обоих под руку, я подумал, что ее мгновенный переход от обморока к телесной и душевной бодрости может показаться Бакстеру бессердечным; хотя он был самым искренним человеком из всех, кого я знал, в его неожиданно обретенном обыкновенном голосе, когда он заговорил, мне почудилось притворство:

— Невыносимо вдруг увидеть, Белл, что я для тебя корабль, терпящий крушение, а Свичнет — спасательная шлюпка. В кругосветном путешествии я мог сносить твои увлечения, потому что знал, что они преходящи. Почти три года я живу с тобой и для тебя, и я хотел, чтобы так продолжалось всегда.

— Но ведь я не покидаю тебя, Бог, — сказала она успокаивающе, — по крайней мере сейчас. Свечка очень беден, так что нам с ним долго еще негде будет жить, кроме как у тебя. Переделай отцовскую операционную в нашу гостиную, и ты всегда будешь у нас дорогим гостем. И конечно, мы будем вместе завтракать, обедать и ужинать.

Но я ведь романтическая женщина, и мне нужно много половой любви, но не от тебя, потому что ты не можешь не обращаться со мной как с ребенком, а я не могу НЕ МОГУ этого выносить. Я выхожу замуж за Свечку, потому что с ним я могу обращаться как мне нравится.

Бакстер посмотрел на меня испытующе. Слегка пристыженным тоном я признался, что, хотя я всегда старался быть суровым и независимым человеком, Белла была права: я боготворил ее и мечтал о ней с той самой минуты, когда он нас познакомил; все в ней кажется мне верхом женского совершенства; я с радостью готов испытать жесточайшие муки, лишь бы избавить ее от малейшего неудобства. Я добавил, что Белла всегда сможет делать со мной что ей заблагорассудится.

Тут Белла вставила:

— А Свечкины поцелуи действуют на меня почти так же сильно, как твои вопли, Бог, и от них я бы тоже падала в обморок, если бы не была взрослой женщиной.

Бакстер несколько раз быстро кивнул головой, а потом сказал:

— Я помогу вам обоим делать что вам заблагорассудится, но сначала, пожалуйста, исполните мою просьбу — это, быть может, спасет мне

жизнь. Не встречайтесь друг с другом две недели. Дайте мне четырнадцать дней, чтобы привыкнуть к мысли о том, что я потеряю тебя, Белл. Я знаю, ты хочешь сохранить меня как удобного друга и помощника, но ты не можешь предвидеть, как изменит тебя замужество, — и никто не может. Пожалуйста, сделайте это для меня. Пожалуйста!

Губы его задрожали, рот, казалось, начал округляться для нового крика, так что мы торопливо согласились. Трудно было поверить, что он может еще раз из дать столь же громкий вопль, и все-таки я испугался, как бы из-за нового резкого расширения ротовой полости его череп не отделился от позвоночника.

Когда мы прощались под уличным фонарем, Бакстер стоял, повернувшись к нам спиной. Белл прошептала:

— Две недели для меня — это годы, и годы, и годы.

Я пообещал, что буду писать ей каждый день, и, вынув из галстука булавку с крохотной жемчужинкой, сказал, что это единственная изящная вещица, и притом самая дорогая, из всего, что у меня есть, и попросил Белл вечно, вечно хранить ее у себя и вспоминать меня всякий раз, как она

ее увидит или до нее дотронется. Она решительно кивнула семь или восемь раз, после чего я воткнул булавку в лацкан ее жакета и сказал, что теперь мы помолвлены. Потом я попросил у нее перчатку, шарфик или платок, любой предмет, согретый теплом ее тела и хранящий его аромат, как священный залог нашего взаимного согласия. Она задумчиво поморщила лоб, после чего протянула мне мешочек с «затычками», сказав: «Бери все».

Я понял, что ее все еще детскому уму это представляется серьезной жертвой, и со слезами на глазах прижал к губам ее обтянутые лайкой пальцы. Мне хотелось поцеловать ее в губы, но я вовремя опомнился, решив, что, если прикосновение моего рта к ее обнаженным пальцам едва не повергло ее в обморок, лучше будет дождаться полного уединения и лишь тогда дать волю своему пылу. И все же, летя домой, я ощущал неповторимое блаженство и восторг бытия. Если вопль Бакстера стал ужаснейшим переживанием в моей жизни, то этот миг — сладчайшим из всех. Подходя к своему дому, я уже сочинял фразы любовного письма. Бакстер, конечно, рассчитывал, что вследствие двухнедельной разлуки решение ее изменится, — я это понимал, но не боялся ее

потерять, ибо знал, что он никогда не подвергнет ее бесчестному давлению, не совершит ничего коварного и низкого. Я также уповал на то, что он предотвратит ее встречи с другими мужчинами.

Почти неделю я исполнял свои больничные обязанности крайне рассеянно. Мое воображение было разбужено. Воображение, подобно придатку слепой кишки, есть пережиток прежних эпох, когда оно способствовало выживанию нашего вида, но в нынешнем промышленно-научном обществе оно является лишь источником болезни. Я гордился его отсутствием, но оказалось, что оно просто спало. Я продолжал делать то, чего ожидали от меня окружающие, но делал это без обычного рвения и тщательности, потому что беспрестанно сочинял в уме любовные письма и, дождавшись свободной минуты, записывал их и бежал на почту. Я обнаружил в себе нешуточный поэтический дар. Все связанные с Беллой воспоминания и надежды так легко превращались в рифмованные строки, что мне нередко казалось, будто я не сочиняю их, а припоминаю из прежнего существования. Вот характерный образчик:

О Белла несравненная моя,
Не устаю в блаженстве вспоминать я

Тот берег, где, дыханье затая,
Передо мной раскрыла ты объятья.
Мне чтенье скрашивало бег минут,
Мечтать любил я, беды забывая,
И тешили меня упорный труд,
Пир дружеский и чаша круговая.
Я радость знал у моря, у пруда
И у ручья, журчащего приманно,
Но не был я счастливей никогда,
Чем у мемориального фонтана.

Другие стихотворения из тех, что я во множестве ей посылал, были такого же качества и так же быстро сочинены; кончались они всё более и более настойчивыми просьбами об ответе. Привожу дословно единственный ответ, который я наконец получил. Я был в восторге, увидев пухлый конверт, содержащий чуть не дюжину страниц почтовой бумаги. Однако буквы, которые она выводила, оказались такой громадной величины, что на странице умещалось всего несколько слов, хотя, подобно древним евреям или вавилонянам, она экономила место, отбрасывая гласные:

МЛЙ СВЧК!

ТК Т Т МН МНГГ Н ДБШС. СЛВ ЧТ-Т ДЛ МН ЗНЧТ ТЛК КГД Я Х СЛШ Л ГВР. ТВ ПСМ ЧН ПХЖ Н ЛБВН ПСМ ДРГХ МЖЧН, СБНН ДНКН ПРРНГ.

ТВ БЛЛ БКСТР.

Проговорив эти письмена вслух, я постепенно уяснил себе их смысл, за исключением ДНКН ПРРНГ, и то, что я понял, раздосадовало и встревожило меня, потому что единственным словом, дававшим хоть какую-то пищу моим надеждам, было третье от конца, утверждавшее, что Белла *моя.* Разумеется, это обычный условный оборот, который сплошь и рядом встречается в деловых письмах, но в Белле не было абсолютно ничего условного и делового. Как бы то ни было, я решил нарушить слово, данное мной Бакстеру, и повидать ее как можно скорее. Когда вечером я выходил из Королевской лечебницы, собираясь осуществить это намерение, меня окликнула экономка Бакстера миссис Динвидди, поджидавшая меня в кебе у ворот. Она подала мне записку и попросила прочитать ее сразу:

Дорогой Свичнет!

Я был просто безумен, когда разлучил тебя с Беллой. Приезжай сейчас же. Нечаянно я нанес страшный удар нам троим сразу. Ты один можешь еще нас спасти, если приедешь сегодня же, немедленно, до захода солнца.

Твой несчастный и, поверь, искренне раскаивающийся друг Боглоу Биш Бакстер.

Я вскочил в кеб, примчался на Парк-сёркес и кинулся в гостиную с криком:

— Что случилось? Где она?

— Наверху, в своей спальне, — ответил Бакстер, — и не больна, и совершенно счастлива. Сохраняй спокойствие, Свичнет. Выслушай от меня всю эту жуткую историю прежде, чем попытаешься ее отговорить. Если хочешь пить, я дам тебе стакан овощного сока. Портвейн исключается.

Я сел и воззрился на него. Он сказал:

— Она собирается удрать с Данканом Паррингом.

— Кто это?

— Хуже не придумаешь: гладкий, красивый, хорошо воспитанный, вкрадчивый, беспринцип-

ный, развратный адвокат, который до прошлой недели соблазнял исключительно служанок. Слишком ленив, чтобы жить честным трудом. Да и незачем ему особенно трудиться — он получил наследство от любящей престарелой тетушки. Добывает деньги на азартные игры и низкое распутство, запрашивая немыслимые гонорары за сомнительные услуги на грани законности. Белла теперь любит его, а не тебя, Свичнет.

— Но как они встретились?

— Наутро после вашей помолвки я решил завещать ей все, что у меня есть. Я пошел к весьма почтенному пожилому адвокату, старому другу моего отца. Когда он спросил меня, в каком именно родстве состоим мы с Белл, я вдруг замялся, поскольку заподозрил, не будучи, правда, в этом уверенным, что он слишком много знает о клане Бакстеров, чтобы поверить истории, которую я рассказывал слугам. Я покраснел, забормотал невнятицу, а потом, разыграв праведный гнев, которого не чувствовал, заявил, что плачу за его услуги и не вижу причин отвечать на не идущие к делу вопросы, бросающие к тому же тень на мою порядочность. Если бы только эти слова остались несказанными! Но я был тогда сам не свой. Он ледяным тоном ответил, что задал вопрос для

того лишь, чтобы убедиться, что мое завещание не может быть оспорено каким-либо иным родственником сэра Колина; что он ведет дела семьи Бакстеров на протяжении почти трех поколений; что, если я ему не доверяю, могу приискать себе другого адвоката. Меня так и подмывало, Свичнет, выложить честному старику всю правду, но тогда он бы счел меня сумасшедшим. Я извинился и вышел.

Я почувствовал, что секретарь, который провожал меня к выходу, подслушивал наш разговор: встречая меня, он вел себя гораздо более подобострастно, чем теперь. Я остановился в коридоре и как бы невзначай достал из кармана соверен. Я сказал, что его начальник слишком занят, чтобы выполнить необходимую мне работу, — может ли он порекомендовать кого-нибудь еще? Он шепнул мне фамилию и адрес адвоката, который принимает в своем доме в южной части города. Я дал подлецу на чай, взял кеб и поехал туда. Увы, Парринг был на месте. Я объяснил ему, что мне нужно, и добавил, что приплачу за срочность. Он не задал никаких лишних вопросов. Этого-то я и хотел. Мне понравились его наружность и обходительные манеры, и я не почувствовал черноты его грязной души.

На следующий день он пришел ко мне домой и принес на подпись экземпляры завещания. Мы с Беллой были здесь, в этой комнате, и она поздоровалась с ним со своей обычной пылкой горячностью. Он отвечал так холодно, сурово и высокомерно, что это явно ее задело. Я был недоволен, хоть и не подал виду. Я позвал миссис Динвидди исполнить роль свидетеля, и, пока Белл дулась в углу, бумаги были подписаны и скреплены печатью. Парринг подал мне счет. Я отлучился из комнаты достать из сейфа деньги, и, клянусь тебе, Свичнет, я отсутствовал минуты четыре, не больше. Вернувшись, я с облегчением увидел, что, хотя миссис Динвидди уже ушла и Парринг держится все так же холодно, Белла вновь, как обычно, весело щебечет. И я был уверен, что вижу Данкана Парринга последний раз в жизни. Но сегодня утром она радостно сообщила мне, что три ночи подряд он, когда слуги засыпали, пробирался к ней в спальню. Его полуночным сигналом был крик наподобие совиного, ее условным знаком — свеча на подоконнике; воздвигается лестница, и он тут как тут! И сегодня же вечером, через два часа, она убежит с ним из дома, если только ты ее не отговоришь. *Сохраняй спокойствие*, Свичнет.

Я слушал его, стиснув голову руками, а теперь стал рвать на себе волосы, крича:

— Боже мой, что он с ней СДЕЛАЛ уже!

— Ничего такого, о чем следует сокрушаться, Свичнет. Я заметил ее романические наклонности еще в самом начале кругосветного путешествия и в Вене заплатил чрезвычайно опытной женщине за то, что она научила ее искусству предохранения. Белл сказала мне, что Парринг тоже в нем разбирается.

— И ты не раскрыл перед ней его подлость и коварство?

— Нет, Свичнет. Они раскрылись передо мной только сегодня утром, когда о его подлости и коварстве она поведала мне сама. Хитрый злодей соблазнил ее рассказами о своем распутстве, обо всех женщинах, которых он совратил и бросил, и не только женщинах, Свичнет! Это была настоящая оргия саморазоблачений — Белла сказала, он говорил как по писаному, — и, разумеется, он заявил, что любовь к ней очистила его душу, сделала его другим человеком и он *никогда* ее не оставит. Я спросил, верит ли она ему. Она ответила, что не очень-то, но до сих пор ее ни разу еще не оставляли, и новый опыт может ей пригодиться. Она также сказала, что испорченные люди

нуждаются в любви не меньше, чем хорошие, и лучше знают в ней толк. Иди к ней, Свичнет, и докажи ей, как она ошибается.

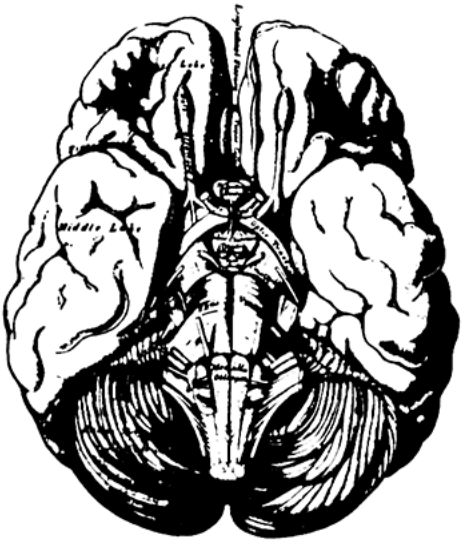
— Иду, — сказал я, вставая, — а когда появится Парринг, спусти на него собак. Он мошенник и не имеет права здесь находиться.

Бакстер посмотрел на меня с неприязнью и изумлением, как если бы я предложил ему распять Парринга на шпиле городского собора. Он сказал укоризненно:

— Я не должен неволить Белл, Свичнет.

— Но по разуму ей только десять лет! Она ребенок еще!

— Потому-то я и не могу применить силу. Если я причиню вред человеку, которого она любит, ее расположение ко мне сменится страхом и недоверием, и жизнь моя потеряет смысл. Этот смысл сохранится, если двери моего дома будут открыты для нее, когда либо она надоест Паррингу, либо он ей. Но, может быть, тебе удастся все это предотвратить. Иди к ней. Вразуми ее. Скажи, что мы с тобой одного мнения.



9. У окна

Я ДВИНУЛСЯ НАВЕРХ В ГНЕВЕ, КОТОРЫЙ, КОГДА Я увидел Беллу, сменился горечью — мысли ее были явно далеки от меня. Она сидела у открытого окна, положив локоть на подоконник и подперев ладонью щеку. На ней был дорожный костюм; у ее ног стоял застегнутый и стянутый ремнями чемодан, на котором покоилась широкополая шляпка с вуалью. Хотя Белла смотрела во двор, голова ее была повернута ко мне в профиль, и в ее позе и выражении лица я увидел то, чего в них раньше никогда не было, — умиротворенный покой, окрашенный грустью от какой-то мысли о прошлом или о будущем. Она больше не была так безраздельно, так яростно поглощена настоящим. Я почувствовал себя мальчиком, подглядывающим за взрослой женщиной, и кашлянул, чтобы привлечь ее внимание. Она повернула ко мне голову и одарила меня приветливой, радостной улыбкой.

— Как мило, что ты пришел, Свечка, ты поможешь мне скоротать последние минуты в этом старом, старом доме. Хорошо бы еще и Бог был

здесь, но он такой несчастный, что я не вынесу сейчас его вида.

— Я тоже несчастен, Белла. Я думал, мы с тобой поженимся.

— Я знаю. С тех пор как мы это решили, прошли годы.

— Прошло шесть дней — меньше недели.

— Все, что дольше одного дня, кажется мне вечностью. Данкан Парринг вдруг стал трогать меня там, где ты никогда не трогал, и теперь я от него без ума. Придут сумерки, и с ними он, тихо прокрадется из переулка сквозь калитку в дальней стене[12], подложив кусочек ткани под защелку, чтоб не звякнула. А потом топ-топ-топ по тропиночке сюда и тихонько вынет лестницу, что в капустной грядке схоронил — правда, не слишком-то хорошо схоронил, она отсюда видна, — и как мягко, как умело он взметнет ее ко мне, и своими руками я прислоню ее к окну.

---

[12] Критические: 2.12

Майкл Донелли продемонстрировал мне первоначальные чертежи Парк-сёркес, выполненные в 1850-е гг. Чарльзом Уилсоном, где показан каретный сарай, отделяющий задний двор дома 18 от переулка. Однако это сооружение, несмотря на его наличие в проекте, могло быть построено гораздо позже. Строителям готических соборов иной раз нужны были столетия, чтобы исполнить замысел архитектора. Национальный монумент в Эдинбурге, задуманный как дань памяти шотландским солдатам, погибшим в боях с Наполеоном, доныне представляет собой немногим более чем фасад.

Ты никогда ради меня такого не делал. И увезет он меня туда, где жизнь, любовь, Италия, где Коромандельский берег, где солнечная Африка фонтаном льет пески{7}. Интересно, где мы в конце концов окажемся? Милому, несчастному Данкану так нравится быть испорченным. Я бы, наверно, не нужна была ему, если бы Бог позволил нам выйти рука об руку из парадной двери средь бела дня. И знай, Свечка, что, кроме нашей помолвки, я всегда буду помнить, как часто ты приходил ко мне в прежние времена, как ты слушал мою игру на пианоле и какой замечательной женщиной я чувствовала себя потом из-за того, что ты всегда целовал мне руку.

— Белла, сегодня мы с тобой встречаемся только в третий раз.

— Вот именно! — воскликнула она с испугавшей меня внезапной злостью. — Я только половина женщины, Свечка, меньше, чем половина, у меня не было всех этих ранних лет, которые, мисс Мактавиш говорила, для нас пронизаны лучами славы, — ни детства с маминой лаской, с бабушкиной сказкой, ни юности, овеянной любви томленьем нежным. Целая четверть

{7} Примечания переводчика: 1.7

«…Где солнечная Африка…» — цитата из «Гимна миссионера» Р.Хибера (1723–1826).

века выпала из жизни — бац, бум, крак. И вот несколько крохотных воспоминаний в пустом колокольчике-Белл звенят гремят бряцают лязгают дин дон гул гуд звук отзвук грохочут отдаются отражаются эхом и еще эхом в этом бедном полом черепе слова слова слова слова словасловасловасловасловасловасловаслова, хотят из малого сделать многое, но не могут. Мне не хватает прошлого. Когда мы поднимались на корабле по Нилу, с нами была одинокая красивая дама, и кто-то сказал мне, что это *женщина с прошлым* — о, как я ей завидовала. Но Данкан мигом сотворит мне массу прошлого. Данкан, он быстрый.

— Белл! — воскликнул я. — Ты не уйдешь из дома и не станешь женой этого человека! Ты не родишь от него детей!

— Да знаю я! — ответила Белла, посмотрев на меня с удивлением. — Мы же с тобой помолвлены.

Она показала на лацкан своего дорожного жакета, где я увидел крохотную жемчужинку на конце моей галстучной булавки. Она спросила с лукавым видом:

— Ну как, все мои затычки съел?

Я ответил, что положил все конфеты в стеклянную банку с крышкой и поставил ее в своей

комнате на буфет, ибо, если бы я все время носил их в кармане, они бы растаяли от жара моего тела и превратились в бесформенную массу. Я также сказал, что раз Бакстер не хочет защитить ее от этого дурного и ничтожного человека, я спущусь вниз и дождусь его в переулке; если словами не удастся заставить его уйти, я сшибу его с ног. Она посмотрела на меня со злостью — раньше я не замечал у нее такого взгляда, — ее нижняя губа припухла и выпятилась, как у обиженного ребенка, и на какой-то миг я испугался, что она сейчас расплачется, как маленькая девочка.

То, что произошло вместо этого, было просто прелестно. Ее лицо озарилось такой же восторженной улыбкой, как при нашей первой встрече, она встала и вновь протянула ко мне обе руки, но на этот раз я шагнул к ней, раздвинул их, и мы обнялись. Раньше у меня ни с кем не было подобной телесной близости, она все крепче и крепче прижимала к груди мое лицо, и я стал задыхаться еще сильнее, чем когда она обняла меня в парке. Я испугался, что потеряю сознание, и опять, как тогда, высвободился. Не отпуская моих рук, она мягко сказала:

— Моя милая маленькая Свечка, когда я хочу доставить тебе удовольствие, ты боишься его

получить и отстраняешься. Но тогда как же ты доставишь удовольствие мне?

— Ты единственная женщина, которую я любил, Белла, я не Данкан Парринг, который пользовался всеми служанками, какие ему подворачивались, начиная с кормилицы. Моя мать работала на ферме. Хозяин воспользовался ею и сотворил меня, и мне еще повезло, что он потом не вышвырнул нас обоих на улицу. Для любви в нашей жизни не было времени — слишком скудная была плата, слишком тяжелый труд. Я привык обходиться малыми ее количествами, Белл. И я не могу пока что хватать ее охапками.

— Зато я могу и буду, Свечка. Да-да! — заявила Белла, все еще улыбаясь, но подкрепив свои слова энергичным кивком. — А ты ведь говорил, что позволишь мне делать с тобой все, что я захочу.

Я улыбнулся и тоже кивнул, будучи теперь уверен, что все у нас образуется; потом я сказал, что со мной она может делать все, что захочет, но с другими мужчинами — нет. Услышав это, она нахмурилась и досадливо вздохнула, но затем, громко рассмеявшись, воскликнула:

— Данкан придет еще через много, много, много часов — пошли наверх, я тебе сделаю сюрприз!

Просунув мою правую руку себе под локоть, она

повела меня к двери. Чувствуя себя совершенно счастливым, я спросил, что это за сюрприз, но она велела мне набраться терпения.

Когда мы поднялись на верхний этаж, она задумчиво сказала:

— Данкан — чемпион любительского бокса.

Я объяснил, что тоже умею драться; что не раз старшие мальчики на площадке для игр в Уопхиллской школе, обманувшись моим малым ростом и тихим поведением, принимали меня за легкую мишень и я, хоть и не всегда побеждал, всегда им доказывал, что они ошибаются. Она крепче прижала мою руку. Вдруг я почувствовал неожиданно знакомый больничный запах — смесь карболки и медицинского спирта. Я знал, что старая операционная сэра Колина, как все подобные операционные, находится на верхнем этаже, но не подозревал, что она до сих пор используется. Чем выше мы поднимались, тем становилось светлее. До заката оставался еще час. Ветерок очистил небо от облаков, а в Шотландии в дни летнего солнцестояния в небе всегда есть свет, как бы ни было темно на улице или в поле. Над верхней лестничной площадкой был устроен большой стеклянный купол, через который освещалась вся лестница. Белла взялась

за дверную ручку и сказала:

— Стой тут и не подглядывай, пока я тебя не позову, Свечка, и тогда уж будет сюрприз так сюрприз.

Она бочком протиснулась в дверь и так быстро ее закрыла, что я не успел ничего разглядеть.

Пока я ждал, меня посещали диковинные предположения. Неужели Парринг так ее развратил, что, когда она меня позовет, я увижу ее обнаженной? При этой мысли я задрожал от приступа противоречивых чувств, но секунды шли, и мной овладело новое, худшее опасение. Во многих больших домах есть узкие черные лестницы для слуг. Может быть, Белла уже шмыгнула по такой лестнице вниз, может быть, она сейчас спешит к Чаринг-кроссу, где возьмет кеб до жилища Парринга. Я так живо это себе представил, что уже готов был открыть дверь, как вдруг она сама распахнулась внутрь комнаты, и я понял, что Белла стоит за ней, ведь в помещении не было видно ни души. Послышался ее голос:

— Войди и закрой глаза.

Я вошел, но глаза закрыл не сразу.

Это действительно была старая операционная сэра Колина, сооруженная по его собственному плану, когда застраивался Парк-сёркес, то есть в

одно время с возведением Хрустального дворца. Обстановка была скудная и невзрачная, однако всю комнату заливало теплое вечернее солнце. Его лучи проникали сквозь высокие окна и потолок, состоявший из четырех наклонных застекленных треугольников, которые сходились в центре к рефлектору, бросавшему пятно более яркого света на операционный стол. На скамейках стояли проволочные клетки и собачьи конуры, и в больничном запахе я уловил примесь животного духа. Я услышал, как за мной захлопнулась дверь, и затылком почувствовал дыхание Беллы. Внезапно уверившись, что она стоит раздетая, я полузакрыл глаза и весь задрожал. Она обняла меня сзади одной рукой, и я с облегчением увидел рукав ее дорожного жакета. Она прижала меня к себе, и я размяк, отметив краем сознания, что химический запах в комнате необычно силен. Она шепнула мне в самое ухо:

— Белл *никому* не позволит обидеть ее маленькую Свечку.

Она закрыла мне рот и нос ладонью, и, попытавшись вздохнуть, я потерял сознание.

10. Без Беллы

Я УСЛЫШАЛ РОВНОЕ НЕГРОМКОЕ ШИПЕНИЕ газовой лампы. Болела голова, и я не размыкал век, зная, что от света глазам не поздоровится. Я чувствовал, что случилось ужасное, что я лишился чего-то самого дорогого, но думать об этом не хотелось. Поблизости кто-то вздохнул и прошептал:

— Порок. Я порочный человек.

Мне вспомнилась Белла. Я сел, и с меня соскользнуло одеяло.

Теперь я сидел (а только что лежал) на диване в кабинете Бакстера. Я был без пиджака, мой жилет был расстегнут, воротничок и ботинки сняты. Диван представлял собой массивное сооружение из красного дерева и черного конского волоса. Бакстер сидел на другом конце дивана и мрачно на меня смотрел. В незанавешенных окнах виднелись большой полумесяц и ясное ночное небо, столь насыщенное темной синевой, что оно казалось беззвездным. Я спросил:

— Который час?

— Третий.

— Где Белл?

— Сбежала.

Секунду помолчав, я спросил, как он меня отыскал. Он подал мне ворох страниц, исчерканных громадной скорописью Беллы. Я вернул их ему, сказав, что у меня болит голова и я не могу заниматься расшифровкой. Он прочел мне вслух:

> «Милый Бог! Я усыпила Свечку хлороформом в операционной. Когда он проснется, попроси его остаться жить у тебя, тогда вы вдвоем сможете часто разговаривать о твоей верной, горячо любимой Белл Бакстер. P.S. Я сообщу телеграммой, где нахожусь, когда приеду на место».

Я заплакал. Бакстер сказал:

— Пошли на кухню, поешь чего-нибудь.

На кухне я сел за стол, опершись на него локтями, а Бакстер, порывшись в кладовке, подал мне кувшин молока, кружку, тарелку, нож, хлеб, сыр, пикули и холодные остатки жареной курицы. Когда он вынимал курятину, лицо его выразило отвращение, которое он тщетно пытался скрыть, — ведь он был вегетарианец и покупал

мясо только для слуг. Пока я с жадностью ел, он не спеша выпил чуть ли не галлон серой жидкости, которая была главной составной частью его рациона, наливая ее в большую кружку из оплетенной стеклянной бутыли, в каких обычно держат кислоты. Когда он вышел из кухни по нужде, я любопытства ради отхлебнул глоток; питье оказалось едким, как морская вода.

Мы просидели до рассвета в унылом молчании, время от времени прерывая его вспышками разговора. Я спросил, где Белла научилась применять хлороформ. Он ответил:

— Когда мы вернулись из-за границы, я понял, что для того, чтобы ее занять, игрушек уже недостаточно, и затеял маленькую ветеринарную клинику. Я объявил по всей округе, что буду бесплатно лечить больных животных, которых принесут к моей задней двери. Белла стала вести первичный прием и помогать мне в операциях; с обеими обязанностями она справлялась отменно. Ей нравилось встречаться с новыми людьми и помогать зверям. Я научил ее зашивать раны, и она привнесла в это дело всю изощренную, кропотливую страстность, с какой простые женщины шьют рубашки, а женщины среднего сословия вышивают виньетки. Сколько чело-

веческих жизней и конечностей мы потеряли, Свичнет, исключив женщин из более высоких сфер медицины!

Я чувствовал себя слишком усталым и больным, чтобы оспаривать это суждение.

Через некоторое время я спросил, почему он вдруг решил оформить завещание на следующий день после нашей с Беллой помолвки. Он ответил:

— Чтобы обеспечить ее будущность после моей смерти. Ты еще долго не разбогатеешь, Свичнет, как бы упорно ты ни работал.

Я обвинил его в том, что он собирался после нашей свадьбы покончить с собой. Пожав плечами, он сказал, что ему незачем было бы дальше жить.

— Ты самовлюбленный дурак, Бакстер! — воскликнул я гневно. — Какой прок был бы нам с Белл от твоих денег, если бы мы получили их ценой твоей жизни? Мы бы, конечно, никому их не отдали, но были б несчастны. Радоваться, выходит, надо ее побегу — он всех троих нас уберег от горькой участи.

Бакстер, повернувшись ко мне спиной, пробормотал, что его смерть не выглядела бы как самоубийство. Я поблагодарил его за предупреждение,

сказал, что в дальнейшем буду пристально за ним следить, и добавил, что, если он погибнет от несчастного случая, я предприму соответствующие шаги. Он изумленно на меня посмотрел:

— Какие шаги? Чтобы меня похоронили в неосвященной земле?

Я мрачно ответил, что заморожу его во льду до тех пор, пока не найду способ его оживить. Он был, казалось, готов засмеяться, но осекся. Я сказал:

— Сейчас-то тебе умирать как раз не следует. Если ты умрешь, все твое имущество перейдет к Данкану Паррингу.

Он заметил, что палата общин обсуждает закон о предоставлении замужним женщинам права на собственность. Этот закон, возразил я, никогда не будет принят. Он подорвет институт брака, а ведь почти все члены парламента являются мужьями. Он сказал со вздохом:

— Я заслуживаю смерть, как всякий убийца.

— Глупости! Зачем на себя наговаривать?

— Не прикидывайся, что забыл. Прямым вопросом ты выявил мою вину в тот самый день, когда я познакомил тебя с Беллой. Извини, я выйду.

Он отлучился опорожнить кишечник или мочевой пузырь. Так или иначе, его не было почти

час, а когда он вернулся, я сказал:

— Прости меня, Бакстер, но я совершенно не понимаю, почему ты называешь себя убийцей.

— Это крохотное девятимесячное существо, которое я извлек живым из чрева утопленницы, я должен был взрастить как свою приемную дочь. Вживив ее мозг в тело матери, я точно так же укоротил ее жизнь, как если бы я зарезал ее ножом в возрасте сорока или пятидесяти лет, только я лишил ее не конца, а начала жизни, что гораздо подлее. И сделал я это по той же причине, по какой старый развратник покупает ребенка у сводни. Себялюбивая жадность и нетерпение двигали мной, и ВОТ! — крикнул он, стукнув по столу с такой силой, что все на нем, даже самое тяжелое, подскочило по меньшей мере на дюйм, — ВОТ почему наши науки и искусства не в состоянии улучшить мир, что бы там ни говорили филантропы и либералы. Наши новые обширные научные познания в первую голову служат всему презренному, жадному, себялюбивому, нетерпеливому, что есть в человеческой природе и обществе, а доброе, бережное, великодушное всегда опаздывает. Не используй я методы сэра Колина, Белл была бы сейчас обыкновенным ребенком двух с половиной лет. Я мог

бы наслаждаться ее обществом еще семнадцать или восемнадцать лет, прежде чем она обрела бы самостоятельность. Но мои презренные плотские вожделения заставили меня применить все мои научные познания, чтобы сделать из нее игрушку для Данкана Парринга! ДАНКАНА ПАРРИНГА!

Он заплакал, а я задумался.

Я задумался крепко и надолго, а потом сказал:

— То, что ты говоришь, в основном верно, за исключением замечания о невозможности улучшений посредством науки. Как член либеральной партии, я не могу с этим согласиться. Обвиняя себя в сокращении жизни Белл, не забудь, что о старении мы знаем наверняка только то, что нужда и горе старят людей быстрее, чем счастливая жизнь, и поэтому пышущий счастьем юный мозг Беллы может продлить жизнь ее тела далеко за пределы обычного срока. Если ты совершил преступление, сотворив Белл такой, как она есть, я благодарен тебе за это преступление, потому что я люблю ее такой, как она есть, выйдет она замуж за Парринга или нет. И я сомневаюсь, что женщина, которая усыпила меня хлороформом, будет беспомощной игрушкой в чьих бы то ни было руках. Может быть, нам надо еще пожалеть Парринга.

Бакстер посмотрел на меня, потом потянулся ко мне через стол. Он сжал ладонь моей правой руки так крепко, что у меня хрустнули суставы; я закричал от боли, а потом целый месяц ходил с синяками. Он извинился и сказал, что хотел выразить сердечную благодарность. Я попросил его впредь держать благодарность при себе.

После этого мы слегка подобрели друг к другу. Бакстер начал расхаживать по кухне, улыбаясь, как всегда, когда он думал о Белл и забывал о себе.

— Да, — сказал он, — поди найди другого ребенка двух с половиной лет, так же твердо стоящего на ногах, с такими же уверенными руками и быстрым умом. Она запоминает все, что с ней происходит, и каждое слово, которое слышит, и даже если она не понимает чего-то сразу, смысл приходит к ней позже. И я избавил ее от одного тяжкого переживания, которого не испытывал сам: она никогда не была маленькой и поэтому никогда не знала страха. Припомни, Свичнет, все стадии лилипутства, которые ты прошел прежде, чем достичь твоего теперешнего роста. Гном высотой в двадцать четыре дюйма. Эльф высотой в ярд. Карлик высотой в четыре фута. Разве великаны, которые правили миром, когда

ты был маленьким, позволяли тебе чувствовать себя равным им по значению?

Я содрогнулся и сказал, что не всякое детство похоже на мое.

— Разумеется, но даже в домах богачей, насколько я знаю, ревущие груднички, запуганные годовалые дети и унылые подростки — обычное явление. Чтобы дети могли вытерпеть все тяготы малолетства, природа наделяет их громадной душевной гибкостью, и все же эти тяготы превращают их потом в слегка ненормальных взрослых, либо судорожно хватающихся за власть, которой им раньше недоставало, либо, чаще, судорожно от нее отшатывающихся. А Белла (почему я и думаю, что ты был прав, жалея Парринга) наряду со всей гибкостью детства обладает всей статью и силой роскошной женственности. Когда она только открыла глаза, ее менструальный цикл уже шел полным ходом, и она никогда не знала ни отвращения к своему телу, ни страха перед своими желаниями. Не пройдя школы трусости, какую проходят все маленькие и зависимые, она говорит, чтобы выразить свои мысли и чувства, а не чтобы их скрыть, и поэтому не способна ни к какому злу, рождаемому лицемерием и ложью, — то есть вообще почти ни к какому злу. Ей

недостает только опыта, особенно опыта в принятии решений. Парринг — ее первое крупное решение, но она не питает на его счет никаких иллюзий. Миссис Динвидди зашила достаточно денег в подкладку ее костюма, чтобы она не испытывала нужды, если они с Паррингом вдруг расстанутся. Я больше опасаюсь, что ее заинтересует кто-нибудь другой и вовлечет ее в авантюру, которую мы не можем даже себе представить. Правда, послать телеграмму она умеет.

— Ее самая большая беда, — сказал я (на лице у Бакстера тут же выразилось возмущение), — это детское восприятие времени и пространства. Короткие промежутки кажутся ей огромными, но, с другой стороны, она пытается сразу получить все, что хочет, независимо от того, как далеко предметы ее желания отстоят от нее и друг от друга. Она говорила так, словно помолвка со мной и побег с Паррингом — события одновременные. Мне не хватило духу сказать ей, что законы времени и пространства это запрещают. Я даже не объяснил ей, что это запрещает нравственный закон.

Бакстер пустился было в рассуждения о том, что наши понятия о времени, пространстве и нравственности суть удобные привычки, а вовсе не законы естества, но я зевнул ему в лицо.

За окном рассвело, и подали голос птицы. Скорбные гудки скликали рабочих на фабрики и корабельные верфи. Бакстер сказал, что в комнате для гостей мне приготовлена постель. Я ответил, что через два часа мне надо быть на работе и что я хочу только воспользоваться умывальником, бритвой и расческой. Идя со мной наверх, он произнес:

— Как Белла и предсказывала в своем письме, мы говорим о ней, так что не переедешь ли ты ко мне? Я прошу об этом как об одолжении, Свичнет. Общества пожилых женщин мне сейчас будет недостаточно.

— Парк-сёркес гораздо дальше от Королевской лечебницы, чем моя берлога на Тронгейте. Каковы твои условия?

— Бесплатная комната с бесплатными же газовым освещением, угольным отоплением и постельным бельем. Бесплатная стирка твоих маломерных рубашек, крахмаленье воротничков, чистка ботинок. Бесплатные горячие ванны. Бесплатная кормежка, когда ты захочешь разделить со мной трапезу.

— От твоей кормежки мне, только подумаю, тошно делается.

— Ты будешь есть то же самое, что и миссис

Динвидди с кухаркой и горничной, — простую, но прекрасно приготовленную пищу. Ты сможешь свободно пользоваться хорошей библиотекой, которая после смерти сэра Колина изрядно пополнилась.

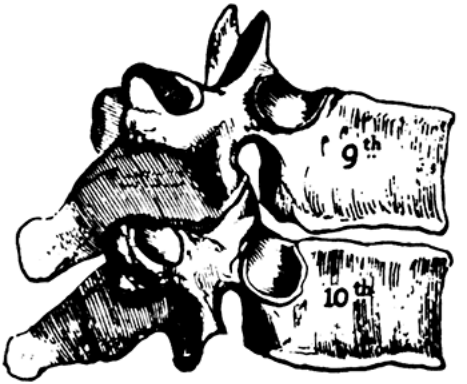
— А взамен?

— В свободную минуту ты мог бы помогать мне в клинике. Занимаясь собаками, кошками, кроликами и попугаями, ты сможешь узнать кое-что новое о том, как лечить двуногих и бескрылых пациентов.

— Гм. Я подумаю.

Он улыбнулся, как бы показывая, что считает мое замечание пустой демонстрацией мужской независимости. Он был прав.

Вечером того же дня я взял напрокат большой сундук, уложил вещи, заплатил тронгейтскому домохозяину еще за две недели, нанял кеб и приехал на Парк-сёркес со всеми пожитками и инструментами. Бакстер никак не высказался по поводу моего появления — просто провел меня в мою комнату и подал мне телеграмму, пришедшую из Лондона несколькими часами раньше. Она гласила: «Я ТТ» (я тут), — и никакого имени дальше не стояло.


9th
10th

11. Парк-сёркес, 18

ЕСЛИ ВЕРНО, ЧТО ТРУДНАЯ, НО БЛАГОДАРНАЯ работа, общество умного ненавязчивого друга и удобное жилище составляют прочнейшую основу для счастья, то последующие месяцы были едва ли не лучшими в моей жизни. Служанки Бакстера начинали такими же деревенскими девушками, какой была когда-то моя мать, и хотя всем им теперь стало по меньшей мере под пятьдесят, им, думаю, нравилось, что в доме живет сравнительно молодой человек, который с удовольствием ест приготовленную ими пищу. Как я ем, они никогда не видели, потому что пища поднималась ко мне в столовую на кухонном лифте, но я часто посылал обратно вместе с пустыми тарелками дешевенький букет цветов или благодарственную записку.

Я ел вместе с Бакстером за огромным столом и старался садиться от него подальше. То ли вовсе не имея поджелудочной железы, то ли имея ее в сильно недоразвитом виде, он сам приготовлял себе пищеварительный сок и подмешивал его в каждую порцию еды. Когда я поинтересо-

вался составом сока, он со смущенным видом уклонился от ответа, и мне стало ясно, что часть ингредиентов он извлекает из собственных испражнений. Запах, доносившийся с его конца стола, говорил именно об этом. Позади его стула стоял буфет с оплетенными бутылями для кислот, закупоренными пузырьками, мензурками, пипетками, шприцами, лакмусовыми бумажками, термометрами и барометром; там также находилась дистилляционная установка, состоящая из бунзеновской горелки, реторты и трубки. Она побулькивала на слабом огне в течение всего дня. Иногда во время еды он вдруг замирал, переставал жевать и словно вслушивался в нечто отдаленное, но притом находящееся внутри его тела. После секунд оцепенения он медленно вставал, осторожно нес свою тарелку к буфету и несколько минут примешивал к еде всякие добавки. На буфете лежала тетрадь, куда каждые четыре часа он заносил свой пульс, частоту дыхания, температуру, изменения в химическом составе крови и лимфы. Однажды утром, до завтрака, я полистал ее и был ошеломлен настолько, что никогда больше в нее не заглядывал. Там были зафиксированы ежедневные перепады столь нерегулярные, внезапные и резкие, что их не

смог бы выдержать самый сильный и здоровый организм. Повсюду четким, убористым детским и вместе с тем твердым почерком Бакстера были выведены даты и часы, которые, к примеру, показывали, что вчера, когда он со мной беседовал, его нервная система испытала потрясение, равное по силе эпилептическому припадку; я не ощутил тогда ровно никакой перемены в его поведении. Разумеется, все эти приборы и записи могли быть и обманом, уловкой, посредством которой гадкий ипохондрик преувеличивал свои недуги в надежде почувствовать себя сверхчеловеком.

За пределами столовой жизнь на Парк-сёркес, 18 была великолепно обыденной. После ужина мы лечили больных зверюшек в операционной, а потом шли отдыхать в кабинет, где читали, играли в шахматы (Бакстер всегда выигрывал), шашки (тут почти всегда выигрывал я) или криббидж (тут предсказать победителя было невозможно). По выходным дням мы возобновили наши долгие прогулки и все время говорили о Белле. Она постоянно напоминала нам о себе. Каждые три-четыре дня приходила телеграмма, гласящая: «Я ТТ», — из Амстердама, Франкфурта-на-Майне, Мариенбада, Женевы, Милана, Триеста, Афин, Константинополя, Одессы, Александрии, Мальты,

Марокко, Гибралтара и Марселя.

Однажды мглистым ноябрьским вечером пришла телеграмма из Парижа: «Н ВЛНЙС». Бакстер пришел в неистовство. Он закричал:

— Раз она просит меня не волноваться, значит, случилось что-то ужасное. Я еду в Париж. Найму детективов. Разыщу ее.

Я сказал:

— Подожди, пока она сама не позовет тебя, Бакстер. Доверься ее словам. Это послание означает, что событие, которое огорчило бы тебя или меня, ее не беспокоит. Ты не захотел ее неволить и доверил ее Данкану Паррингу. Сейчас доверь ее самой себе.

Это убедило его, но не успокоило. И когда через неделю из Парижа пришла точно такая же телеграмма, он ослаб духом. В одно прекрасное утро, уходя на работу, я был уверен, что, когда я вернусь, он уже уедет во Францию, но, открыв вечером входную дверь, я услышал его громкий возглас с лестничной площадки:

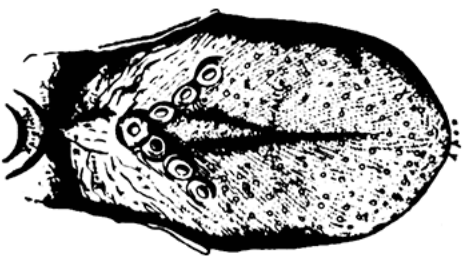
— Новости от Беллы, Свичнет! Сразу два письма! Одно от сумасшедшего из Глазго, другое из ее парижского обиталища!

— Что за новости? — крикнул я, сбрасывая пальто и взбегая наверх. — Хорошие? Плохие?

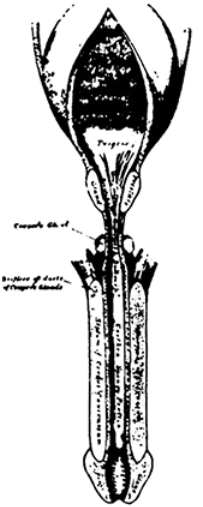
Как она? Кто написал эти письма?

— Новости, в общем, неплохие, — сказал он осторожно. — Я бы даже сказал, что дела у нее идут на удивление хорошо, хотя поборник традиционной нравственности с этим бы не согласился. Пошли в кабинет, и я прочту тебе оба письма — лучшее оставлю на десерт. Первое письмо отправлено из южной части Глазго, и писал его сумасшедший.

Мы уселись на диван. Он прочел вслух нижеследующее.



Письмо Парринга: сотворение сумасшедшего



ДАНКАН ПАРРИНГ

12. Сотворение сумасшедшего

Поллокшилдс,

Эйтаун-стрит, 41

14 ноября

Мистер Бакстер!

Еще чуть больше недели назад мне было бы стыдно обратиться к Вам, сэр. Я тогда думал, что мое имя на конверте вызовет у Вас такой приступ ненависти, что Вы сожжете письмо непрочитанным. Вы пригласили меня к себе домой по делу. Я увидел Вашу «племянницу», полюбил ее, сговорился с ней, увез ее. Не сочетавшись браком, мы объехали всю Европу и совершили круиз по Средиземному морю как муж и жена. Неделю назад я оставил ее в Париже и один вернулся в дом моей матери в Глазго. Если бы эти факты стали общественным достоянием, общество заклеймило бы меня как отъявленного негодяя, и именно так до прошлой недели я смотрел на себя сам — как на бессовестного, безответственного шалопая, сманившего молодую красавицу из

добропорядочного дама, от любящего опекуна. Ныне я стал намного лучшего мнения о Данкане Парринге и намного, намного худшего — о Вас, сэр. Видели ли Вы гётевского «Фауста», поставленного великим Генри Ирвингом в Королевском театре Глазго? Я видел. И был глубоко потрясен. Я узнал себя в этом мятущемся герое, в этом уважаемом человеке из состоятельной среды, который призывает царя преисподней, чтобы тот помог ему соблазнить девушку из простонародья. Да, Гёте и Ирвинг знали, что Современный Человек — что Данкан Парринг — двойствен по своей сути: возвышенное существо, наученное всему благородному и мудрому, уживается в нем с негодяем, который тянется к прекрасному лишь для того, чтобы низвергнуть его и втоптать в грязь. Вот каким я видел себя до прошлой недели. Ну и глупец же я был, мистер Бакстер! Слепой, обманутый глупец! Да, мой роман с Беллой был фаустовским с самого начала, дурманящий аромат Зла щекотал мне ноздри с той самой минуты, когда Вы свели меня с Вашей «племянницей». Но как мог я знать, что в ЭТОЙ драме мне уготована роль невинной, доверчивой Гретхен, что Ваша умопомрачительная «племянница» воплотит в себе Фауста и что ВЫ — ДА, ВЫ, Бо-

глоу Биш Бакстер, ВЫ! — Сатана собственной персоной!

— Заметь себе, Свичнет, — прервал чтение Бакстер, — этот тип пишет примерно так же, как ты рассуждаешь, когда напьешься.

Я должен стараться сохранять самообладание. Ровно неделю назад я, сгорбившись, сидел в углу вагона в ожидании отправления, а Белла, стоя на перроне, что-то щебетала мне в окно. Как всегда, она сияла красотой, излучала свежую, полную радостных ожиданий молодость, которая показалась мне совершенно новой и в то же время дразняще знакомой. ПОЧЕМУ ЖЕ знакомой? И тут меня осенило: Белла выглядела в точности так же, как в ту ночь, когда мы стали любовниками. И теперь, на первый взгляд сама доброта (ведь не она, а я сказал, что мы должны расстаться), она выбрасывает меня вон, как стоптанную туфлю или сломанную игрушку, испытав ОБНОВЛЕНИЕ посредством кого-то еще, кого я так и не увидел, на кого она положила глаз утром того же дня, ибо мы приехали в Париж из Марселя всего шесть часов назад. В течение этих шести часов она не встречалась ни с кем, не говорила ни с кем, кроме меня и содержательницы

отеля, — ведь я все время был подле нее, если не считать посещения ближайшего собора, которое заняло не больше получаса, — и за эти шесть часов она успела заново влюбиться! Воистину для ведьмы нет ничего невозможного. Вдруг она сказала:

— Обещай, когда приедешь в Глазго, передать Богу, что мне скоро понадобится свечка.

Я пообещал, хотя послание показалось мне либо бессмыслицей, либо ведьмовским заклинанием. Настоящим я выполняю свое обещание.

Но отчего же, выполнив его, я не могу противиться искушению рассказать Вам больше, рассказать Вам все? Откуда это непреодолимое желание поведать ВАМ, Мефистофель Бакстер, сокровенные тайны моего невинного и измученного сердца? Не в том ли дело, что Вы — я убежден — уже и так их знаете?

— Католицизм способен излечить его от безумия, — заметил Бакстер. — Приобщившись к таинству исповеди, он перестанет докучать всем подряд своими заемными, второсортными излияниями.

Видели ли Вы два года назад в Королевском театре «Ночь ошибок» Оливера Голдсмита, вели-

чайшего из ирландцев, в постановке Бирбома Три? Герой — живой, умный, красивый джентльмен, любимый товарищами, поощряемый старшими, привлекательный для женщин. У него есть только один недостаток. Он хорошо чувствует себя в обществе женщины, лишь если она служанка. С добропорядочными девушками из его собственного сословия он держится скованно и официально, и чем красивее и милее собеседница, тем более он неловок и тем менее способен ее полюбить. В точности мой случай! В отрочестве у меня не возникало и тени сомнения в том, что только женщины, зарабатывающие на жизнь трудом своих рук, не испытывают к Данкану Парингу, как он есть, глубокого отвращения, и в итоге единственной категорией женщин, которые меня привлекают, стали работницы. Подростком я вследствие этого считал себя каким-то уродом. Поверите ли Вы мне, если я скажу, что, поступив в университет, я обнаружил, что ДВЕ ТРЕТИ студентов в точности таковы? В большинстве своем они затем преодолели себя, женились на респектабельных женщинах и завели детей, но сомневаюсь, что они действительно счастливы. Мой инстинкт оказался сильнее, чем у них, или, возможно, я оказался слишком честен, чтобы

изменить себе. Голдсмитовского героя в конце концов спасает прекрасная наследница из его круга — она переодевается служанкой и подражает ее говору. Увы, такая счастливая развязка невозможна для адвоката из Глазго, родившегося в XIX веке. Вся моя любовная жизнь протекала под лестницей и за кулисами моей профессиональной жизни, и в этой-то убогой обстановке я испытывал те же восторги и подчинялся тому же нравственному закону, что и наш шотландский народный бард Робби Бёрнс. Когда я уверял очередную трепещущую красотку, что буду любить ее вечно, я был совершенно искренен, и, конечно же, я женился бы на любой из них, не будь пропасть между моим и ее общественным положением так велика. Моих немногих бедных незаконнорожденных кутят (простите мне это словцо, но на мой слух кутята *звучит теплее и человечнее, чем* дети *или* малыши*), моих немногих бедных кутят (их было меньше, чем пальцев у вас на руках, мистер Бакстер, ибо моя осторожность предотвратила появление на свет множества других), моих немногих бедных кутят я никогда не оставлял на произвол судьбы. Все они нашли приют в благотворительном заведении моего друга Куорриера. Вы знаете (если читаете «*Глазго

геральд»), *что этот выдающийся филантроп пестует таких вот несчастных малолеток, а потом отправляет их в Канаду, где они приобщаются к сельскому труду в приличных условиях на неуклонно продвигающейся к северу границе нашей империи. Матери их тоже не пострадали. Ни одна из очаровательных судомоек, пленительных прачек, неотразимых уборщиц отхожих мест не потеряла из-за Данкана Парринга даже одного рабочего дня, хотя из-за скудости и нерегулярности отпускаемого им свободного времени мне нередко приходилось ухаживать за несколькими разом. Невинный в глубине души, несмотря на гадкое поведение — честный в основе, но лицемер на поверхности, — вот каков был человек, мистер Бакстер, которого Вы представили Вашей так называемой племяннице.*

С ПЕРВОГО ЖЕ ВЗГЛЯДА я понял, что для этой женщины классовые различия лишены всякого значения. Хотя она была великолепно одета по последней моде, она смотрела на меня так же игриво и радостно, как служанка, которой сунули полкроны и которую пощекотали под подбородкам за спиной у хозяйки. Мне было ясно, что она видит под личиной адвоката настоящего Парринга и принимает его с распростертыми

объятиями. Желая скрыть смятение, я сделался холоден, что Вы могли приписать дурному воспитанию, но сердце мое колотилось так, что я боялся, как бы Вы не услышали его стук. В делах сердечных лучше всего идти напрямик. Оставшись с ней наедине, я осведомился:

— Нельзя ли будет встретиться с вами еще раз, поскорее, так, чтобы никто больше не знал?

Она была изумлена, но кивнула. Я спросил:

— Окно вашей спальни выходит во двор?

Она улыбнулась и кивнула. Я сказал:

— Поставьте сегодня вечером, когда все лягут спать, зажженную свечу на подоконник Я принесу лестницу.

Она засмеялась и кивнула. Я сказал:

— Я люблю вас.

А она в ответ:

— Один такой уже есть.

И когда Вы вернулись, мистер Бакстер, она уже вовсю болтала о своем нареченном. Ее хитрость поразила и взбудоражила меня. Даже сегодня она кажется мне невероятной.

Но хотя я наивно верил, что обманул Вас, обманывать ее я не пытался никогда. Я поведал ей о своих былых прегрешениях с такой полнотой и откровенностью, на какие в этом письме у меня

не хватит ни места, ни решимости,

— И на том спасибо! — проговорил Боглоу со сдавленной яростью.

ведь я, слепой дуралей, верил, что скоро мы станем мужем и женой! Я не мог себе представить женщину из среднего сословия, двадцати с лишним лет и неравнодушную к мужчине, которая НЕ мечтает о замужестве, тем более если она сбежала с возлюбленным из дома. Настолько я был убежден, что в ближайшем будущем сочетаюсь с Беллой браком, что посредством безобидного обмана приобрел паспорт, где мы были означены как муж и жена. Это должно было облегчить, с точки зрения формальностей, наш медовый месяц на континенте, куда я предполагал отправиться, как только будет заключен гражданский брак. И клянусь всем на свете, что мое намерение превратить Беллу Бакстер в Беллу Парринг не имело ничего общего с корыстью. Честно говоря, Ваше поведение при оформлении завещания заставило меня предположить, что Вам, возможно, скоро предстоит отправиться в мир иной, но я был уверен, что до нашего возвращения из поездки Вы, во всяком случае, доживете. Самое большее, что я надеялся получить от Вас,

сэр, по денежной части, — это скромное постоянное содержание, которое позволило бы мне обеспечивать Беллу тем же, к чему она привыкла, живя у Вас. Несколько тысяч в год хватило бы вполне, и, по словам Беллы, выходило, что щедрости Вашей в том, что касается ее — женщины, которую Вы выдаете за свою племянницу, — нет предела. Вы оба, должно быть, от души хохотали над тем, как ловко удалось меня провести! Ибо, когда в тот теплый летний вечер мы садились на лондонский поезд, я предполагал выйти в Килмарноке[13], где заранее сговорился с местным чиновником, чтобы тот нас встретил, принял в своем доме и сочетал браком. Вообразите теперь мой ужас, когда не успели мы доехать до Кроссмайлуфа, как она заявила, что НЕ МОЖЕТ ЗА МЕНЯ ВЫЙТИ, ПОТОМУ ЧТО ПОМОЛВЛЕНА С ДРУГИМ!!!

— Но ведь это, разумеется, в прошлом? — спросил я.

— Наоборот, в будущем, — ответила она.

— А где же в таком случае оказываюсь я?

---

[13] Критические: 2.13

Железнодорожные расписания 1880-х гг. показывают, что с первого ночного поезда Глазго — Лондон Центральной железной дороги можно было сойти в Килмарноке и продолжить путь на следующем поезде часом позже.

— Здесь и сейчас, Парень, — и она обняла меня.

Она была настоящей гурией из магометанского рая. Я заплатил проводникам, чтобы они отдали в наше распоряжение целый вагон первого класса. Наш поезд не был экспрессом, так что он должен был сделать остановки в Килмарноке, Дамфрисе, Карлайле, Лидсе и так далее, кончая Уотфордом, но я ощущал только движение и короткие передышки нашего любовного паломничества. Как мужчина я был ей под стать, но гонка была невероятная.

— Это причиняет тебе боль, Свичнет? — спросил Бакстер.

— Читай дальше! — ответил я, закрыв лицо руками. — Дальше!

— Сейчас буду, но учти, что он преувеличивает.

Наконец по громыханью колес на стрелках, пронзительным гудкам и замедляющемуся ритму движения я почувствовал, что наш вскормленный углем конь, тяжко дыша, приближается к остановке на южном конце Центральной железной дороги. Одеваясь, она сказала:

— Мне не терпится повторить это в хорошей постели.

Уверенный, что наши восторги единения полностью изгладили из ее души чувство к другому, я вновь предложил ей выйти за меня замуж. Она сказала удивленно:

— На это я уже ответила, разве ты забыл? Пошли в вокзальный отель, закажем гигантский завтрак. Я хочу овсянку, яичницу с ветчиной, сосиски, копчушки, гору поджаренного хлеба с маслом и много-много сладкого горячего чая с молоком. И тебе тоже надо как следует подкрепиться!

Мне действительно необходим был отель. Накануне был трудный день, и за целые сутки я не сомкнул глаз ни на минуту. Белла, напротив, была так же свежа, как до отъезда из Глазго. Подходя к столу регистрации, я пошатнулся, вцепился в ее руку, чтобы не упасть, и услышал ее слова:

— Он так устал, бедный мой. Пусть нам подадут завтрак в номер.

И вышло так, что, пока Белла поглощала свой гигантский завтрак, я снял пиджак, ботинки, воротничок и лег вздремнуть на кровать поверх одеяла. Мне много чего снилось, но запомнил я только, как пришел в парикмахерскую, где меня стала брить Мария Стюарт. Она покрыла мои

щеки и шею горячей мыльной пеной и только дотронулась до меня бритвой, как я проснулся и увидел, что Белла и вправду меня бреет. Я лежал в постели обнаженный, под голову и плечи были подложены подушки, накрытые полотенцем. Белла в шелковом пеньюаре водила по моим щекам острым концом бритвы. Увидев, как широко я раскрыл глаза, она громко засмеялась.

— Вот, убираю твою щетину, чтобы ты стал такой же гладкий, милый и красивый, как вчера вечером, Парень, — ведь уже опять вечер. Не гляди на меня с таким ужасом, я не перережу тебе горло! Я несчетное число раз выбривала шерсть вокруг ран и нагноений у собак, кошек и даже у одной старой мангусты! Ну и крепко же ты спишь! Ни разу глаз не открыл, пока я утром тебя раздевала и запихивала в постель. Угадай, где я сегодня была! В Вестминстерском аббатстве, у мадам Тюссо и на утреннем представлении «Гамлета». Какое наслаждение слышать, как обыкновенные солдаты, принцы и могильщики говорят стихами! Я бы все время хотела говорить стихами. Еще я видела много маленьких детей в лохмотьях и дала им кое-что из денег, которые перед уходом взяла у тебя из кармана. Давай-ка вытру тебе лицо этим мягким теплым полотенцем и

помогу надеть твой уютный стеганый халат, чтобы ты мог полчасика посидеть, прежде чем снова ляжешь, и съесть вкусный ужин, который я заказала, ведь нам надо подкрепить твои силы, Парень.

Я встал на ноги в том оглушенном состоянии, в каком оказывается всякий, кто от истощения сил проспал слишком долго и проснулся, когда обычно ложится спать. На ужин подали ветчину, пикули, салат, яблочный пирог и две бутылки индийского эля. Принесли кофейник и поставили, чтобы не остыл, на треножник, под которым теплился огонь. Я слегка ожил, приободрился и взглянул на мою Судьбу, которая свернулась, как змейка, в покойном кресле через стол от меня. Она улыбнулась мне столь недвусмысленно, что я затрепетал от благоговения, страха и острейшего желания. Ее обнаженные плечи белели на фоне черной мантии распущенных волос, ее мягко вздымающаяся…

— Тут я пропущу несколько фраз, Свичнет, — сказал Бакстер, — поскольку они полны отвратительных преувеличений, даже по меркам самого Парринга. Их содержание сводится к тому, что он и наша Белла провели эту ночь так же, как предыдущую в поезде, если не считать того, что

незадолго до семи утра он взмолился, чтобы она позволила ему поспать. Продолжу с этого места.

— Зачем? — спросила она. — После завтрака будешь спать сколько захочешь. Я сказала администрации, что ты нездоров, и они относятся к тебе очень сочувственно.

— Я не хочу провести весь медовый месяц в привокзальном отеле Центральной железной дороги, — взвыл я, от огорчения позабыв, что мы до сих пор не поженились. — Я думал, мы поедем за границу.

— Ура! — воскликнула она. — Обожаю заграницу. Куда сначала?

В Глазго (мне показалось, что с тех пор прошли годы) я предвкушал, как буду блаженствовать с ней в тихой маленькой гостинице в рыбацкой деревушке на побережье Бретани, но теперь я содрогнулся от самой мысли, что окажусь с Беллой в уединенном месте.

— В Амстердам, — пробормотал я и заснул.

Она разбудила меня в десять, успев побывать с моим бумажником в бюро путешествий Томаса Кука, купить билеты на вечерний пароход в Гаагу, заплатить по счету в отеле, собрать наши вещи и спустить их в вестибюль. В номере остались только мой дорожный несессер и необходимая

одежда.

— Я хочу есть и спать! Пусть мне подадут завтрак в постель! — закричал я.

— Не волнуйся, бедный ты мой, — сказала она успокаивающе. — Завтрак нам подадут внизу через десять минут, а потом ты сможешь сколько душа пожелает спать в кебе, в поезде, еще в одном поезде и еще в одном кебе.

Теперь вы понимаете, что была у меня за жизнь, когда мы мчались через всю Европу и вокруг Средиземного моря. Ночью — часы лихорадочного бдения в постели с женщиной, не знающей, что такое сон; днем я либо дремал, либо меня вели за руку, как оглушенного. Я предвидел все это еще до отъезда из Лондона и на пароходе, направлявшемся в Гаагу, решил, что спасусь, ИЗНУРИВ Беллу! В моих ушах уже раздаются раскаты дьявольского хохота, который эта нелепая идея извергла из Вашей отвратительной глотки. Благодаря железному напряжению воли и множеству чашек крепкого черного кофея нашел в себе силы, пересаживаясь с поезда на пароход, с парохода в кеб, носиться с ней по всем самым шумным и многолюдным отелям, театрам, музеям, ипподромам и — увы, увы! — игорным домам на континенте, покрыв в одну неделю четыре

страны. Она наслаждалась каждой минутой путешествия и блеском глаз и маленькими знаками нежности ясно давала понять, что скоро в уединенный час любви отблагодарит меня за все. Моей единственной надеждой оставалось вот что: если публичные средства передвижения и бешеное коловращение дня не в состоянии к вечеру утомить ее и погрузить в сон, они, быть может, сделают это со мной. Тщетная надежда! Между Беллой и природным Паррингом — низменной частью Парринга — возникла прочная связь, которую мой несчастный измученный мозг не мог ни разорвать, ни ослабить. Вновь и вновь я падал в постель, точно в смертный сон, но когда я в скором времени пробуждался, оказывалось, что я ласкаю ее. Подобно жертве головокружения, которая кидается ВПЕРЕД, в пропасть, вместо того чтобы отшатнуться от нее, я СОЗНАТЕЛЬНО бросался в любовный танец с его стонами восторга и отчаяния, не прерывая его до тех пор, пока луч света сквозь щель между ставнями не возвещал вступление в чистилище нового дня. В Венеции я упал в обморок, скатился по ступеням Сан-Джорджо Маджоре в лагуну, почувствовал, что тону, и возблагодарил за это Господа. Очнулся я, как всегда, в постели с

Беллой. Меня мутило от морской болезни. Мы находились в каюте первого класса на пароходе, совершающем круиз по Средиземному морю.

— Бедный Парень, ты слишком резво начал! — сказала она. — Никаких больше казино и кабаре! Отныне я становлюсь твоим врачом и предписываю полный покой, кроме тех часов, когда мы вместе в уютном гнездышке, как сейчас.

С тех пор до самого дня моего спасения я был тряпичной куклой, безвольной игрушкой в ее руках. Но, лежа в постели сколько возможно в течение дня, я в конце концов стал потихоньку восстанавливать силы.

И я продолжал считать ее добрым созданием! Ну, хохочите же! ХОХОЧИТЕ!! ХОХОЧИТЕ!!! Да, да, проклятый Бакстер, пусть от неудержимого хохота лопнут Ваши проклятые бока! Я по-прежнему верил в доброту моего ангела-изверга! Когда она своей рукой приподнимала мне голову, чтобы покормить меня с ложечки, слезы благодарности катились по моим щекам. Когда в портах, где мы швартовались, она вела меня в английские банки, говорила служащим, что ее бедняжка не совсем здоров, и водила моей рукой, подписывая чек или почтовый перевод, слезы благодарности катились по моим щекам. Как-то ясным, синим,

сверкающим днем мы полулежали бок о бок и рука в руке на палубе в шезлонгах и неслись через Босфор — по левому борту от нас расстилалась вся Азия, по правому вся Европа, или наоборот.

— Ты только в одном хорош, Парень, — сказала она глубокомысленно, — но в этом ты уж действительно хорош, настоящий гранд монарх вельможа император лорд-главный-канцлер превосходительство президент патрон провост босс и чемпион.

Слезы благодарности катились по моим щекам. Я был настолько слаб и принижен, что без всякой надежды продолжал умалять ее выйти за меня замуж. Даже произошедшее в Гибралтаре не открыло мне глаза.

Мы сошли на берег, чтобы продать мои акции «Шотландских вдов и сирот[14]*, — сделка, спешить с которой не следовало. Управляющий банком, помнится, спросил меня настоятельным тоном, от которого у меня заболела голова:*

— Вы отдаете себе отчет в том, что делаете,

---

[14] Критические: 2.14

Парринг поступил неразумно — эта страховая компания (теперь называемая «Шотландские вдовы») процветает и поныне. В марте 1992 г. в рамках агитации консерваторов перед всеобщими выборами директор «Шотландских вдов» заявил, что если Шотландия получит собственный парламент, главное управление компании будет переведено в Англию.

мистер Парринг?

Я посмотрел на Беллу, которая сказала только:

— Нам нужны деньги, Парень, и не нам одним.

Я подписал бумагу. Мы вышли из банка, и она повела меня через сады Аламеды к Южному бастиону, где была наша гостиница. Вдруг перед Беллой выросла дородная, представительная, хорошо одетая дама и сказала:

— Какая удивительная встреча, леди Коллингтон, давно ли вы здесь? Почему сразу нас не навестили? Вы меня помните? Мы познакомились четыре года назад в Коузе, на яхте принца Уэльского.

— Чудесно! — воскликнула Белла. — Но я привыкла, что меня зовут Белла Бакстер, если только я не с моим Паррингом.

— Однако… ведь вы, несомненно, супруга генерала Коллингтона, который был тогда в Коузе?

— Надеюсь, что так! Хотя Бог говорит, что четыре года назад я была в Южной Америке. Что же такое мой муж? Он красивее, чем все эти унылые Парни? Выше ростом? Сильнее? Богаче?

— Это какая-то ошибка, — промолвила дама сухо, — хотя и наружность, и голос поразительно схожи.

Поклонившись, она удалилась.

— Вчера я видела, как эта женщина катит в открытом экипаже, — произнесла Белла с задумчивым видом, — и кто-то сказал, что это жена старого адмирала, который правит этой большой гигантской Скалой. Ни один из моих вопросов она не удостоила ответом. Может быть, мне ее остановить и задать их снова? Неплохо бы иметь где-нибудь запасного военного мужа и еще одну фамилию вдобавок к той, что уже есть, да еще кататься на королевских яхтах.

Вот как я узнал, что моя Ужасная Возлюбленная не помнит ничего из своей жизни до катастрофы, после которой на ее голове под волосами появилась эта на удивление правильная трещина — ЕСЛИ ТОЛЬКО ЭТО ТРЕЩИНА, мистер Бакстер! ВЫ-то знаете, и Я ТЕПЕРЬ ЗНАЮ, что В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ…

— Бакстер, — простонал я, — неужели Парринг обо всем догадался?

— Парринг не догадался ни о чем путном, Свичнет. Его хлипкий рассудок так и не оправился после венецианского срыва. Слушай дальше.

ВЫ-то знаете, и Я ТЕПЕРЬ ЗНАЮ, что В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ это ведьмовская печать.

Да! Женская разновидность каиновой печати, клеймящая ее носительницу как вампиршу, лемура, суккуба и нечистую тварь.

Пропускаю шесть страниц немыслимой околесицы и перехожу к предпоследней странице, где он описывает свой приезд с Беллой в Париж на ночном поезде. У них опять туго с деньгами, и они не хотят тратиться на кеб. Они идут по пустым еще улицам, встречая только громадные мусорные фургоны. Цвет неба молочно-серый, воздух свеж, чирикают воробьи. Белл в восторге от всего, что она видит, хотя она несет весь их багаж — на каждом плече по тяжелому саквояжу. Парринг идет налегке. Физически он уже достаточно окреп, но боится признаться в этом Белле, чтобы (я цитирую) *она вновь не выпила из меня всю мужскую силу.* Слушай дальше.

Улица Юшетт — это узенькая улочка около реки. Там мы увидели маленький отель, довольно шумный для такого раннего утра. Официант соседнего кафе уже расставлял на тротуаре стулья и столики, так что мне было где посидеть, пока Белла ходила на разведку. Вскоре она вернулась — без багажа и в приподнятом настроении. Всего через час для нас будет готов номер; к тому же

содержательница отеля, хоть и вдова француза, родилась в Лондоне и бойко говорит на кокни. Она пригласила Беллу подождать в прихожей, но поскольку там очень тесно, не мог бы я еще посидеть где сижу? Можно, конечно, посидеть и в холле, но холлы там тоже очень маленькие, ночные постояльцы как раз начнут сейчас выходить и будут на меня натыкаться. Похоронным голосом я сказал, что так и быть, подожду снаружи, в душе испытывая восторг от того, что впервые мне удастся побыть на свежем воздухе без Беллы. Перед тем как шмыгнуть в отель, она так лучезарно улыбнулась, что у меня возникло подозрение, не радуется ли она, в свой черед, возможности побыть без меня.

Официант принес мне кофе, круассан и рюмку коньяку. Это меня взбодрило. По крайней мере, я почувствовал в себе достаточно сил, чтобы распечатать и прочесть письмо, полученное еще в Гибралтаре вместе с почтовым переводом из Банка Клайдсдейла и северной Шотландии. Я знал, что письмо с адресом, написанным материнской рукой, полно горьких и справедливых упреков — упреков, встретить которые я никогда бы не решился без бренди в желудке и С БЕЛЛОЙ подле меня, ибо Белла ни на минуту не оставила бы ме-

ня в покое, чтобы я всласть мог упиться тоской и чувством вины, которые заслужил в полной мере. Чуть ли не с вожделением я разорвал конверт и, прочитав письмо, содрогнулся.

Вести оказались еще ужаснее, чем я предполагал. Мать была почти разорена. Ей пришлось рассчитать всю прислугу, кроме старой Джесси и кухарки. С этими двумя женщинами я впервые познал радости любви, но лучшие их годы давно миновали. Старая Джесси так одряхлела и ослабла умом, что мы намеревались после Рождества отдать ее в приют. Кухарка превратилась в запойную пьяницу. Обе теперь прислуживали матери бесплатно, потому что никто другой на порог бы их не пустил. Менее трагическим, но для меня более горьким было то обстоятельство, что моя милая хрупкая мама, одинокая вдова сорока шести лет, уже не могла заказывать себе одежду в Лондоне и Эдинбурге и принуждена была теперь сама покупать ее в Глазго. В раскаянии и гневе я, задыхаясь, вскочил на ноги — гнев мой по преимуществу был направлен против Беллы, ибо что она сотворила с моими деньгами? *Безотчетно я двинулся по переулку, узкому, как коридор, вспоминая с зубовным скрежетам свои страдания в лапах этого прелестного чудовища.*

Не Господня ли Рука повела меня через этот людный мост и остановила у дверей большого собора? Думаю, она. Никогда раньше я не входил в католический храм. Что за трепетная надежда повлекла меня туда сейчас?

Я увидел уходящие вдаль ряды могучих колонн, подобные аллеям гигантских каменных деревьев и дававшие опору сумрачным сводам; я услыхал величественные раскаты…

Кроме шуток, Свичнет, он пишет таким тошнотворным, заимствованным слогом, что дальше я ограничусь пересказом. Данкан П. никогда раньше Богу не молился, но тут решается попробовать, потому что все вокруг занимаются именно этим. Сквозь щель в крышке он бросает сантим в коробку для пожертвований; зажигает свечу; ставит ее перед алтарем на острый выступ; зажмурив глаза, преклоняет колени и сообщает Перводвигателю Всего Сущего, что Данкан П. стал таким вот гнусным, испорченным и нехорошим главным образом из-за Злой Беллы Бакстер, так что молю Тебя, Господи, приди на подмогу. Внезапно все вокруг светлеет. Открыв глаза, Парринг видит солнечный свет, бьющий ему в лицо сквозь заалтарный витраж; лучи, проходя через алое стекло в форме сердца, рисуют яркое розовое пят-

но на модном белом шелковом жилете Данкана П. Личная телеграмма Данкану П. от Перводвигателя? Поначалу Д.П. реагирует по-протестантски. Он хочет найти какое-нибудь укромное местечко, чтобы все обмозговать, маленький уединенный уголок с сиденьем и запирающейся дверью, где ему никто не помешает. Тут ему на глаза попадается ряд кабинок, люди обычного вида входят в них и выходят обратно, и на каждой двери указано, свободна кабинка или занята. Он запирается в одной из свободных и оказывается, естественно, в исповедальне. Если я добавлю, что падре за решетчатым окошечком знал английский, можешь догадаться, что случилось потом.

— Навряд ли.

— Парринг хочет исповедаться во всех своих грехах от пятилетнего возраста (когда старая Джесси научила его мастурбировать) до того момента получасом раньше, когда Белла взяла ему номер в заведении, смахивающем на бордель. Ему также нужен профессиональный совет относительно ценности только что полученной от Бога телеграммы в виде Святого Сердца. Священник отвечает, что всякий, кто молится перед этой святыней, получает такую телеграмму, когда солнце находится в определенном положении,

и весть эта всегда благая, если верно ее истолковать. Он говорит, что не может отпустить месье П. его грехи, потому что месье то ли еретик, то ли язычник, но если месье П. сделает пятиминутный обзор грехов, которые так его мучают, он напрямик выскажет ему свое мнение. За этим следует чистосердечный рассказ. Священник говорит, что ему надлежит либо жениться на Белле и вернуться домой к матери, либо оставить Беллу и вернуться домой к матери, либо гореть в аду. Священник советует месье П. по возвращении в Глазго принять наставление в католической вере, а сейчас до свидания, месье, я буду молиться за вашу душу. Парринг выходит на улицу, где *солнечный свет лился на меня, как благословение, ибо я чувствовал, что с плеч моих упала тягостная ноша,* и так далее, и так далее. Словом, ему наконец становится ясно, что он сыт Беллой по горло. Итак, обратно в отель! Белла распаковывает его вещи в номере. «Не надо!» — кричит Парринг и говорит ей, что ему надо вернуться в Глазго и РАБОТАТЬ, но взять ее с собой он может только в качестве законной жены. Она бодро отвечает: «Ничего страшного, Парень, я как раз хотела получше осмотреть Париж», укладывает его вещи в один из саквояжей и дает ему деньги

на дорогу домой. «Это все?» — спрашивает он. Она говорит: «Все, что осталось от твоих денег, но если тебе нужно больше, вот то, что дал мне Бог». Она берет ножницы, распарывает подкладку своего дорожного жакета, достает пятьсот фунтов в банкнотах Английского банка и протягивает ему со словами: «Возьми за все то удовольствие, что ты мне доставил. Ты заслужил гораздо больше, но больше у меня нет. Тут все же очень много денег, и Бог мне их дал, потому что знал, что с тобой непременно должно произойти что-нибудь в этом роде».

Дальше опять буду читать дословно. Описание, которое Парринг дает своему поведению после того, как он узнал, что мне было заранее известно о его бегстве, представляет большой клинический интерес.

Когда мой мозг в одно и то же время старался ухватить и отторгнуть гнусный смысл ее слов, вот тогда я узнал, что такое сумасшествие. Мотая головой от плеча к плечу и разевая рот в беззвучном крике или в попытке укусить воздух, я попятился в угол комнаты, где медленно осел на пол, яростно молотя кулаками пространство вокруг моей головы, словно боксировал с отвра-

тительным, кишащим в воздухе противником, словно отгонял рой громадных оводов или стаю плотоядных летучих мышей; но я знал, что эти кровопийцы находятся не снаружи, а ВНУТРИ моего мозга и точат его, точат. Они и теперь его точат. Белла, должно быть, позвала на помощь свою новую подружку, содержательницу отеля, но мое безумие превратило их в галдящую толпу растрепанных женщин всех возрастов и комплекций; полуодетые, выставив напоказ свои плотские прелести, они злорадно накинулись на меня, словно там разом сошлись все служанки, которых я соблазнил. И Белла, чудилось мне, была одной из них! Мягкими сильными руками они оплели меня туго-натуго, как пеленают младенцев. Они стали лить мне в глотку коньяк. Я сделался тупым и безучастным. Белла отвезла меня в кебе на Северный вокзал, купила билет, положила его мне в жилетный карман, сказала, в каких карманах у меня хранятся деньги и паспорт, ввела меня в вагон и внесла туда мой багаж, все время изливая на меня невыносимый поток успокоительной болтовни: «Бедный Парень, бедный мой старина, я для тебя не гожусь, я истощила тебя, подумай, как радостно будет оказаться дома, у мамы, и долго-долго отды-

хать, подумай, сколько денег ты сбережешь, но ведь нам и хорошо бывало вместе, я ни об одной минутке не жалею, на всем белом свете наверняка не найдется лучшего спортсмена и атлета, чем Данкан Парринг, но прошу тебя, скажи Богу, что мне скоро понадобится свечка, помнишь нашу первую ночь в поезде?» — и так далее, а когда поезд тронулся, она побежала по перрону, крича мне в окно: «Привет милой Шотландии!»

Так что теперь я знаю, кто такая Ваша племянница, мистер Бакстер. Евреи называли ее Евой и Далилой, греки — Прекрасной Еленой, римляне — Клеопатрой, христиане — Саломеей. Она — Белый Демон, во все времена лишающий чести и мужества самых благородных, самых сильных мужчин. Мне он явился в обличье Беллы Бакстер. Для короля Людовика это была госпожа де Ментенон, для принца Чарли — Клементина Уокиншо, для Роберта Бёрнса — Джин Армор, и так далее; для генерала Коллингтона это была Виктория Хаттерсли. Что, вздрогнули, Люцифер Бакстер? О семейной беде генерала не кричали газеты, но у нас, адвокатов, есть свои источники, благодаря которым я и разгадал Вашу тайну. ИБО БЕЛЫЙ ДЕМОН ВО ВСЕХ НАРОДАХ, ВО ВСЕ ВРЕМЕНА ЕСТЬ КУКЛА И ОРУДИЕ В РУКАХ БОЛЕЕ

СИЛЬНОГО, ТЕМНОГО ДЕМОНА!!!!! Ева слушалась Змея, Далила — филистимских старейшин, госпожа де Ментенон — какого-то там кардинала, а Белла Бакстер — ВАС, Боглоу Биш Бакстер, Архидьявол и Заправила нынешнего века естественных наук! Только в современном Глазго, этом ВАВИЛОНЕ естественных наук, могли Вы снискать богатство, власть и уважение, препарируя человеческие мозги, рыская по моргам и тревожа смертные одры бедняков. Когда Шотландия была Духовной Страной, Вас сожгли бы за это как колдуна, БОГ-ХРЯК, ГАД, ХИТРЮГА, ЗВЕРЬ ПРЕИСПОДНЕЙ!!!!!

Вы небось и не подозреваете, что Вы Антихрист, ибо заблуждение идет рука об руку с проклятьем, и Отцу Лжи выпало знать о самом себе меньше, чем о ком бы то ни было. Но ведь Вы же ученый. Исследуйте доказательства, которые я представляю вам хладнокровно, в логическом порядке и не злоупотребляя заглавными буквами, разве что вначале.

ЯВЛЕНИЕ ЗВЕРЯ

БИБЛЕЙСКИЕ ПРОРОЧЕСТВА	*СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТЫ*
1. Число зверя — 666.	*Вы проживаете на Парк-сёркес, 18, что равняется 6+6+6.*
2. На Звере сидит Жена, одетая в багряницу.	*Белла очень любит красный цвет.*

3. Зверь зовется Вавилон, потому что этот город правил самой обширной материальной империей в древнем мире и преследовал детей Божьих, духовных людей того времени. (Отметим, что, как утверждают протестантские фанатики, Рим есть нынешний Вавилон и логово Зверя, но надо видеть, что римский католицизм — при всех его ошибках — в наше время является всецело духовной империей.)

Британская империя — самая большая империя из всех, какие знал мир. Она всецело материальна и основана на промышленности, торговле и военной мощи. Ее родина — Глазго. Здесь Джеймс Уатт придумал паровую машину, которая приводит в движение британские поезда и суда торгового и военного флота, здесь сооружаются самые лучшие локомотивы и пароходы. Здесь Адам Смит измыслил современный капитализм. Здесь сэр Уильям Томсон изобретает телеграфные кабели, что, ложась на дно океана, связывают

	империю воедино, и разрабатывает дизель-электрические моторы будущего.
4. Зверь и сидящая на нем Жена также зовутся Тайна.	*Химия, электричество, анатомия и тому подобное суть Тайны почти для всех — кроме вас!*
5. Зверю поклоняются все земные цари.	*Хотя королева Виктория больше любит Эдинбург, чем Глазго, и замок Балморал, чем всю остальную Шотландию, великий князь Алексей, сын русского царя, назвал Глазго «центром умственной жизни Англии» в своей прошлогодней речи во время спуска на воду «Ливадии», построенной для его отца на верфях Элдера.*

6. Зверь имеет семь голов — семь торчащих выпуклостей. (Протестантские фанатики считают, что это намек на Рим, поскольку Рим, как известно, построен на семи холмах.)	*Но ведь город Глазго построен на семи холмах! Гольфхилл, Балмано-брей, Блайтсвуд-хилл, Гарнет-хилл, Партик-хилл, Гилмор-хилл, увенчанный Университетом, и Вудленд-хилл, увенчанный Парк-сёркес, где вы преподнесли мне Багряную Блудницу современного Вавилона!*
7. Багряная Жена, сидящая на спине у Зверя, держит золотую чашу, наполненную мерзостями.	*Не могу точно сказать, что ныне означает эта чаша, потому что Белла не любит вина и алкогольных напитков, но если мы с вами встретимся и обсудим все спокойно, мы наверняка к чему-нибудь придем.*

Я страшно одинок. Мама все твердит: возьми себя в руки. Меня тянет посидеть с ней рядам, но когда я подсаживаюсь, она начинает нервничать и спрашивает, почему я перестал ходить в мюзик-холл, спортивный клуб и на прочие «ШТУКИ», которым я отдавал много времени до поездки за границу. Теперь сама мысль об этих «ШТУКАХ» приводит меня в ужас. Когда я был маленьким и с

матерью случались нервные припадки, заботу обо мне брала на себя старая Джесси. Так что теперь по вечерам я притворяюсь, будто иду поразвлечься, а сам черным ходом прокрадываюсь на кухню, где пью в обществе старой Джесси и кухарки. В те времена, когда я уподоблялся Казанове, я никогда не пил спиртного, ибо поклонник Венеры должен сторониться Бахуса. В кухне холодно. Я так безжалостно растратил семейное состояние, что мама не может позволить служанкам жечь наш уголь. Для тепла старая Джесси и кухарка спят на одной кровати, и я ложусь посередке. Я не могу спать один. Молю тебя, Белла, приди и согрей меня.

Завтра я начну новую жизнь, для чего займусь тремя делами сразу. Я верну маме богатство посредством неуклонного служения науке и искусству имущественного права. Я спасу мою Беллу от Зверобакстера, боксируя с современным Вавилоном на уличных перекрестках, на общественной трибуне в Глазго-грин, а также в печати.

Я приду в лоно непогрешимой католической церкви, дам обет вечного безбрачия и кончу дни под мирной сенью монастыря. Мне нужен покой. Помогите мне.

Остаюсь истинно и навеки
Выбитый Беллой полусредневес
Окровавленный сердцежилет
Данкан Макнаб Пар Пар Парень

(Присяжный стряпчий и Пузанчик старой Джесси.)

13. Интермедия

НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ МЫ МОЛЧАЛИ. НАКОНЕЦ Я спросил:

— Мы ничего не можем сделать, чтобы спасти несчастного от сумасшествия?

— Ничего, — отрезал Бакстер.

Он собрал страницы письма, положил их обратно в конверт и вынул из другого, большего конверта пачку страниц повнушительней. Бережно положив ее себе на колени, он посмотрел на нее с улыбкой и ласково погладил верхний лист крохотными нежными кончиками своих конических пальцев.

— Письмо от Белл? — спросил я.

Он кивнул и сказал:

— Свичнет, к чему беспокоиться о Парринге? Он мужчина из среднего сословия с юридическим образованием и надежным жилищем, опекаемый тремя женщинами. Подумай лучше о своей невесте, привлекательной женщине с трехлетним мозгом, которую он оставил в Париже без гроша в кармане. За нее ты не боишься?

— Нет. Парринг, при всех своих мужских доб-

лестях, — жалкое создание. Про Белл этого не скажешь.

— Верно. Правильно. Точно. Конечно. Безусловно! — воскликнул он в исступлении согласия.

Я пробурчал:

— Ты, кажется, заразился от Белл страстью к синонимам. Сколько их в этом письме?

Он улыбнулся мне, как мудрый старый учитель, чей любимый ученик ответил на трудный вопрос, и сказал:

— Прости мне мой восторг, Свичнет. Ты не в состоянии его разделить, потому что никогда не был родителем и никогда не производил на свет чего-то нового и великолепного. Как радостно творцу видеть, что творение живет, чувствует и действует независимо от него! Три года назад я прочел Книгу Бытия и не понял, почему Бог разгневался, когда Адам и Ева пожелали познать добро и зло — пожелали быть как боги. Эта минута могла бы стать для него минутой наивысшего торжества.

— Они сознательно его ослушались! — возразил я, забыв о *«Происхождении видов»* и говоря языком *«Краткого катехизиса».* — Он даровал им жизнь и все, чего бы они ни пожелали, все на свете, кроме двух заповеданных деревьев. Их плоды

были смертельны, они заключали в себе священную тайну. Лишь противоестественная жадность могла заставить людей вкусить он них.

Покачав головой, Бакстер сказал:

— Только дурные религии основываются на тайне, как дурные правительства — на тайной полиции. В истине, добре и красоте нет ничего таинственного, это самые обычные, очевидные и насущные явления жизни, как хлеб, воздух и солнечный свет. Только люди, которым вконец задурили голову дорогостоящим образованием, могут думать, что истина, добро и красота редки и находятся в частной собственности. Природа более щедра. Вселенная не обделила нас ничем насущным — нам все дано, все даровано. Бог есть Вселенная плюс разум. Человек, который говорит, что Бог, или Вселенная, или природа таинственны, подобен тому, кто приписывает им ревность или злобу. Он возвещает этим только состояние своего одинокого, запутавшегося разума.

— Чушь ты городишь, Бакстер! — воскликнул я. — Вся наша жизнь — борьба с тайнами. Тайны угрожают нам, помогают нам, губят нас. Наши великие ученые, пролив свет на эти тайны в одних направлениях, в других только сгустили мрак. Согласно второму закону термодинамики,

Вселенная умрет, превратившись в холодную овсянку, но никто не знает, как она возникла и возникла ли вообще. Наша наука началась с открытия Кеплером силы тяготения, но хотя мы в состоянии описать движение громадных галактик и почти невесомых газов, мы не знаем ни природы тяготения, ни его механизма. Кеплер предположил, что это — проявление разума в неорганическом мире. Современные физики даже не решаются ничего предполагать и прячут свое незнание за формулами. Мы знаем, как произошли виды, но не можем создать даже простейшую живую клетку. Ты пересадил мозг ребенка в череп матери. Браво. Но всезнающим богом это тебя не делает.

— Факты твои я не оспариваю, но мне не нравится, как ты их трактуешь, — сказал Бакстер с новой, неприятно-великодушной улыбкой. — Разумеется, всякий отдельно взятый разум может познать только малую долю прошлой, настоящей и будущей жизни. Но то, что ты называешь *тайной*, я называю *незнанием*, и ничто из еще не познанного, как бы мы это ни называли, не святее и не чудеснее того, что мы знаем, — того, чем мы являемся! Человеческая любовь и доброта — вот что творит и хранит нас, вот что скрепляет

наше общество и позволяет нам жить в нем без опаски.

— Похоть, страх перед голодом и полиция тоже вносят свою лепту. Прочти мне письмо Белл.

— Сейчас прочту, но сперва тебя огорошу. Это письмо — дневник, который писался на протяжении трех месяцев. Сравни первую страницу с последней.

Он подал мне две страницы.

Они действительно меня огорошили, хотя первая, как я и ожидал, была заполнена огромными заглавными буквами, сгруппированными в загадочные письмена:

МЙ МЛЙ БГ Н СНМ СНМ МР
Я НКНЦ МГ НЧТ ПСМ

Последняя же страница содержала сорок строк, написанных убористым почерком; одна фраза привлекла мое внимание:

«Передай моему милому Свечке: его свадебно-колокольная Белл больше не думает, что он должен делать все, о чем она трезвонит».

— Неплохо для трехлетней? — спросил Бакстер.

— Она быстро учится, — сказал я, возвращая

ему страницы.

— Учится! Впитывает мудрость и умение жить, пробиваясь к тому, что есть в мире хорошего и доброго. Это письмо — моя награда, Свичнет. Представь себе, что я старый учитель, научивший Шекспира грамоте. Представь себе, что это письмо — подарок мне от бывшего ученика, «Гамлет», написанный его собственной рукой. Душа той, что это написала, настолько же выше моей, насколько моя душа выше…

Он осекся, отвел глаза в сторону, потом продолжал:

— …ну, хотя бы души Данкана Парринга. Моя параллель с Шекспиром нисколько не натянута, Свичнет. Плотно спрессованный смысл ее фраз, каламбуры, сам ритм — все шекспировское.

— Так читай же.

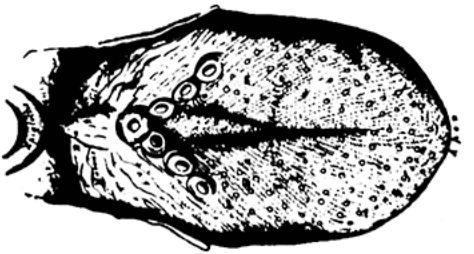
— Начинаю! Письмо не датировано, но, как легко видеть, начато на пароходе вскоре после того, как Парринг рыдал, стоя на коленях в триестской канаве, или (если ты предпочитаешь его собственную тщеславную версию) выкупался в венецианском Большом канале. Не считая этой подробности, письмо Беллы не противоречит его письму и даже подтверждает один факт, который он счел галлюцинацией. Но оно настолько

же превосходит послание Парринга, насколько Евангелие от Матфея, которое содержит Нагорную проповедь Христа, превосходит Евангелие от Иоанна, где ее нет. Я не ошибся, Свичнет? Ведь тебя до отвала напичкали Библией в школе. Это у Марка или у Луки говорится…

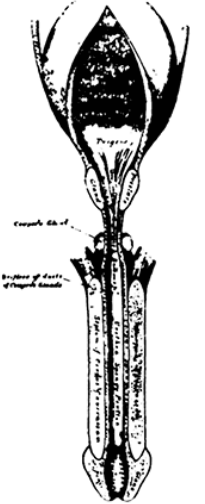
Я сказал, что, если он сейчас же не начнет читать, я взломаю буфет с портвейном сэра Колина. Он ответил:

— Начинаю немедленно! Но позволь мне прежде дать письму Белл *заглавие*, которое ей не принадлежит, но которое подготовит тебя к восприятию всей безмерной шири, глубины и высоты того, что тут содержится. Я озаглавлю письмо СОТВОРЕНИЕ СОВЕСТИ. Слушай.

Он прокашлялся и начал читать — отчетливо и торжественным тоном, который показался мне театральным. В дальнейшем чтение несколько раз прерывалось сдавленными рыданиями. Письмо я привожу не так, как написала его Белла, а так, как оно прозвучало в его передаче.



Письмо Беллы Бакстер: сотворение совести



14. Глазго — Одесса: *игроки*

Мой милый Бог,
на синем-синем море
Я наконец могу начать письмо.
Несчастный Парень беспробудно спит
И рад прервать свое туда-сюда —
Глупец немало глупостей наделал.
Мне кажется, уж век прошел с тех пор,
С той мягкой теплой тихой светлой ночи,
Когда, дохнув на Свечку хлороформом,
По лестнице порхнула к Парню я.
Стрелою кеб нас к поезду помчал,
Где мы, в вагоне окна занавесив,
Всю ночь пар-пар-пар-парились на пару
Дорогу всю до Лондона, а утром
В гостинице «Сент-Панкрас» взяли номер.
И Данкан говорил еще о свадьбе!

Я — ни в какую, Свечку успокой.
Ты, Бог, не парил никого ни разу
И, может быть, не знаешь, что мужчина
После восьми часов сплошной парьбы
Лежит пластом и ни на что не смотрит.
Так что назавтра я была сама
Себе хозяйка. Посмотревши город,
Я разбудила Парринга пить чай.
«Где ты была?»
Я рассказала.
«С кем?»
«Одна». «И я, ты думаешь, поверю,
Что за день ты не встретила мужчину?»
«Я миллион их встретила, пожалуй,
Но говорила только с полицейским,
Дорогу спрашивала в Друри-Лейн».
«Еще бы! С кем же, как не с полицейским!
Они ведь удальцы как на подбор.
Да и гвардейцы хоть куда ребята,

Все ищут молодых да безотказных.
Небось и «полицейский» твой из этих,
Ведь форму спутать ничего не стоит».
«В своем уме ты? Чем я провинилась?»
«Признайся мне — я у тебя не первый!
Ты перепробовать успела сотню!»
«Не сотню, нет. Я, правда, не считала,
Но уж никак не больше полуста».
Он взвыл, скривился, начал на себе
Рвать волосы, а поостыв, пустился
В расспросы. Так я поняла впервые,
Что целованье рук он не считает
Любовью, только всовыванье третьей
Мужской ноги, что лишена ступни.
«Коль так, мой милый Парень, будь уверен,
Что я любила одного тебя».
«Бессовестная шлюха! — возопил он. —
Не ври. Давным-давно ты не девица!»
Не сразу стало ясно мне, о чем он.
Выходит, если женщина без пары
Жила и Парня не нашла себе,

То у нее в любовном углубленье,
Куда потом челнок свой он погрузит,
Должна быть кожистая перепонка,
Которой не нашел он у меня.
«А шрам?» Он показал на белый след,
Что, от кудрей любовных начинаясь,
Идет, как Гринвичский меридиан,
И надвое мне чрево рассекает,
Что вороху пшеницы уподобил
Премудрый Соломон во время оно.
«У всякой женщины есть этот шрам».
«Нет! — Парень возразил. — Лишь у такой,
Кому разрезали живот, чтоб вынуть
Младенца». «Коли так, то это было
Д-Т-К-Т-У-Б-Г — до того,
Как треснула у Беллы голова».
Я тонкий шов дала ему пощупать,
Что окружает череп мой кольцом.
Тут он сказал со вздохом: «Я раскрыл
Тебе все тайные мои мечты
И темные дела. Но почему же

Ты о своем не говорила прошлом,
Вернее, об отсутствии его?»
«Ты времени для этого мне не дал,
Сам говорил, не закрывая рта.
Я видела, что не нужны тебе
Ни прошлое, ни чаянья мои,
А только то, что для парьбы потребно».
«Да, я мерзавец! Я достоин смерти!»
Он зарыдал, стал кушаками в грудь
Себя лупить, потам, спустив штаны,
Меня он быстро-быстро начал парить.
Я гладила его и утешала
(Ведь он ребенок), и еще одна
Была у нас парьба, теперь потише.
Да, в этом он неистощим, но, Свечка,
Читая эти строки, не грусти.
Хоть нужен Парень женщине, но любит
Она того, кто ждет ее и верит.

Бог, у меня и вправду был ребенок?
И если да, то что же с ней теперь?

Я почему-то знаю — это дочь.
Вместить такую мысль мне не под силу.
Быть может, позже до нее дозрею.
Ты видишь, Бог, что я уже не та?
Не только о себе я стала думать.
Я думала о Свечке, хоть его
Здесь нет, и утешать его пыталась.
Боюсь того, что вызреет во мне
От мыслей о потерянной дочурке.
Вот странно: Парринг с разумом дитяти
Пустоголовую заставил Белл
Сочувствовать другим. Я расскажу
О том, как я в Швейцарии его
Заботливою нянькой опекала.

Когда приехали мы в Амстердам,
Там его мучила все та же ревность.
Он за руку держал меня все время,
Лишь выпустил, когда пошел к врачу,
Меня оставив подождать в приемной.
Он летаргией называл усталость,

Вполне естественную. Человеку
Порою нужен отдых и покой.
Но врач ему такие дал пилюли,
Чтобы совсем не отдыхать. И вихрем
Пошли бега, соборы, мюзик-холлы,
Кафешантаны. Стал он белый-белый,
И лишь глаза, как фонари, горели:
«Силенки есть еще! Вперед! Вперед!»

Спасибо, милый Бог, что научил
Меня ты сидя засыпать. В трамваях,
На пароходах, в кебах, в поездах
Пришлась твоя наука очень кстати.
И все-таки мне сна недоставало.
Я помню, вечерам второго дня,
Как мы с ним оказались за границей,
Он слушать Вагнера меня повел.
Казалось, этому конца не будет,
И стоило лишь мне сомкнуть глаза,
Он локтем в бок меня: «Не спать, смотреть!»
Я стала спать с открытыми глазами.
Я скоро научилась спать и стоя,

И на бегу, носясь повсюду с ним.

Во сне ему я даже отвечала —

Ведь требовалось лишь «ты прав, мой милый».

Конечно, кое-где я просыпалась —

В отелях, например, или на почте,

Чтобы тебе отправить телеграмму,

Пока он маме телеграмму шлет,

Еще я просыпалась в ресторанах,

Во франкфуртском зверинце и в немецком

Игорном доме — расскажу об этом.

Там разбудил меня, наверно, запах.

Отчаяньем там пахло, как в зверинце,

И жалкой, боязливою надеждой;

Еще — прокисшей и несвежей страстью

(Был третий запах смесью первых двух).

Но, может быть, мой нюх преувеличил —

Глазам открылся светлый-светлый зал.

Ты помнишь, как водил меня на биржу?
Тут было очень на нее похоже[15].
На золотисто-кремовых колоннах
Держались бело-голубые своды,
Хрустальные переливались люстры
И освещали все дела внизу,
Где шесть столов стояло и в рулетку
Изысканная публика играла.
Вдоль стен на алых плюшевых диванах
Сидели зрители, и я средь них.
А Парринг — тот стоял со мною рядом,
Смотрел на ближний стол во все глаза
И бормотал: «Понятно. Все понятно».
Мне показалось, что, как я, во сне

---

[15] Критические: 2.15

Королевская биржа на Куин-стрит открылась 3 сентября 1829 г. Здание, строительство которого обошлось в 60 000 фунтов, собранных по подписке, стало не только долговечным памятником богатству городских коммерсантов, но и самым величественным сооружением подобного рода во всей Британии на много десятилетий вперед. Эта дивная постройка выполнена в греческом стиле по проекту Дэвида Гамильтона. Фасад украшает царственная колоннада, увенчивает его изящная башня-фонарь. Громадная крыша имеет 130 футов в длину и 60 в ширину: высота крыши, поддерживаемой коринфскими колоннами, составляет 30 футов. Интерьер здания, в котором теперь располагается Публичная библиотека Стирлинга, ныне столь же великолепен, как и в прошлом.

Он говорит с открытыми глазами,
И я сказала ласково, но твердо:
«Пошли в гостиницу, мой милый Данкан,
Там ты поспишь». Он на меня воззрился
И, медленно качая головой,
Ответил: «Рано. Рано. Кое-что
Еще мне надо сделать. Я ведь знаю,
Что ты и в грош мои мозги не ставишь,
Считаешь их ненужным дополненьем
К тому, что между ног моих торчит.
Так знай же, Белл: мозгам моим открылся
Великий ФАКТ, что нарекли невежды
УДАЧЕЙ. Ясно вижу я теперь,
Что БОГ, СУДЬБА, УДАЧА и ВЕЗЕНЬЕ —
Лишь жалкие слова, лишь облаченье
НЕВЕЖЕСТВА. Ты, женщина, стой с краю
И наблюдай за тем, как я играю!»
Мы подошли. Примолк нестройный гул.

Все взгляды — к нам. Один подвинул стул.

Он пробурчал: «Спасибо», и — за дело.

А я стояла сзади и смотрела.

Привокзальный отель «Сент-Панкрас», где Белла и Парринг провели вторую ночь после своего побега.

Милый Бог, я устала. Время позднее. Трудненько подражать Шекспиру, если ты женщина с трещиной в голове и даже не знаешь грамматики; однако я замечаю, что буквы у меня становятся меньше. Завтра мы причалим в Афинах. Помнишь, как века тому назад мы были там с тобой

по пути в Загреб и Сараево? Надеюсь, Парфенон за это время починили. Теперь тихо пристроюсь рядом с Парнем, а о его беде расскажу завтра; конец этой записи я обозначу звездочками.

* * * * * * * * * * * * * * *

Покинув Константино… как там дальше?
На том же русском корабле плывем
Теперь к Одессе, миновав Босфор.
Свеж и приятен воздух, небо чисто.
Укутав горемыку своего,
На палубе его я усадила,
А то бы он весь день лежал на койке
Да Библию читал. Теперь он вновь
Стал говорить о том, что мы с ним пара,
И умолять о «вечных узах». Брр!
Ведь радости парьбы не обуздаешь
На время даже, что уж там на вечность.
И как же мне в его башку втемяшить,
Что я уже сговорена с другим?

Толпа, что собралась вокруг рулетки,
Лишь издали изысканной казалась.
Конечно, были там и богачи
В роскошных шелковых жилетах, фраках,
И дамы в низко вырезанных платьях.
Там были люди среднего достатка,
Рантье, священники и коммерсанты,
Опрятные, серьезные донельзя,
Иные с женами. А бедняков
Сперва не различала я (конечно,
Людей в лохмотьях не пускали в зал).
Но, приглядевшись, стала замечать
Где латку, где залоснившийся ворот
И наглухо застегнутый, чтоб скрыть
Несвежее белье. Кто побогаче,
Клал золото, кредитные билеты;
Попроще люди клали серебро,
А перед этим думали подолгу;
Беднейшие на стол кидали мелочь
И бледные, с горящими глазами,
Как Парень мой, смотрели на игру.

Быстрее всех с деньгами управлялись
Богатые, и нищие, и те,
Кто превращался из одних в другие;
Все ж, будь он голь, богач иль середина —
Ошеломлен, неистов, позабавлен, —
Будь молод, стар или в расцвете лет —
Француз, испанец, немец или русский, —
Будь даже англичанин (эти редко
Играли, лишь смотрели свысока), —
Любой из них был словно тронут порчей.
Я поняла, в чем дело, но не раньше,
Чем совершилось то, что совершилось.

Крутящееся колесо и шарик
Размалывали что-то в игроках
И зрителях, и был этот размол
Им в радость, потому что чем ценней
Для них уничтожаемое было,
Тем ненавистней и в себе, и в прочих.
Что это за сокровище, позднее
Мне умный человек растолковал.

Душой священник его кличет, нищий —
Деньгами, немец — волей, а поэт —
Любовью. Он это нарек свободой,
Которая рождает угрызенья
За то, что сам ты сделал. Костью в горле
Она мужчинам, вот они ее
И жаждут истребить. Я не мужчина.
Тот зал мне показался римским цирком,
Где не тела калечили, а разум,
И вся эта толпа пришла смотреть,
Как разум, что постичь способен вечность,
Пришпиливают к шарику из кости.
Несчастный Парень начал делать ставки.
Другие красное чередовали
Все время с черным и меняли клетки.
Но Парень ставил только на одну,
«Зеро», начав с единственной монеты.
Ее он проиграл, за нею две,
Потом четыре, восемь и шестна-

дцать,
Потом поставил тридцать две. Крупье
Лопаточкой двенадцать отодвинул —
Не больше двадцати. Пожав плечами,
Он лишнее забрал. Пустили шарик,
Он выиграл. Ему досталось много.
Все эти стопки золотых монет
Ему вручили в голубой бумаге.
Он обратил ко мне счастливый взгляд —
Впервые после нашего побега.
«Ну, Белл, — он прошептал, — суди сама,
Довольно ль в этой голове ума!»
До слез мне стало жалко бедолагу,
И не почувствовала я, как сильно
Ему меня хотелось изумить.
Сказать мне надо было: «Бесподобен
Ты, Данкан, был! Как чувств я не лишилась!
Отпразднуем победу в ресторане».
Сказала я, увы, совсем другое:

«О Данкан, забери меня отсюда!

Пойдем в бильярдную — там все же меткость

Особая нужна, там так красиво

Катаются шары по ровной ткани».

Он сделался из бледного багровым.

«Так, значит, мой успех тебе противен?

Рулетку, значит, ненавидишь? Знай же,

Что ненавижу я и презираю

Ее не меньше! Но сейчас сыграю

И БРОШУ В ДРОЖЬ ХОЗЯЕВ ЭТОЙ ЛАВКИ

И ДУРАЛЕЕВ, ДЕЛАЮЩИХ СТАВКИ!»

Он встал, к другому ринулся столу

И начал сызнова. Хотела я

Одна в отель вернуться, но не знала

Ни как туда проехать, ни названья.

Сон на ногах сыграл со мною шутку —

Мне было невдомек, где нахожусь я.

Я у стены сидела на диване,

Покуда шел он от стола к столу,
Выигрывая всюду. Люд за ним.
Гул, гомон, ропот, восклицанья «Браво!»,
Рев, суматоха, светопреставленье!
Хвалили игроки его отвагу,
А дамы в низко вырезанных платьях
Бросали взгляды, значившие: «Милый,
Возьми меня, опарь меня скорей».
Один еврей там слезы лил ручьями
И Парня умалял уйти, покуда
Не отвернулось счастье. Он играл,
Пока не стали на ночь закрывать.
Сложить все деньги — вот была работка!

А Парринга несчастного тем часом
Обхаживали все, кроме меня.
Вдруг рядом кто-то, кашлянув, сказал:
«Мадам, вы мне позволите два слова?»
—
И, повернувшись динь-динь-динь о Бог!
К обеду колокол! Я извелась

Изголодалась изошла слюной
Измучилась, тоскуя по борщу,
Свекольному прекраснейшему супу.
Все ж, стихотворный опыт повторив мой,
Заканчиваю снова запись рифмой.

* * * * * * * * * * * * * * *

Больше не буду сочинять по-шекспировски. Это замедляет дело, особенно теперь, когда я стараюсь выписывать слова полностью, как все люди. Новый теплый день в Одессе. Небо — одно высокое ровное-ровное светло-серое облако, которое даже не застилает горизонта. Раскрыв на коленях мой маленький письменный несессер, я сижу на верхней ступеньке громадной лестницы, спускающейся к гавани. Она такая широкая, что по ней может промаршировать целая армия, и очень напоминает лестницу, ведущую в Западный

парк, — ту, что рядом с нашим домом[16]*, Бог. Здесь тоже гуляет разная публика, но если бы в Глазго я уселась прямо на ступеньку писать письмо, многие посмотрели бы на меня гневно или изумленно, а если бы я вдобавок была бедно одета, полиция прогнала бы меня прочь Русские же либо не обращают на меня никакого внимания, либо приветливо мне улыбаются. Из всех стран, где я была, больше всего мне подходят США и Россия. С незнакомыми людьми тут разговаривают дружелюбнее и не так официально. Может быть, дело в там, что у них, как у меня, очень мало прошлого? Человек, с которым я подружилась в игорном доме и который говорил мне о рулетке, свободе и душе, — русский. Он сказал, что Россия — такая же молодая страна, как США, потому что нация и ее литература — ровесницы.*

— Наша литература началась с Пушкина, который был современником вашего Вальтера Скотта, — объяснил он. — До Пушкина русские не были настоящей нацией и жили не в своей стране,

---

[16] Критические: 2.16

Почти все, кто побывал в Одессе, видели громадную лестницу, спускающуюся с высокого берега к гавани. Гранитная лестница в Западном парке Глазго, построенная в 1854 г. и обошедшаяся в 10 000 фунтов, столь же велика и красива, но, к сожалению, находится в малопосещаемой части парка. Если бы ее соорудили ближе к центральному спуску с Парковых террас, она оказалась бы напротив университета Глазго, по другую сторону узкой ложбины, и смотрелась бы куда выигрышнее.

а в некой административной единице. Наша аристократия изъяснялась по-французски, наше чиновничество состояло из пруссаков, а истинных русских — то есть крестьян — презирали и власти, и чиновничество. Потом явился Пушкин, который услышал народные сказки от своей няни, простой крестьянки. Его стихи и проза наделили нас гордостью за свой язык и сознанием нашего трагического прошлого, диковинного настоящего и неведомого будущего. Он сделал Россию состоянием души, вызвал ее к жизни. После него у нас был Гоголь, равный вашему Диккенсу, у нас есть Тургенев, который выше, чем ваша Джордж Элиот, и Толстой, равный вашему Шекспиру. Но Шекспир-то у вас был за века до Вальтера Скотта.

С тех пор как мисс Мактавиш сбежала от моих объятий в Сан-Франциско, я не слышала столько писательских фамилий, втиснутых в одну фразу, и ведь никого из них я не читала! Чтобы он не счел Белл Бакстер полной невеждой, я сказала, что до Скотта жил великий шотландский поэт Бёрнс, а Шекспир, Диккенс и прочие были англичане; однако он не смог понять разницу между Шотландией и Англией, хотя в других вопросах он очень проницателен. Я также сказала, что большинство

считает романы и стихи досужими безделками — не слишком ли серьезно он к ним относится?

— Люди, которым безразличны предания и песни своего народа, — ответил он, — это люди без прошлого, без памяти, это полулюди.

Вообрази, что я в этот миг почувствовала! Но может быть, я, как Россия, теперь наверстываю упущенное время.

Это был тот самый незнакомец, который заговорил со мной в игорном доме, когда вокруг Парня гудела толпа. Это маленький опрятный человек вроде Свечки, но (не могу объяснить точнее) более смиренный, чем Свечка, и в то же время более гордый. По его одежде я поняла, что он беден, по лицу — что умен. Я почувствовала, что он милый человек, хоть, может быть, и не такой паркий, и обрадовалась. После разговора с полицией в Лондоне ко мне никто, кроме Парринга, не обращался. Я сказала:

— Ваш вид внушает интерес! О чем вы хотите со мной говорить?

Он просветлел и, как мне показалось, в свой черед удивился. Он спросил:

— Вы, должно быть, знатная дама — дочь английского лорда или барона?

— Нет. Почему вы так думаете?

— Вы говорите, как говорят знатные дамы в России. Они тоже сразу выкладывают, что думают, не глядя на условности. Раз вы такая, я сразу перейду к делу и не буду представляться — скажу только, что я закоренелый игрок, человек весьма незначительный, и хочу дать вам совет, который не будет стоить мне ни гроша, но вас, быть может, спасет от ужасного краха.

Интригующе. Я сказала:

— Продолжайте.

— Этот англичанин, которому так везет, он ведь ваш... — Он скосил взгляд на мою левую руку в поисках обручального кольца. Я ответила:

— Мы пара.

Я слегка ввела его в заблуждение, потому что в большинстве своем люди считают, что пара — это и есть муж и жена, но мне не хотелось пускаться в сложные объяснения. Он спросил:

— Ваш муж никогда прежде не играл в рулетку?

— Никогда.

— Вот почему он играет по такой строгой системе. Эта система — самая очевидная на свете, любой думающий игрок открывает ее, едва начав делать ставки, и в тот же день отбрасывает. Но сегодня вашего мужа преследует неимоверная

удача — или неудача, смотря по дальнейшему. Ход игры волею чистого случая вновь и вновь укладывается в его детскую систему! Поразительно! Такое происходит крайне редко, а когда происходит, то обычно с новичком, который (простите меня, обыкновенной англичанке я не мог бы этого сказать) очень сильно влюблен и поэтому ведет себя самоувереннее или отчаяннее прочих. Да, любовь и деньги раз в жизни могут соединиться и поманить нас. Подобное случилось и со мной. Я выиграл состояние, но потерял любимую, а потом, разумеется, и состояние тоже, ибо лихорадка азарта вошла в мою кровь. В итоге я стал тем, кто я есть, — пропащим существом, неудачником. Если вы не уговорите мужа уехать из этого дьявольского городишка, он завтра снова придет в игорный дом, спустит то, что выиграл, и потеряет все остальное в попытке отыграться. Доходы муниципалитета зависят исключительно от игорных домов, и поэтому здешние банки располагают самыми современными средствами для быстрого превращения собственности в наличные деньги на совершенно грабительских условиях. На моих глазах одна графиня — женщина под восемьдесят, но сохранившая здравый смысл и остроту ума, — на моих

глазах она попалась на удочку первоначального везенья и опомнилась, лишь проиграв все, кроме разве что жизней своих слуг.

Мне захотелось расцеловать этого маленького иностранца за разумные речи и за добро, которое он хотел сделать. Но я только вздохнула и объяснила ему, что, увы, мой бедный Парень меня не послушается, боясь почувствовать себя слабым. Я добавила:

— Но посторонний — это другое дело. Пожалуйста, повторите ему то, что сказали мне. Вот он идет.

Парень, внезапно увидев, что я говорю с незнакомым человеком, растолкал толпу и двинулся к нам; волосы у него торчали во все стороны, как щетина из старой щетки. Лицо было уже не белое, а синее, глаза налились кровью. Рядом семенил лакей в ливрее, неся портфель с выигрышем.

— Данкан, — сказала я, — выслушай, пожалуйста, этого господина. Он тебе хочет сказать важную вещь.

Данкан стоял очень прямо, скрестив руки на груди, и смотрел на моего нового друга сверху вниз. Едва незнакомец произнес несколько фраз, как Парень резко спросил:

— Зачем вы мне все это говорите?

— Увидев двоих детей, устроивших пикник на рельсах, я, естественно, должен предупредить их об опасности; если вам этого мало, могу назвать более личную причину. Друг-англичанин (мистер Астли из известной лондонской фирмы «Ловел и К°») однажды оказал мне услугу, за которую мне до сих пор не удалось расплатиться. Будучи в долгу перед англичанами, я хочу, хотя бы частично, сквитаться через вас.

— Я шотландец, — произнес Парринг, глядя на меня, и в его взгляде мне почудилась мольба.

— Для меня это несущественно, — сказал мой новый друг. — Мистер Астли — двоюродный брат лорда Пиброка.

— Нам пора уходить, Белл, — сказал Парень бесцветным тоном, и я поняла, что, скрестив на груди руки, он пытается унять дрожь. Бессонница и возбуждение изнурили его так, что он мало что слышал и видел; вся его сила и выдержка уходили на то, чтобы стоять прямо и не нести вздора. Я не стала его отчитывать за невежливость и просунула руку ему под локоть; он притиснул ее.

— Моему несчастному сейчас нужен отдых, но я запомню ваши слова. Большое вам спасибо. Спокойной ночи, — сказала я.

Когда мы в сопровождении лакея шли к выходу,

я увидела, что Парринг спит на ходу, как бывало со мной.

В вестибюле я ущипнула его, чтобы он проснулся и назвал мне наш отель. Придя в себя, он пробормотал, что ему нужно в уборную, и проковылял туда вместе с лакеем, который нес его выигрыш, — он ни на секунду не хотел выпускать деньги из поля зрения. Мгновение спустя мой новый друг уже был рядом со мной, он заговорил так быстро и тихо, что мне пришлось наклонить к нему голову.

— Ваш муж слишком потрясен, чтобы сегодня вечером считать деньги. Возьмите и сохраните сколько будет возможно без его ведома. Это не кража. Если он вновь примется играть, только это и позволит вам уехать отсюда с достоинством.

Я кивнула, подала ему обе руки и сказала, что хочу в свой черед как-нибудь ему помочь. Он густо покраснел, улыбнулся, сказал: «Слишком поздно!», поклонился и ушел.

Вскоре вернулся Парень — теперь он выглядел опрятней. Цвет лица у него был такой же жуткий, но дрожь и слабость исчезли. Я поняла, что он принял таблетку против летаргии и нам предстоит еще одна паркая ночь. Когда он по-хо-

зяйски схватил меня за руку я подумала: «Бедный, на сколько еще его хватит?»

У двери некий весьма представительный господин сказал:

— Gute Nacht, mein Herr!{8} *Льщу себя надеждой, что мы и завтра вас увидим.*

— Конечно, — ответил Парень с мрачной усмешкой, — если только ваша золотая жила не иссякла.

— Не меня обыграли вы, а ваших собратьев-игроков, — сказал господин дружелюбно, и я поняла, что это владелец игорного дома.

Выйдя наружу, я увидела, что игорный дом, наш отель, банк и железнодорожный вокзал находятся на одной площади, так что идти нам недалеко. У двери номера Парень вырвал у лакея портфель, захлопнул дверь у него перед носом, даже не поблагодарив и не дав на чай, кинулся к нашей постели (она была огромная, с пологом) и опорожнил на нее портфель со звоном монет и треском лопающихся свертков. Он побросал клочки бумаги на пол и начал рвать другие свертки, высыпая из них деньги, — ему не терпелось горой свалить все золото на шелковом покры-

---

{8} Примечания переводчика: 1.8
Спокойной ночи, сударь! (*нем.*).

вале. Я поняла, что прежде, чем считать свои богатства, он хочет всласть в них побарахтаться, как малыш Робби Мердок в грязной луже. Это могло затянуться на всю ночь. Мне нужно было его как-нибудь отвлечь.

— Тут я пропущу две страницы, — сказал Бакстер. — Они бросают яркий свет на ту область, где смыкаются анатомия и психология, но твоя будущая жена еще научит тебя всему этому в жизни, так что к чему опережать события? В невинных и точных словах Белл рассказывает, как она на несколько часов отвлекла Парринга от его детской одержимости золотом и погрузила в глубокий, естественный сон на ковре из медвежьей шкуры. Она пишет о том, как взяла из груды монет на кровати и припрятала четыреста фридрихсдоров, пропажи которых он не заметил, когда проснулся и стал считать деньги, аккуратно раскладывая их по кучкам. Продолжу с этого места.

— Сегодня все это умножится десятикратно или стократно, — сказал он с плотоядной улыбкой. Я обозвала его дураком.

— Белла! — воскликнул он. — Вчера весь вечер меня умоляли прекратить, пока мне еще везет.

Я играл до самого конца и выиграл, потому что на моей стороне было вовсе не везенье, а РАЗУМ. Уж ты-то хотя бы должна в меня верить, ведь перед Богом ты моя законная пара!

— Я могу уйти от тебя, когда пожелаю, и Бог ничего не будет иметь против, — сказала я, — а в этот игорный дом я больше ни ногой. Могу поспорить, что ты потеряешь все, если опять пойдешь играть, — все до последнего гроша.

— На что будем спорить? — спросил он со странным видом. Я улыбнулась — мне в голову пришла замечательная мысль. Я сказала:

— Дай мне из этих денег пятьсот монет. Если ты вернешься богаче, чем сейчас, я тебе их отдам и выйду за тебя замуж. Если все проиграешь, они нам пригодятся, чтобы уехать.

Он поцеловал меня со слезами на глазах и сказал, что сегодня счастливейший день в его жизни, потому что он получит все, о чем мечтал. Я расплакалась из жалости к нему — что я могла для него сделать? Потом он отсчитал мне пять сотен, мы позавтракали, и он ушел. Я распорядилась, чтобы обед мне принесли в номер, поднялась к себе и легла спать.

Как приятно, Бог, проснуться в одиночестве, принять ванну и одеться в одиночестве, поесть в

одиночестве. Свечка, когда мы поженимся, нам надо будет часть времени проводить врозь, чтобы не приедаться друг другу. После обеда я вышла пройтись в сквер, что посреди площади, в надежде увидеть моего нового друга — и действительно увидела его вдалеке. Я помахала ему зонтиком. С разных сторон мы подошли к свободной скамейке и сели на нее. Он осторожно осведомился:

— Взяли?

Я улыбнулась, кивнула и спросила:

— Ну как у него дела?

— Он начал спозаранку и спустил все за час. Мы все были потрясены его необычайным хладнокровием. С тех пор, по слухам, он дважды побывал в банке и четыре раза на телеграфе. Великобритания располагает самым крупным и оживленным на свете денежным рынком. Через час-другой он, видимо, придет опять и проиграет еще столько же, если не больше.

— Поговорим о более радостном, — сказала я. — Вы что-нибудь такое знаете?

— Ну например, — сказал он с горькой усмешкой, — мы могли бы поговорить о светлом будущем человечества через сто лет, когда наука, торговля и демократическое братство победят болезни, войну и нищету, когда все будут

жить в гигиенических домах-башнях с бесплатной лечебницей и хорошим дантистом-немцем в подвальном этаже. Но мне в таком будущем места не найдется. Если бы Бог пожелал внять моим мольбам (а может быть, он им внял уже), он сделал бы меня опозоренным учителем — безработным лакеем — любящим сыном России, который предпочитает беседу с решительной шотландкой в немецком общественном сквере борьбе за обновление родины. Не ахти как много, но с меня довольно, и это лучше, чем быть, скажем, клопом. Хотя, конечно, и у клопов есть свой неповторимый взгляд на мир[17].

Так что мы поговорили о том, чего человек больше всего желает, о свободе, о душе, о русской литературе, о его нелюбви к полякам, которые хотят, чтобы с ними обходились как с господами, хотя они еще беднее, чем он, о его нелюбви к французам, у которых есть форма без содержания и которые поддерживают поляков, о его любви к англичанам, возникшей благодаря мистеру Астли, о том, как он был un outchitel — учитель

---

[17] Критические: 2.17

Сказанное русским игроком, начиная со слов *«Ну, например»* и кончая словами *«и у клопов есть свой неповторимый взгляд на мир»*, означает, что он весь погружен в прозу Федора Достоевского. Белла не могла этого знать, ибо великий писатель умер только годом раньше (в 1881 г.) и не был еще переведен на английский язык.

у детей богатого генерала, — и о печальных событиях, сделавших его игроком. Я была так тронута его искренностью, что немного рассказала ему о своих тяготах с Парнем. Поразмыслив, он посоветовал мне отправиться с ним в круиз по Средиземному морю, где он сможет набраться сил для возвращения домой. Только не надо садиться на пассажирское судно — лучше всего грузовое с каютами для пассажиров.

— На таком пароходе негде ввязаться в азартную игру, и окружение к этому не располагает, — объяснил он. — Если он так сильно нуждается в отдыхе, как вы говорите, ему лучше подойдет русское судно, чем английское или… шотландское, — там меньше будет кривотолков и назойливого любопытства.

В благодарность за совет я поцеловала его на прощанье. Кажется, поцелуй его приободрил.

Об остальном — коротко. Парень возвращается в отель без гроша, шекспировские страсти, быть или не быть и все такое прочее. Я говорю, что пять сотен, которые он мне проспорил, позволят нам назавтра продолжить путешествие и что я их ему возвращаю. На другой день он платит за отель, мы идем на вокзал, он покупает билеты в Швейцарию. До отхода поезда остается

полчаса, он усаживает меня с багажом в зале ожидания для дам и говорит, что пойдет выкурить сигару. И конечно же, бегом в игорный дом сделать последнюю ставку и отыграться, там спускает все деньги и кидается ко мне, завывая, как Гамлет над гробом Офелии. Я вижу, что единственный способ его утихомирить — немножко ему подыграть, поддать жару, как говорят в театре. Я делаю из лица скорбную маску и глухим безжизненным голосом простанываю:

— Нет денег? Так я раздобуду нам денег.

— Как? Как?

— Не спрашивай. Жди здесь. Меня не будет два часа. Мы поедем на следующем поезде.

Выхожу и отыскиваю кафе, где с наслаждением выпиваю четыре чашки восхитительного шоколада и съедаю восемь венских пирожных. К отправлению поезда с трагическим видом возвращаюсь. Вагон переполнен. Парень пробует начать шепотом объяснение, но безуспешно — я сплю с открытыми глазами. В последующие четыре дня на все его вопросы до единого, даже когда он умоляет меня сказать, куда мы едем, я отвечаю: «Не спрашивай!» Мое мрачное лицо и глухой голос причиняют ему невыразимые душевные муки, которые дают бедняге занятие на то время,

когда он не дрожит всем телом и его не бросает из жара в холод, — запас таблеток от летаргии у него иссяк, и он по ним томится. Пить их дальше было бы убийственно! К счастью, ему так худо, что он не может никуда идти, если я не веду его под руку. Он так слаб, что я без опаски оставляю его в гостиничном номере, пока хожу по делам. В Триесте я заказываю в бюро путешествий места именно на таком пароходе, о каком говорил outchitel. Название его я не могу точно выписать, ведь русская грамота для меня что китайская, но звучит оно примерно как «суитест лав» — «нежнейшая любовь».

Мы направляемся к порту по широкой, но угрюмой улице (идет дождь), и вдруг он резко останавливается у табачной лавки и говорит с таким отчаянием в голосе, какого я раньше у него не слыхала:

— Белла, скажи мне правду! У нас будет долгое путешествие на пароходе?

— Да.

— Прошу тебя, Белла! — и он падает на колени прямо в сточную канаву, по которой струится вода. — Прошу тебя, дай мне денег купить сигар! Прошу тебя! У меня все вышли.

Я вижу, что настало время снять трагическую

маску.

— Мой бедный невозможный Парень, — говорю я, ласково его поднимая, — ты получишь все сигары, какие только пожелаешь. У меня есть на них деньги.

— Белла, — шепчет он, придвигая свое лицо к моему, — я знаю, откуда у тебя эти деньги. Ты продалась этому грязному русскому игрочишке, который пытался тебя соблазнить в день моего блестящего успеха.

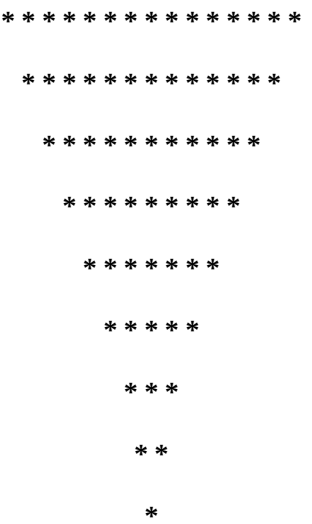
— Не спрашивай.

— Да, ты сделала это для меня. Зачем, Белла? Я гнусная скотина, навозник, куча дерьма. Ты Венера, Магдалина, Минерва и Богоматерь Скорбящая в одном лице — как тебе не противно ко мне прикасаться?

Через несколько минут, однако, он уже попыхивал сигарой как ни в чем не бывало.

Вот как мы оказались на русском торговом судне, направлявшемся в Одессу. Здесь мы стоим три дня, пока в трюм грузят сахарную свеклу, которую в изобилии выращивают в этих краях. Парень больше меня не ревнует. Он спокойно отпускает меня на берег одну, только просит вернуться поскорее. Я наконец довела письмо до нынешнего дня, так что на этот раз, наверно,

выполню его просьбу.



15. Одесса — Александрия: *миссионеры*

Я привыкла думать, что мир очень велик, но вчера мне пришлось в этом усомниться. Утро вновь выдалось чудесное. Наш пароход должен был покинуть Одессу в полдень. Мы с Парнем сидели в единственном месте, куда мне удается его вывести, — в укромном уголке между двумя вентиляционными люками. Он читал французскую Библию, потому что все прочие книги в пассажирском салоне — русские. К счастью, он знает французский, так что теперь не выпускает книгу из рук. Некоторые места перечитывает снова и снова, потом долго смотрит в пустоту, хмурится и бормочет: «Понятно. Понятно». Я читала не то «Панч», не то «Лондон шаривари» — английский журнал искусств и анекдотов. Картинки там изображали разнообразных людей. Самые смешные и уродливые — шотландцы, ирландцы, иностранные путешественники, бедняки, слуги, богачи из тех, что недавно были бедняками, малорослые люди, пожилые незамужние женщины и социалисты. Социалисты были безобразней всех

— грязные, волосатые, с безвольными подбородками, они только и делали, что докучали людям своими жалобами на всех перекрестках.

— Данкан, а кто такие социалисты? — спросила я.

— Дураки, которые считают, что мир надо усовершенствовать.

— Зачем? В нем что-то испорчено?

— В нем испорчены сами социалисты — да еще моя жизнь испорчена дьявольским невезеньем.

— Ты говорил, что везенье — лишь жалкое слово.

— Не мучь меня, Белл.

Он всегда так говорит, когда хочет, чтобы я замолчала. Я посмотрела на чаек, круживших в синем небе, по которому плыли большие облака. Обвела взглядом огромную гавань, полную кораблей с разноцветными флагами, трубами, мачтами и парусами. Взглянула на залитую солнцем пристань с кранами, тюками, снующими туда-сюда мускулистыми грузчиками и офицерами в форме. Принялась размышлять, как бы все это усовершенствовать, но мир вокруг и так был как будто в порядке. Я опять полистала «Панч» и стала думать, почему на картинках хорошо одетые англичане, если только они не

вчера разбогатели, всегда красивей прочих и не так смешны. Эти мысли прервались, когда я услышала громкие возгласы и стук подков. На пристань, кренясь на повороте, вылетел странный экипаж, запряженный тройкой скакунов, и резко встал у наших сходней. Из экипажа вышел в точности такой же хорошо одетый, красивый человек, как те, в «Панче». Когда он прошел на борт мимо русских матросов и офицеров, я едва не расхохоталась в голос — его негнущаяся фигура, неподвижное лицо, блестящий цилиндр и элегантный фрак были до смешного английские.

Белл Бакстер нравится знакомиться с новыми людьми. Парень сейчас ест только в каюте, так что вчера вечером я повязала моему бедняге на шею чистую салфетку усадила его с подносом, а сама пошла в столовую. На корабле меня уже все знают, и пассажиров, говорящих по-английски, всегда сажают за мой стол. На этот раз таких оказалось только двое. Оба взошли на борт в Одессе. Первый — доктор Хукер, дородный американец с обветренным лицом; второй — тот самый истый англичанин, мистер Астли! Сильно взволновавшись, я спросила:

— Вы работаете в лондонской фирме «Ловел и К°»?

— Я там в совете директоров.

— Вы приходитесь двоюродным братом лорду Пиброку?

— Да.

— Удивительно! Я подружилась с одним вашим близким другом, милым маленьким русским игроком, который шатается по немецким игорным домам в страшной нужде — он даже в тюрьме сидел, хотя и без особой вины. Самое странное, что я так и не знаю его имени; но вас он считает своим лучшим другом, потому что вы были к нему очень добры.

После долгой паузы мистер Астли медленно произнес:

— Не могу назвать своим другом лицо, которое вы описали.

Он взялся за ложку, и то же самое сделала озадаченная Белл Бакстер. Ужин мог бы пройти в полном молчании, если бы доктор Хукер не принялся развлекать меня историями из своей миссионерской жизни в Китае. Под конец мистер Астли, задумчиво помешивая кофе, сказал:

— Так или иначе, я знаю человека, о котором вы говорили. Моя жена русская, дочь русского генерала. Однажды я оказал некую помощь слуге ее отца — гувернеру, который смотрел за млад-

шими детьми. С тех пор прошли уже годы.

Я сказала с укором:

— Он хорошая мудрая благородная душа! Он сделал для меня доброе дело без всякой выгоды для себя, он любит всех англичан благодаря вам!

— А...

Я не разозлилась бы так, если бы он сказал «Ого!» или «Э?», но этим «А...» он давал понять, что знает больше, чем кто угодно на свете, знает столько, что разговаривать бесполезно. Outchitel назвал его застенчивым. Я думаю, он просто глуп и холоден. Я с облегчением поспешила к моему горячему-горячему Парню, которого можно так раскрутить, что он отдаст тебе все надежное тепло, в котором нуждается женщина. Но ты не унывай, Свечка. Твоя булавка по-прежнему поблескивает у Белл в лацкане дорожного жакета.

* * * * * * * * * * * * * * *

В отличие от мистера Астли, доктор Х., похоже, всегда рад меня видеть. Он доктор не только богословия, но и медицины, и сегодня я попросила его осмотреть Парня, который все еще ведет себя как больной, хотя уже не так бледен и не дрожит. Во время осмотра я стояла за дверью каюты, но достаточно близко, чтобы слышать

добродушный раскатистый бас доктора Х., прерываемый ответами-выпадами Парня (так мне показалось); под конец он начал кричать. Выйдя из каюты, доктор Х. сказал, что болезнь Парня — не телесного свойства.

— Мы разошлись во взглядах на искупление, — объяснил он, — и на неотвратимость адских мук; он счел мои суждения недопустимо либеральными. Но корень его бед не в религии. С ее помощью он пытается отвлечься от крайне болезненного воспоминания из недавнего прошлого — воспоминания, о котором он отказывается говорить. Вы не знаете, что это такое?

Я сказала, что бедняга опростоволосился в немецком игорном доме.

— Если дело только в этом, — сказал доктор Х., — пусть себе хандрит сколько хочет. Обращайтесь с ним нежно, но не губите вашу цветущую молодость, отказываясь от приятного времяпрепровождения в обществе. Вы играете в шашки? Нет? Позвольте мне вас научить.

Превосходный человек

* * * * * * * * * * * * * * *

Милый Бог, мы опять проплываем Греческие острова, где Байрон, пламенея, пел, и я очень рада,

что груди жен там больше не вскармливают рабов[{9}]*, а у меня сейчас был великолепный завтрак, за которым доктор Х. и мистер А. затеяли грандиозный спор, и начал его мистер Астли! Мы были ошеломлены. В последние два дня я слышала от него только «Доброе утро», «Добрый день» и «Добрый вечер», так что мы с доктором привыкли уже болтать между собой, как будто его нет на свете. Но сегодня утром, когда мой американский друг объяснял мне, что черепу китайца меньше, чем у европейца, почему ему и трудно бывает выучить английский, вдруг:*

— А вам легко было выучить китайский, доктор Хукер? — спросил мистер Астли.

— Сэр, — ответил, повернувшись к нему, доктор Х., — я жил в Китае не для того, чтобы учить язык Конфуция и Лао-цзы. Я пятнадцать лет служил в Федерации американских библейских обществ, которая, при поддержке нашей Торговой палаты и правительства Соединенных Штатов, поручила мне наставлять уроженцев Пекина в языке и вере христианской Библии. Примитивный жаргон беднейших кули (вы называете его пиджин-инглиш) я нашел более подходящим

{9} Примечания переводчика: 1.9

Парафраз известных строк из поэмы Байрона «Дон Жуан» (песнь 3, строфа 86).

для этой цели, чем премудрости мандаринского наречия.

Мистер Астли мягко сказал:

— Испанцы, которые первыми колонизовали ваш континент, языком христианской веры и Библии считали латынь.

— Ту ветвь религии, которой я учу других и пытаюсь следовать сам, — возразил доктор Х., — Моисей и Иисус проповедовали задолго до того, как римские императоры использовали и извратили ее ради суетного блеска земного царствования.

— А...

— Мистер Астли, сэр! — сказал доктор Х. строго. — Простым вопросом и косвенным замечанием вы исторгли у меня исповедание веры. Позвольте мне попросить у вас того же. Приняли ли вы в свое сердце Иисуса как вашего личного Спасителя? Или вы католик? Или поддерживаете государственную англиканскую церковь, где папой — королева Виктория?

— Когда я в Англии, — медленно ответил мистер Астли, — я поддерживаю англиканскую церковь. Благодаря ей Англия остается стабильной. По той же причине в Шотландии я поддерживаю шотландскую церковь, в Индии

— индуизм, в Египте — магометанство. Британия не правила бы четвертью земного шара, не будь мы терпимы к местным религиям. Если бы наше правительство сделало католицизм официальной религией Ирландии, оно бы легко управляло этой непокорной колонией с помощью папских священников, хотя, конечно, ольстерцам пришлось бы выделить угол.

— Вы хуже, чем атеист, мистер Астли, — сказал доктор Х. суровым тоном. — Атеист, по крайней мере, твердо знает, во что он не верит. Для вас же просто нет ничего твердого и незыблемого. Вы беспринципный человек — человек без веры.

— Не то чтобы совсем без веры, — промолвил мистер Астли. — Я мальтузианец и верую в евангелие от Мальтуса.

— Я полагал, что Мальтус — это англиканский священник, который спятил на почве роста народонаселения. Вы хотите сказать, что он основал новую религию?

— Нет, новую веру. Для религии нужны конгрегации, священники, молитвы, гимны, особые здания, догматы, ритуалы. Моя ветвь мальтузианства во всем этом не нуждается.

— Ваша ветвь, мистер Астли? Их, выходит,

много?

— Да. Всякая система доказывает свою силу, подразделяясь, — взять, например, христианство.

— Укол! — воскликнул доктор Х. со смехом. — С вами приятно скрестить шпаги. А теперь, сэр, расскажите о вашей разновидности мальтузианства. Обратите меня!

— Оставайтесь лучше как вы есть, доктор Хукер. Моя вера не сулит никакого утешения бедным, больным, жертвам несправедливости и умирающим. И у меня нет никакого желания ее распространять.

— Вера без надежды и милосердия? — вскричал доктор Х. — Так отбросьте же ее, мистер Астли, она явно заморозила у вас в жилах всю кровь! Гоните ее вон. Привяжите к ней камень и — за борт. Обретите веру, которая согревает нам сердце, привязывает нас к ближнему и открывает перед нами блаженное будущее.

— Не люблю опьяняющих напитков. Уж лучше горькая правда.

— Мистер Астли, вы, я вижу, одна из тех печальных современных душ, которым материальный мир кажется жестокой машиной, перемалывающей чувствительные сердца и зрячие умы. А

не приходило ли вам в голову, что вы можете ошибаться — да, ошибаться, клянусь Богом! Наша чудесно многообразная Вселенная не могла бы взрастить сердца и головы, подобные нашим, если бы Творец всего сущего не предназначил их для этой планеты, не предназначил планету для них и все для Себя!

— Ваш взгляд на мир как на место, где Бог взращивает человеческие овощи для своего личного потребления, мог бы прельстить садовника, доктор Хукер, — сказал мистер Астли, — но не меня. Я человек деловой. А вы, миссис Парринг, во что-нибудь верите?

— Это вы насчет Бога, я правильно поняла? — спросила я, польщенная тем, что он ко мне обратился.

— Правильно, миссис Парринг! — воскликнул доктор Х. — Большинство людей это понимает правильно, в отличие от мистера Астли. Но даже и он дитя Господа, хоть сам себя таковым не признаёт, — а уж вы-то и подавно Его дитя. Вера, надежда и милосердие, сияющие в ваших ясных глазах, не оставляют в этом сомнений. Скажите нам, прошу вас, миссис Парринг, как вы разумеете Отца нашего небесного?

С тех пор как мы болтали с outchitel в немец-

ком сквере, у меня не было случая поговорить о громадных больших обычных странных вещах, потому что Парня такие разговоры мучат. И вот теперь эти двое умных мужчин хотят услышать от меня обо ВСЕМ! Слова полились потоком.

— Все, что я знаю об этом боге, — сказала я, — я услышала от моего собственного Бога — моего опекуна Боглоу Бакстера. Он говорит, что бог — удобное название для всего и вся: ваш цилиндр и ваши мечты, мистер Астли, небо ботинки Зеленый берег Лох-Ломонд борщ я расплавленная лава время идеи коклюш блаженство парьбы мой белый кролик Флопси и клетка, где он живет, — что угодно из словарей и книг, какие есть и какие будут, добавляет свое к богу. Но самое лучшее в боге — это движение, оно взбалтывает мир и делает из старого новое. Движение превращает дохлую собаку в червей и маргаритки, муку масло сахар яйцо и столовую ложку молока в печенье «абернети»[18]*, сперматозоид и яйцеклетку в крохотную растениерыбку, из которой получится младенчик, если мы не позаботимся, чтобы этого не*

---

[18] Критические: 2.18

Как явствует из книги «Шотландская кухня» (Мариан Макнил, изд-во «Блэкки и сын», Бишопбриггс, 1929 г.), в этом рецепте пропущены два важных ингредиента — ½ чайной ложки соды и умеренное количество тепла.

было. Но движение и боль причиняет, когда твердое тело бьет по живому и мягкому или живые бьют друг друга, и чтобы нас не убило до смерти, пока мы сами не износились от времени, у нас развились создались появились выросли созрели глаза и мозг, которыми мы видим предвидим удары, чтобы от них уклоняться. И как великолепно крутится вся эта божья круговерть! Три дня назад я задумалась, как усовершенствовать одесский порт, и не смогла ничего выдумать. Я знаю, что не всегда было так. Я читала «Последние дни Помпей», и «Хижину дяди Тома», и «Грозовой перевал» и понимаю, что история полна всяких гадостей, но история прошла, и сегодня уже люди не обращаются друг с другом жестоко, только иногда делают глупости в игорных домах. В «Пенче» пишут, что без работы сидят одни лентяи, так что самым бедным, должно быть, нравится быть бедными. И у них есть то утешение, что другие смеются, на них глядя. Я знаю, конечно, что иногда случаются всякие несчастья, но ведь жизнь продолжается. Мои родители погибли в катастрофе на железной дороге, но я их совсем не помню и даже не плачу о них почти никогда. Они, наверно, уже были старые, им и так-то немного оставалось жить. Еще мне говорили,

что я где-то в другом месте лишилась ребенка, но я знаю, что о моей маленькой дочке есть кому позаботиться. Мой опекун даром лечит больных собак и кошек, так что о потерянной девочке уж точно можно не волноваться. Какую же горькую правду вы имели в виду, мистер Астли?

Пока я говорила, произошло нечто странное. Оба мужчины смотрели мне в глаза все жестче жестче жестче, но мистер Астли при этом клонился ко мне все ближе, а доктор Х. отклонялся все дальше. Когда я кончила, мистер Астли ничего не сказал, а доктор Х. проговорил тихим голосом:

— Дитя мое, неужели вы никогда не читали святую Господню Библию?

— Я не ваше и ничье дитя! — возразила я запальчиво, но затем, конечно, мне пришлось рассказать им про потерю памяти. После этого доктор Х. сказал:

— Но ди... миссис Парринг, ваш муж производит впечатление ревностного христианина. И что же, он не дал вам никакого религиозного наставления?

Я ответила, что из бедного Парня и слова не вытянешь с тех пор, как он ударился в религию. Доктор Х. молча глядел на меня, пока наконец

мистер Астли не спросил странным голосом:

— Доктор Хукер, вы намеревались просветить миссис Парринг по части доктрины первородного греха и вечного воздаяния за мирское зло?

— Нет, сэр, — коротко ответил доктор Хукер.

— Миссис Парринг, — сказал мистер Астли, — никто из нас не возражает против того, как представляет себе Вселенную ваш опекун. Горькая правда, о которой я говорил, имеет чисто статистическую природу — это элемент политической экономии. Я пошутил, когда назвал ее верой, — я сказал это в пику доктору Хукеру. Я флегматик, и меня взбесила его американская жизнерадостность. Но мы оба рады, что вы находите мир хорошим и приятным местом.

— Вашу руку, — сказал доктор Х. кротко и подал свою, которую мистер Астли немедленно пожал.

— Хорошо, что у вас теперь дружба, — промолвила я, — но я чувствую, что вы сообща что-то от меня скрываете, и намерена выяснить, что это такое. Выйдем теперь на палубу?

Мы пошли прогуляться по палубе. Утро чудесное. Скоро мы с Парнем будем обедать в нашей каюте, потом — миловаться. Интересно, о чем доктор Х. и мистер А. будут говорить за ужи-

ном?

* * * * * * * * * * * * * * *

— Что привело вас в Одессу, Астли?

— Сахарная свекла, доктор Хукер. Моя фирма занимается выработкой и продажей тростникового сахара, но немецкий свекольный сахар может стать дешевле нашего, если мы не примем мер. Британские фермеры сахарную свеклу выращивать не хотят — другие корнеплоды дают им больший доход. Чтобы конкурировать с немцами, нам нужна сахарная свекла от фермеров, работающих за азиатское, а не европейское жалованье, — вот почему я был в России. Нам еще нужен порт, связанный с международными морскими путями, — вот почему я был в Одессе.

— Итак, британский лев налаживает торговые связи с русским медведем?

— Пока этого нельзя сказать, доктор Хукер. Русские предлагают нам место и рабочую силу для постройки сахарного завода на очень выгодных условиях, но почва и климат, возможно, не самые лучшие для сахарной свеклы. А вас что привело в Одессу? Что, ваша Федерация библейских обществ решила бороться за души русских православных?

— Да нет. Я, по правде сказать, уже оставил миссионерскую службу. Я приехал в Китай пятнадцать лет назад прямым рейсом через Тихий океан. Теперь держу путь домой, в Край Свободы, самым приятным и самым кружным путем, какой только мог выбрать.

— Сиам, Индия, Афганистан?

— Не совсем.

— Дороги Внешней Монголии, Туркестана и Сибири — тоже не прогулочные аллеи, доктор Хукер. На большей части пути вам нужен был вооруженный эскорт. Кто же его оплачивал — правительство Соединенных Штатов или Американская торговая палата?

— Вы проницательный и опасный человек, Астли! — сказал доктор Хукер, хихикнув. — Легче сладить с десятью коварными восточными деспотами, чем с одним англичанином вроде вас. Да, некоторые дальновидные американские граждане попросили меня подготовить отчет об определенных аспектах жизни Центральной Азии — самого большого в мире резервуара неоприходованного язычества. Можно ли нас за это упрекать? Британия уже заграбастала всю остальную планету. Не далее как два года назад вы хапнули Египет у французов — и у египтян.

— Нам нужен был их канал. Мы им за него заплатили.

— И вы бомбили Александрию, следующий порт нашего следования.

— Они вооружались против нас, и нам нужен был их канал.

— А теперь британские войска сражаются с дервишами в Судане.

— Мы не можем терпеть религии, которые подталкивают коренных жителей к самоуправлению. Самоуправление препятствовало бы торговле и пользованию каналам.

Тут вступила Белл Бакстер:

— Кто такие коренные жители, мистер Астли?

До сих пор я помалкивала, надеясь набраться ума-разума, но «конкурировать», «отчет об аспектах», «неоприходованное язычество», «заграбастала всю планету», «хапнули Египет», «самоуправление» — все это было мне непонятно. Слова «коренные жители» как будто обозначали людей.

— Коренные жители, — сказал мистер Астли, тщательно подбирая слова, — это люди, которые живут на той земле, где они родились, и не хотят ее покидать. Немногих англичан можно

назвать коренными жителями, потому что мы испытываем романтическое влечение к землям других народов, хотя все чрезвычайно преданы своему полку, своей фирме, школе, где учились, и школьным друзьям. Иные даже преданы королеве — этой самовлюбленной старой даме.

— Так что, в Британии нет коренных жителей?

— В Уэльсе, Ирландии и Шотландии они еще есть. В Англии, конечно, сохранился слой фермеров и сельскохозяйственных рабочих, но землевладельцы и горожане смотрят на них как на полезных животных вроде лошадей и собак.

— Но почему британские солдаты сражаются с египетскими коренными жителями? Я не вижу в этом смысла.

— Я очень рад, что вы не видите в этом смысла, миссис Парринг. Политика — дело такое же грязное, как опорожнение выгребных ям, и женщины должны быть от нее в стороне. Поговорим о более чистых вещах, доктор Хукер.

— Поосторожней, Астли! — сказал доктор Хукер жестко. — У нас в Штатах мы высоко ценим ум и образованность прекрасного пола. Я готов в немногих словах обрисовать для миссис Парринг состояние политики на планете Земля, нимало

не оскорбив ни ее женских, ни ваших патриотических чувств. Могу я начать?

— Если это интересно миссис Парринг и если она позволит мне дополнить кофе сигарой — начинайте, мне-то интересно.

Разумеется, я обоим ответила «да». Мистер А. предложил доктору Х. свою сигарочницу; тот поблагодарил его, выбрал сигару, понюхал, сказал, что она великолепна, откусил кончик, зажег ее и начисто о ней забыл, потому что стал рассказывать очень интересные вещи.

— Сегодня утром за завтраком миссис Парринг говорила о том, насколько лучше наш мир теперь, чем в недоброе старое время. Да, это так — но почему? А потому, что англосаксонская раса, к которой принадлежим и она, и я, и мистер Астли, получила в мире главенство, а эту расу составляют умнейшие, добрейшие, глубже всех верующие в Христа, самые предприимчивые, трудолюбивые, свободные и демократичные люди, какие когда-либо жили. Конечно, мы не должны превозноситься из-за наших высоких достоинств. Это устроил Господь, дав нам мозг большего размера, чем кому-либо еще, из-за чего нам легче укрощать наши дурные животные инстинкты. Это означает, что в сравнении с

китайцами, индусами, неграми и индейцами — и даже в сравнении с латинами и семитами — мы как учителя среди играющих детей, которые не хотят понять, что учатся в школе. Но почему учить их — наш долг? Я объясню почему.

Когда дети или инфантильные люди остаются сами по себе, сильнейшие берут верх над слабыми и обижают их. В Китае судебная пытка считается невинным развлечением. Индийских вдов сжигают живьем подле трупов их мужей. Негры поедают друг друга. Арабы и евреи делают неудобосказуемые вещи с половыми органами своих детей. Словоохотливые французы питают слабость к кровавым революциям, беспечные итальянцы вступают в преступные тайные общества, и мы все знаем, что такое испанская инквизиция. Даже немцы, которые ближе всех к нам по происхождению, чересчур увлекаются оркестровой музыкой, полной животной жестокости, и дуэлями на шпагах. Бог создал англосаксонскую расу, чтобы обуздать все это, и мы обуздаем.

Но мы не можем усовершенствовать весь род человеческий разом. Свирепым правителям низших рас ненавистна мысль о том, что мы придем им на смену; поэтому, чтобы научить

их уму-разуму, нам необходимо их одолеть. С нашими винтовками, пулеметами, одетыми в броню боевыми кораблями и железной дисциплиной мы одолеваем их всегда и везде, но это требует времени. Двигаясь вширь со своего маленького острова, англосаксы чуть больше чем за два столетия покорили четверть земного шара. Но к западу от Атлантики начинает разворачиваться и набирать силу новая, более крупная англосаксонская нация — Соединенные Штаты! Кто может сомневаться, что к концу двадцатого века Соединенные Штаты будут владычествовать над остальной частью планеты? Вы сомневаетесь в этом, Астли?

— Ваше предсказание может сбыться, — ответил мистер А. осторожно, — если подчиненные народы ничему от нас не научатся. Но японцы кажутся мне толковыми учениками, а промышленная мощь Германии уже вот-вот превзойдет британскую.

— С пруссаками вы сами разберетесь, а япошек уж оставьте нам — в нашей школе ученики никогда не превратятся в учителей, потому что череп у них меньшего размера. Да, я согласен, немецкий мозг сравним по объему с вашим или моим, но ему недостает гибкости. А клоню я, миссис

Парринг, вот к чему. Сто лет борьбы пройдут до того времени, когда мир будет окончательно цивилизован, но эту борьбу не следует считать захватнической войной. Когда британцы покоряют Египет, когда Штаты идут в Мексику или на Кубу, они имеют целью воспитать и цивилизовать коренных жителей, а не обездолить их. Да, может потребоваться сто лет, чтобы англосаксонская полиция навела порядок в мире головорезов, но мы этого добьемся. К двухтысячному году китайский изготовитель фарфора, индийский искатель жемчуга, персидский ковровщик, еврейский портной, итальянский оперный певец и так далее — все они наконец смогут заниматься своим делом в мире и благоденствии, ибо англосаксонский закон позволит кротким унаследовать землю.

Наступила долгая пауза, во время которой доктор Х. пытливо взглядывал то на меня, то на мистера Астли — главным образом на мистера Астли, который наконец произнес:

— А...

Доктор Х. резко сказал:

— Так вы не согласны с моим предсказанием, сэр?

— Согласен, если это доставит удовольствие

миссис Парринг.

Оба умных мужчины внимательно посмотрели на меня. Меня вдруг бросило в жар, и по ладоням я почувствовала, что краснею. Я сказала, преодолевая смущение:

— Меня кое-что удивило в ваших словах, доктор Хукер. Вы сказали, что мозговитым людям легче укрощать свои дурные животные инстинкты. Я много видела животных и много с ними играла, но не почувствовала в них ничего дурного. Конечно, сука со сломанной лапой рычала и щелкала зубами, пока я накладывала ей шину, но только потому, что ей было больно. Когда ей стало лучше, она признала во мне друга. Много ли на свете дурных животных?

— На свете НЕТ дурных животных, — ответил Хукер сердечно, — и вы правы, указывая мне на мою ошибку. Позвольте мне выразить свою мысль иначе. Человек состоит как бы из двух существ — высшего и низшего. Высшее существо любит все чистое и красивое, низшее — все грязное и уродливое. Вы прекрасно воспитанная молодая леди, так что вы лишены низких побуждений. Вы получили англосаксонское образование, приличествующее вашему сословию и полу, которое избавило вас от унижающего зрелища людской

грязи и нищеты. Вы жили в Британии, где прекрасно организованная полиция ограждает от преступников, безработных и прочих грязных, неисправимых элементов места, где живут благородные англосаксонские натуры. Я слышал, что в Британии низшие классы состоят в основном из ирландцев.

Я сказала возмущенно:

— Я повидала мир, доктор Хукер. Когда я поправлялась после катастрофы, опекун взял меня в кругосветное путешествие. Я встречала всяких людей — у некоторых были рваные ботинки, латаная одежда и несвежее белье, в точности как у тех бедняков в «Панче», над которыми мы смеемся. Но никто из них не был таким чудовищем, как вы говорите.

— Вы были в Китае или Африке?

— Кое-где была. Например, в Египте — в Каире.

— Вы видели там феллахов, которые клянчат бакшиш?

— Смените тему, Хукер! — вмешался мистер Астли, но я не позволила это сделать. Я сказала:

— Когда мы с Богом вышли из отеля, чтобы посмотреть пирамиды, нас окружила толпа. Некоторые кричали что-то вроде «ааа-иии, ааа-иии», но я не видела, кто кричит. Что такое бакшиш,

доктор Хукер? Тогда я не стала расспрашивать.

— Если завтра в Александрии вы сойдете со мной на берег, я покажу вам, что это такое, за пятнадцать минут, если не меньше. Зрелище поразит вас, но и послужит вашему образованию. Увидев то, что я покажу, вы поймете три вещи: природную греховность человеческого животного, не облагороженного искуплением; почему Христос умер за наши грехи; и почему Бог избрал англосаксонскую расу, чтобы очистить мир огнем и мечом.

— Вы не сдержали слова, Хукер, — сказал мистер Астли холодно. — Вы нарушили обещание.

— Сожалею об этом и все же радуюсь этому, Астли! — воскликнул доктор Х. (я в жизни не видела столь взволнованного мужчины, если не считать Свечки, когда он делал мне предложение, и Парня, когда он выиграл в рулетку). — Речи миссис Парринг показывают, что она оправилась от самых худших последствий железнодорожной катастрофы. Хоть она и не обрела памяти о прежней жизни, в ее разговорах сквозит ум столь же ясный и логический, как ваш и мой, но если мы не дадим ей сведений, которых она жаждет, ее ум останется умом смышленого ребенка. Вы, англичане, предпочитаете держать ваших

женщин именно в таком состоянии, но мы на нашем американском западе хотим, чтобы женщины стояли с нами вровень. Принимаете ли вы, миссис Парринг, мое приглашение посмотреть Александрию с изнанки? Может быть, вы и мужа вашего уговорите присоединиться.

— Присоединится мой бедняга к нам или нет, я принимаю приглашение, — ответила я, сама пугаясь собственного волнения.

— И вы с нами, Астли, — сказал доктор Х. — Предоставим нашей очаровательной спутнице совместный англо-американский эскорт.

Мистер А. выпустил задумчивую струйку дыма, пожал плечами и сказал:

— Быть посему.

Я тотчас же вышла из-за стола. Мне нужно было в тишине обдумать все новые странные вещи, которые я услышала. Может быть, всему виной моя треснутая башка, но с той минуты, как доктор Х. объяснил мне, что англосаксы излечат мир от всех изъянов огнем и мечом, я чувствую себя менее счастливой. До сих пор мне казалось, что все, кого я встречаю, — одна дружная семья, даже когда кому-то больно и он ведет себя как наша кусачая сука. Почему ты не научил меня политике, Бог?

* * * * * * * * * * * * * * * *

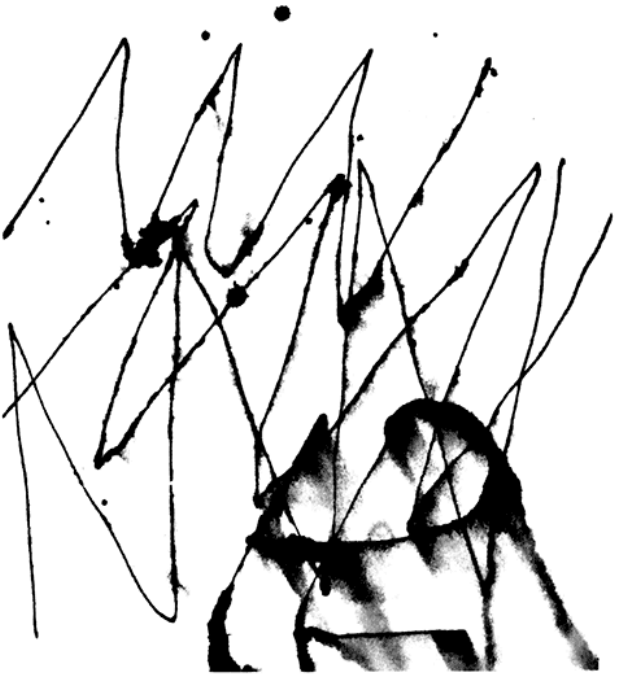
На этом месте голос Бакстера прервался, и я увидел, что он пытается совладать с сильнейшим волнением.

— Прочти сам следующие шесть страниц, — сказал он внезапно и протянул их мне. Представляю их здесь в том же виде, в каком тогда получил. ☛

Они воспроизведены фотографическим способом, который в точности передает пятна от слез, но не показывает, с какой силой давило перо на бумагу, во многих местах ее прорывая.

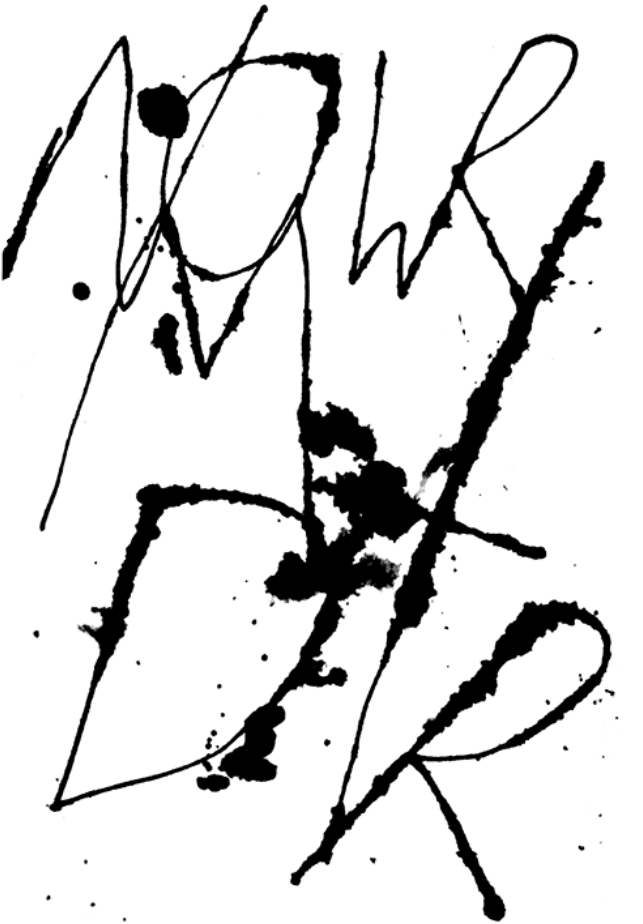
cyooring with fir and sord. Bee4
now I thot evray wun I met woz
part ov the saym frendlay family,
eeven when a Hurt wun acted
lic owr snapish bitch. Whi did
yoo not teech mee politics God?

* * * * * * *



PRC

TRAUMA



NO
HLP
FR
AD
RLL
GRLS
I am glad
I bit mister
Astley

— Катастрофический возврат к пройденной ступени развития с быстрым исцелением в конце, — сказал я. — Что означают эти каракули, Бакстер? На — ну возьми же их назад. Только ты и можешь их расшифровать.

Бакстер вздохнул и ровно, без дрожи в голосе прочел:

«Нет нет нет нет нет нет нет нет нет, помогите слепому младенцу, бедная девочка помогите помогите обоим, попраны нет нет нет нет нет нет нет нет нет нет нет нет нет нет нет нет нет нет нет, нет где моя дочь, нет помощи слепым младенцам бедным девочкам я рада что укусила мистера Астли».

Бакстер положил письмо, вынул носовой платок, сложил в несколько раз (все платки у него были в четверть простыни) и зарылся в него лицом. На мгновение я испугался, что он хочет себя задушить, но затем по сдавленным взрывчатым звукам я понял, что он использует платок для поглощения секрета экзокринных желез. Когда он отнял его от глаз, они необычно блестели.

— А дальше? — спросил я, сгорая от нетерпения. — Что дальше? Следующая запись что-нибудь разъясняет?

— Нет, но из дальнейшего все становится по-

нятно. Оставшиеся записи сделаны спустя недели или даже месяцы после ее романа с Гарри Астли…

— РОМАНА! — вскричал я.

— Успокойся, Свичнет. С ее стороны это было чисто платоническое увлечение. И оно помогло ее умственному развитию, что видно по почерку, который внезапно становится убористым, прямым и ровным; по написанию слов, которое стремительно приближается к словарным нормам; по разграничивающим записи прямым горизонтальным линиям, которые пришли на смену легкомысленным звездочкам. Но ярче всего ее взросление проявляется в содержании записок. Тут и духовные прозрения восточного мудреца, и аналитическая острота Дэвида Юма и Адама Смита. Слушай же!

16. Александрия — Гибралтар: *горькая мудрость Астли*

Долгие недели меня мучили мысли. Единственным развлечением были споры с Гарри Астли. Он говорит, что я обрету покой, лишь если заключу в объятия его горькую мудрость — и его самого. Я не желаю ни того, ни другого — разве что в яростной схватке. Он говорит, что сильные всегда будут попирать беззащитных, потому что в этом источник их силы. Я отвечаю, что если это верно, то мы должны перестать так жить. Он дал мне книги, где, по его словам, доказано, что это невозможно: «Опыт о законе народонаселения» *Мальтуса,* «Происхождение видов» *Дарвина и* «Мученичество человека» *Уинвуда Рида. От них у меня болит голова. Сегодня, когда я перевязывала ему руку, он сказал, что год назад овдовел, а потом спросил:*

— Ведь вы с Паррингом не состоите в законном браке, правда?

— Как это вы догадались, мистер Астли?

— Прошу вас, зовите меня Гарри.

Его рука почти зажила, хотя большой па-

лец еще плохо двигается — мои зубы оставили круглый шрам у его основания, где они едва не сомкнулись. Он задумчиво сказал:

— Эта отметина у меня навсегда.

— Боюсь, что так, Гарри.

— Могу я считать ее обручальным кольцом? Пойдете ли вы за меня замуж?

— Нет, Гарри. Я помолвлена с другим.

Он спросил, кто мой жених, и я рассказала ему про Свечку. Когда повязка была готова, он сказал, что знаком со многими знатными дамами, включая герцогиню Сазерлендскую и принцессу Луизу Коннахтскую, но не встречал большей аристократки, чем я.

Доктор Хукер сошел с корабля в Марокко, не попрощавшись и не забрав свой Новый Завет. Он дал мне эту книгу, чтобы я обрела покой во Христе, но не вышло. Христос был так же сокрушен всеобщей жестокостью и безразличием, как я. Он тоже с ужасом обнаружил, что в одиночку должен сделать людей лучше, чем они есть. Правда, у него было передо мной преимущество — он мог совершать чудеса. Я спросила доктора Хукера, как бы поступил Христос с моей голодной дочкой и слепым младенцем.

— Христос возвращал слепым зрение, — отве-

тил бедный доктор Хукер, которому явно было не по себе.

— Что бы он для них сделал, если бы НЕ мог вернуть им зрение? — спросила я. — Прошел бы мимо, как дурная самарянка?

Я думаю, именно поэтому он сегодня покинул «Нежнейшую любовь». Он не хочет жить, как Христос, но в отличие от Гарри Астли не решается об этом заявить.

Астли, Хукер, Парень — все несчастны из-за одного надтреснутого колокольчика-Белл. Беда с Паррингом случилась после того, как я вернулась из Александрии. Я бросилась к нему в каюту и давай давай давай давай парила и парила и парила его, наконец он взмолился, чтобы я перестала, сказал, что больше нет сил, но я заставила его дать больше — только так я могла прогнать мысли об увиденном. Я измочалила его парьбой, измочалилась сама, а потом мысли все-таки вернулись. Я предавалась им дни напролет, не говоря ему ни слова. Вчера вечером глупышка расплакался, стал просить прощения.

— За что? — спросила я. Похоже, он не поверил тому, что мои слезы и черные мысли вызваны видам нищих в Александрии, и решил, что причина — он сам, толкнувший меня на проституцию в

Германии. Я рассмеялась и сказала, что ничего подобного и в помине не было, что деньги были его собственные, я взяла их у него, когда он заснул в ночь после выигрыша. Поначалу он не верил, потом надулся и долго повторял: «МОИ деньги! МОИ деньги!» Я попыталась утешить его новой парьбой, но с крикам «НЕ ПОКОРЮСЬ!» он вывернулся и лег спиной ко мне, ногами на подушку. И всю ночь я то и дело слышала бормотанье, исходившее от изножья кровати: «МОИ деньги. МОИ деньги».

Гарри злой, ему нравится, что люди жестоко поступают и жестоко страдают, и он хочет убедить меня в том, что зло необходимо. Если он своего добьется, я тоже стану злая. Я его слушаю, потому что мне надо знать все, что знает он. Он такой же искренний, как Бог, и рассказывает вещи, которых Бог никогда не рассказывал, — все это я должна изменить, поэтому записываю для памяти.

ЖЕНСКАЯ ПРАЗДНОСТЬ. Наполеон считал женщину наградой и отдыхам воина. В Англии жена — это публичное украшение и частный увеселительный сад богатого землевладельца, промышленника или профессора. Ей заказаны ра-

дости материнства, ибо после тяжких родов ее потомство ласкают и воспитывают служанки. Считается, что животное удовольствие грудного вскармливания унижает ее достоинство, что сам половой акт унижает ее достоинство, — и при всем том она такое же никчемное, несвободное и несчастное существо, как одалиска в турецком гареме. Если умной женщине из этого сословия не достанется сверх обычного чуткий муж, ее жизнь может стать такой же тяжкой, как жизнь ланкаширских ткачих, медленно гибнущих от удушья. Вот почему вы должны выйти за меня, Белла. Вы будете моей рабыней только номинально, но не на деле.

ВОСПИТАНИЕ. Беднейшие из детей учатся у собственных родителей попрошайничать, лгать и воровать — иначе им не выжить. Состоятельные родители втолковывают детям, что нельзя лгать, красть и убивать, что праздность и азартная игра — пороки. Затем они посылают детей в школы, где те жестоко страдают, если не умеют скрывать свои мысли и чувства, где их учат восхищаться убийцами и грабителями вроде Ахилла, Улисса, Вильгельма Завоевателя и Генриха Восьмого. Тем самым их готовят к жизни в стране, где богатые люди протаскива-

ют через парламент законы, лишающие бедных их жилищ и средств к существованию, где незаработанный доход можно увеличить азартной игрой на бирже, где тот, кто больше всех имеет, меньше всех работает и развлекается охотой, скачками и втягиванием своей страны в войну. Мир представляется вам ужасным, Белла, потому что вы не извращены ему под стать должным воспитанием.

СОРТА ЛЮДЕЙ. Люди делятся на два сорта. Счастливей всех те невинные, кто считает каждое явление и каждого человека в основе своей хорошим. Так думает большинство детей, и так думали вы, пока Хукер, вопреки моему противодействию, вас не просветил. Второй и самый многочисленный сорт составляют легкомысленные оптимисты — люди, способные на умственный трюк, позволяющий им не испытывать неудобств при виде голода и несчастий. Они полагают, что обездоленные заслужили свои беды, или что нация, к которой принадлежат они сами, лечит, а не причиняет эти страдания, или что Бог, Природа, История в один прекрасный день сделают все как надо. К этому сорту принадлежит доктор Хукер, и я рад, что его риторика не заслонила от ваших глаз факты. К

третьему, самому редкому сорту относятся те, кто понимает, что человеческая жизнь есть по сути своей тяжкая болезнь, которую может излечить только смерть. Нам хватает сил жить сознательно среди живущих слепо. Мы — циники.

— Должен быть и четвертый сорт, — перебила я, — потому что я больше не невинное дитя и меня одинаково не устраивает то, что говорит доктор Хукер, и то, что говорите вы.

— Вы ищете путь, которого не существует.

— Уж лучше я буду искать до конца своих дней, чем стану глупым ребенком или эгоисткой — неважно, оптимистического или циничного толка, — сказала я. — И мужа своего я тоже отправлю на поиски.

— Нелегко ему с вами придется.

ИСТОРИЯ. Крупные нации создаются в результате успешных грабительских походов, и поскольку история большей частью пишется сторонниками завоевателей, она обычно утверждает, что ограбленным стало от их потерь только лучше и что они должны быть за них благодарны. Грабеж случается и внутри страны. Король Генрих Восьмой ограбил английские монастыри, которые одни в ту эпоху открывали больницы и школы, давали приют бездомным. Английские истори-

ки признают, что король Генрих был жадным, вспыльчивым и жестоким, но говорят, что при этом он сделал массу добра. Они принадлежат к сословию, которое обогатилось за счет церковных земель.

ВЫГОДЫ ВОЙНЫ. Своими преимуществами индустриальной нации Британия обязана Бонапарту. Чтобы сражаться с ним по всей Европе, правительство установило высокие налоги, обременявшие главным образом бедных, и большую часть этих денег истратило на постоянно пополняемые запасы обмундирования и обуви, на пушки и боевые суда. Строились разнообразные фабрики и заводы. Множество здоровых мужчин воевало за границей, но благодаря новым машинам фабриканты научились обходиться дешевым женским и детским трудом. Это настолько взвинтило доходы, что мы стали строить поезда, броненосцы и создали обширную новую империю. Мы перед Бони в огромном долгу.

БЕЗРАБОТИЦА. Наполеоновские войны, закончившись, оставили по себе так много голодных и безработных, что для обсуждения вопроса собрался парламентский комитет — правительство боялось революции. Фабрикант-социалист

Роберт Оуэн предложил, чтобы все фирмы и предприятия, доход которых превысил пять процентов, тратили излишки на питание, жилье и школы для семей своих рабочих, вместо того чтобы использовать их для борьбы с конкурентами. Мальтузианцы, однако, доказали, что чем лучше бедняки питаются, тем быстрее они плодятся. Нищета, голод и болезни могут побудить кого-нибудь украсть из пекарни булку или возмечтать о революции, но они же делают революцию менее вероятной, лишая неимущих телесных сил и сокращая их численность вследствие высокой детской смертности. Не вздрагивайте, Белл. В чем Британия нуждалась — и что получила! — это солдатские казармы возле каждого промышленного города, сильная полиция, громадные новые тюрьмы; а также приюты для бедняков, где детей отделяют от родителей, а жен от мужей, — места, сознательно сделанные столь жуткими, что всякий, кто сохранил хоть каплю уважения к себе, лучше потратит последние пенсы на дешевый джин и замерзнет в канаве, чем пойдет в приют. Вот как мы устроили жизнь богатейшей промышленной державы мира, и работает это прекрасно.

СВОБОДА. Я уверен, что понятие свободы

появилось не раньше, чем выдумали рабство. Древние греки перепробовали все формы правления — монархию, аристократию, плутократию, демократию — и яростно спорили, какая система дает людям больше свободы, но при каждой из них держали рабов. Так же вели себя и деятели Римской республики. И гордые сквайры, основавшие США. Да, единственное верное определение свободы — отсутствие рабства. Вы могли слышать это в известной песне:

> *Правь, Британия! Правь в просторе морском!*
>
> *Никогда, никогда, никогда британец не будет рабом!*{10}

В дни доброй королевы Бесс мы, англичане, были так возмущены жестокостью, с которой испанцы порабощали американских индейцев, что грабили их корабли с сокровищами невзирая на то, находились мы с ними в состоянии войны или нет. В 1562 году сэр Джон Хокинс (который впоследствии стал казначеем флота и героем битвы с Армадой) положил начало британской работорговле, отобрав у португальцев в Африке

{10} Примечания переводчика: 1.10
Строки из британского гимна.

негров-рабов и продав их испанцам в Новый Свет. Парламент ввел за подобную торговлю уголовное наказание в 1811 году.

— Очень хорошо! — обрадовалась я. — А теперь и американцы запретили рабство.

— Да. Оно приносило доход только плантаторам-южанам. Современному промышленнику дешевле нанимать людей на дни или недели: когда нужда в них отпадает, они свободны клянчить работу у других хозяев. Когда много свободных людей ходит и клянчит работу, хозяева могут свободно понижать жалованье.

СВОБОДА ТОРГОВЛИ. Да, наш парламент понимает свободу как возможность для нас повсюду покупать подешевле и продавать подороже, используя наши армию и флот. Мы режем голодающие страны на части, как плотник пилит доску. Слушайте теперь внимательно, Белл.

Индийские ткачи выделывали лучшие в мире полотно и муслин, и только британские купцы могли свободно ими торговать — французы попытались было, так мы их выдворили из Индии. Потом британцы научились ткать более дешевое полотно на своих собственных фабриках с помощью станков, так что теперь нам нужны были индийский хлопок-сырец и ангорская шерсть, и

мы стали препятствовать другим странам покупать индийские ткани. Через некоторое время один из губернаторов, которых мы посылаем в Индию, докладывал, что равнины близ Дакки усеяны костями ткачей.

Знаете ли вы, что восемь из каждых десяти ирландцев питались картофелем? Это были крестьяне, чья бедная земля почти ничего больше не рождала, а деньги, которые они выручали за прочие культуры, шли на арендные платежи землевладельцам. Те произошли от английских завоевателей, поэтому плодородные земли, где можно было выращивать злаки, принадлежали им. Тридцать пять лет назад внезапная болезнь уничтожила урожай картофеля, и крестьяне начали голодать. В голодные времена люди, обладающие большими запасами продовольствия, норовят вывезти его из страны, потому что голодающие слишком бедны, чтобы платить за него хорошую цену. Британский парламент обсуждал предложение закрыть ирландские порты до тех пор, пока ирландское зерно не будет съедено самими ирландцами. Предложение отклонили — оно шло вразрез со свободой торговли. Вместо этого мы послали солдат, чтобы они обеспечили беспрепятственную доставку зерна на корабли.

Почти миллион человек умерли голодной смертью; полтора миллиона уехали из страны. Те, кто оказался в Британии, соглашались работать за такое низкое жалованье, что британским рабочим можно было теперь платить меньше, и доходы промышленников выросли как никогда. Вам пора идти на корму.

Он знает, что, когда я не в силах больше терпеть, я бегу на корму и перегибаюсь через борт, чтобы ветер уносил в море мои вопли и рыдания. Но на этот раз я сурово на него взглянула и спросила, голосовал бы он или нет против закрытия портов, если бы был в парламенте. Я не укусила бы его, если бы он ответил «да», — просто плюнула бы ему в лицо. Но он тихо сказал:

— Я не осмелился бы голосовать против, если бы знал, что потом мне придется иметь дело с вами, Белл.

Я чуть было не назвала его бесом-хитрюгой, но опомнилась — вышло бы похоже на разговоры Парня. Я сглотнула слюну и ушла.

ИМПЕРИЯ. Во всяком густонаселенном месте Земли неизбежно возникала империя — Персия, Греция, Италия, Монголия, Аравия, Дания, Испания и Франция шли по очереди, сменяя друг друга. Наименее воинственной, но самой крупной

и долговечной империей была китайская. Мы уничтожили ее двадцать пять лет назад, потому что ее правители не позволяли нам продавать там опиум. Британская империя росла очень быстро, но не исключено, что через два или три столетия полуголые потомки Дизраэли и Гладстона будут нырять в Темзу с опор разрушенного Лондонского моста за монетками, которые забавы ради будут бросать туда туристы из Тибета.

САМОУПРАВЛЕНИЕ. Я спросила, есть ли на свете страны, населенные приветливыми, зажиточными людьми, которые сами собою правят.

— Да. В Швейцарии несколько небольших республик с различными языками и религиями мирно живут бок о бок в течение столетий — дело в том, что высокие горы отделяют их друг от друга и от окружающих народов. Чтобы усовершенствовать мир, Белла, вам надо всего лишь возвести высокую гору между каждым городом и его ближайшим соседом или же рассечь все континенты на множество островов равного размера.

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛИ МИРА. Да, я предвижу, Белл, что, несмотря на мои наставления, вы захотите стать легкомысленной оптимисткой современ-

ного толка, из тех, кто стремится уничтожить богатство и нищету, разделив все поровну.

— Но это здравый смысл, и ничего больше! — воскликнула я.

— Имеются четыре секты, которые думают так же, но по-разному собираются воплотить эту идею в жизнь.

СОЦИАЛИСТЫ хотят, чтобы бедные выбрали их в парламент, где они введут высокий налог на доходы богатых и примут законы, дающие каждому право на производительный труд в хороших условиях, на хорошую пищу, жилье, образование и лечение.

— Замечательная мысль! — воскликнула я.

— Да. Прекрасно. Другие преобразователи мира указывают, что парламент — это тесный союз монархов, лордов, епископов, юристов, торговцев, банкиров, биржевиков, промышленников, военных, землевладельцев и чиновников, которые заседают там С ЕДИНСТВЕННОЙ ЦЕЛЬЮ — ради защиты своих богатств. Поэтому социалистов, если их туда изберут, непременно перехитрят, или купят, или расколют на части компромиссами. Я согласен с этим предсказанием.

И вот КОММУНИСТЫ набирают в свою партию людей из всех классов общества — людей, которые

будут терпеливо работать и дожидаться дня, когда в стране случится серьезная финансовая неприятность; тогда они совершат переворот и станут правительством — на короткое время. Мы, говорят коммунисты, останемся у власти лишь до тех пор, пока каждый не получит все необходимое и не будет в состоянии его сохранить; после этого они обещают распустить свою партию, потому что ни они, ни иное правительство уже не будут нужны.

— Ура! — возликовала я.

— Да, ура. Но другие преобразователи мира утверждают, что группы, которые приходят к власти через насилие, всегда стремятся увековечить свою власть путем того же насилия и становятся новой тиранией. Я с этим согласен.

ВОИНСТВУЮЩИЕ АНАРХИСТЫ, или ТЕРРОРИСТЫ, ненавидят тех, кто стремится к власти, так же сильно, как тех, кто ею обладает. Так как прочие классы зависят от людей, работающих на полях, шахтах, заводах и транспорте, они говорят, что эти рабочие должны оставлять у себя все, что производят, обходиться без денег, обменивая товар на товар, а от тех, кто захочет ими править, обороняться бомбами.

— Так и надо! — воскликнула я.

— Согласен. Но я также согласен с теми, кто утверждает, что полиция и армия — самые беспощадные террористы из всех. К тому же зажиточные слои держат в руках ключи от складов провианта и топлива, чьими бы руками они ни были произведены и добыты.

Так

что ваша последняя надежда — ПАЦИФИСТЫ, или МИРНЫЕ АНАРХИСТЫ. Они говорят, что усовершенствовать мир можно, лишь совершенствуя самих себя и действуя на других личным примером. Это означает — ни с кем не враждовать, раздавать деньги и жить либо добровольными пожертвованиями, либо трудом своих рук. Этим путем шли Будда, Иисус и Святой Франциск, а в нашем столетии — князь Кропоткин, граф Лев Толстой и американский писатель, фермер и холостяк Торо. Это движение привлекает множество безвредных аристократов и писателей. Они раздражают правительства своим отказом платить налоги, считая взимание их безнравственным, и тут они правы, потому что налоги главным образом идут на армию и вооружение. Впрочем, полицейские забирают в тюрьмы и секут только рядовых пацифистов. Знаменитых

почитатели избавляют от серьезных неприятностей. Если подадитесь в политику, Белл, становитесь пацифисткой-анархисткой. Вас на руках будут носить.

— Ох, что же мне делать? — выкрикнула я сквозь слезы.

— Пойдемте на корму, Белл, и я вам скажу, — ответил он.

РЕЦЕПТ АСТЛИ. Мы облокотились на борт, глядя, как от кормы по ленивым, блестящим в лунном свете волнам расходятся пенные борозды; и он сказал:

— Душераздирающее материнское чувство, которое вы испытываете к обездоленным мира сего, есть животный инстинкт, лишенный своей естественной цели. Выходите замуж и заводите детей. Выходите за меня. На моих угодьях есть ферма и даже целая деревня — вообразите, какие откроются возможности. Будете воспитывать детей (мы их в общую школу не отдадим), заставите меня усовершенствовать канализацию для всей округи, понизить арендную плату. Я дам вам шанс стать настолько счастливой и добродетельной, насколько это возможно для умной женщины на нашей гадкой планете.

Я ответила:

— Ваше предложение не соблазняет меня, Гарри Астли, потому что я не люблю вас[19]; но это самая хитрая приманка, какую вы только могли подкинуть женщине, чтобы заставить ее вести совершенно эгоистическую жизнь. Благодарю вас, нет.

— Тогда дайте на секунду вашу руку.

Я так и сделала и тут впервые поняла, кто он такой на самом деле — измученный маленький мальчик, который ненавидит жестокость так же, как и я, и считает себя сильным мужчиной, потому что способен притвориться, что любит ее. Он такой же бедный и несчастный, как моя потерянная дочка, но только внутри. Снаружи он безупречно спокоен. У каждого должна быть своя уютная оболочка, этакое мягкое пальто с

---

[19] Критические: 2.19

Тщательные розыски в справочниках и газетах того времени не принесли доказательств существования Гарри Астли[25]. Все шотландские и некоторые английские читатели, должно быть, удивленно вскинули брови, прочтя, что он признал себя двоюродным братом лорда Пиброка. «Пиброк — гэльское слово, означающее «волынка», а между тем шотландский генеалогический колледж, как и английский, утверждает, что все дворянские родовые имена происходят от топонимов. На заграничное ухо, однако, все фамилии, звучащие на шотландский лад, кажутся равно подходящими, что заставляет видеть в Астли самозванца. В коммерческих справочниках того времени сахароваводчики «Довел и К°» не значатся. Кто же такой мог быть Астли? Основания для ответа дают только его несомненная связь с Россией и исторические лекции, прочитанные им Белле. Последние показывают, что за английской личиной у него не было ни капли почтения к Британской империи. Возможно, он был царский агент, направляющийся

в Лондон для слежки за русскими революционерами-эмигрантами, которые нашли там убежище. Самыми знаменитыми из них были Герцен и (много позже) Ленин. Словом, хорошо, что Белла отказалась выйти за Астли замуж.

{25} Примечания переводчика: 1.25

Как и его русский знакомец, Астли сошел со страниц романа Достоевского «Игрок» (там его фамилия пишется «Астлей»).

карманами, полными денег. Я непременно стану социалисткой.

Уныние не давало мне думать о хорошем, Бог, поэтому я не вспоминала о тебе до сегодняшнего утра. Меня разбудил шум, словно от сильного дождя, и я лежала, раздумывая, как он освежит салат для Мопси и Флопси, как я вскоре буду завтракать вареными яйцами, почками и копченой рыбой, а ты будешь хлебать свое пойло с пузырями, как мы потом пойдем навещать и лечить больных зверюшек в нашей лечебнице. Пронежившись много минут в довольстве и покое, я открыла глаза и увидела подле себя пятки Парринга, а в щелях жалюзи, — солнечный свет. Я сообразила, что звук, похожий на шум дождя, исходит от эвкалипта, который растет возле отеля; его твердые глянцевые листья от ветра колотятся и шаркают друг о друга. И все же спокойное довольство не улетучилось. Воспоминание о тебе отогнало прочь ужас и слезы, потому что ты умнее и лучше, чем доктор Хукер и Гарри Астли, вместе взятые. Ты никогда не говорил, что жестокость к беспомощным — это хорошо, или неизбежно, или несущественно. Когда-нибудь ты объяснишь мне, как изменить то, о чем я не могу даже написать, — стоит начать, и слова

станут ОГРОМНЫМИ, гласные исчезнут, чернила размажутся от слез.

Раздался стук в дверь, и мне сказали, что бачок с кипятком стоит в коридоре. Я не брила Парня с самой Александрии и решила наконец-то этим заняться. Вскочила на ноги, живо умылась и оделась, проложила полотенце между его головой и подушкой, намылила ему лицо. Оказалось, это гораздо легче делать, когда он лежит наоборот. Он молчал и не открывал глаз, но я знала, что ему приятно, ведь он терпеть не может бриться сам. Соскоблив щетину, я напомнила ему, что сегодня отправляется пароход в Глазго через Лисабон и Ливерпуль, что на нем плывет мистер Астли и что он предлагал заказать нам каюту. Все еще не открывая глаз, Парень сказал:

— Мы отправляемся в Париж через Марсель.

— Но почему, Данкан?

— Раз даже такая ворюга-шлюха, как ты, не хочет выйти за меня замуж, только Париж и остается. Отвези меня туда. Передай меня с рук на руки мидинеткам[20] *и зеленой малютке-фее,*

---

[20] Критические: 2.20

Мидинетка — французская девушка-работница, чаще всего молодая модистка или швея. Зарабатывали они мало, но обычно умели хорошо одеваться, поэтому мужчины со средствами рассматривали их как потенциальных дешевых любовниц.

а там выходи за кого хочешь — хоть за англичанина, хоть за американца, хоть, ха-ха, за грязного русского.

Парень стал намного веселей с тех пор, как решил, что из нас двоих исчадие ада не он, а скорее уж я. Я сказала:

— Но Данкан, нам не на что будет жить в Париже. Денег у меня только на обратный путь.

Это была неправда. Твои деньги, Бог, все еще под подкладкой моего дорожного жакета, но я чувствовала, что самым милосердным способом избавиться от Парня (который теперь о парьбе и слышать не хочет) будет вернуть его к матери. Он сказал:

— Тогда я останусь в Гибралтаре, пока не продам свои последние облигации «консолидированной ренты»; и знай, женщина, ты никогда больше не украдешь и не выманишь у меня ни пенса — всё буду при себе держать. Если тебя так заботят деньги, лучше расставайся со мной сегодня же и возвращайся в Британию со своим драгоценным Астли.

Эта мысль мне понравилась, но я не могла бросить Парня одного в такой дали от дома. Я ничего не знаю о мидинетках и зеленой малютке-фее, но если они будут к нему добры, пусть поживет с

ними в Париже, а я вернусь в Глазго одна.

Как обычно, он захотел, чтобы ему принесли чай и тосты в постель. Я пошла в столовую, распорядилась об этом и в последний раз позавтракала с Гарри Астли. Писала ли я тебе, что он вдовец и давно уже догадался, что я не замужем? За яичницей с ветчиной (это британский отель, хотя обслуживают испанцы) я увидела, что он вновь собирается делать предложение, и предотвратила это, сказав, что выйду замуж только за преобразователя мира. Он вздохнул, побарабанил пальцами по скатерти и сказал, что мне следует остерегаться мужчин, которые рассуждают о преобразовании мира — многие используют такие разговоры, чтобы завлекать женщин моего сорта.

— Что же это за сорт? — спросила я, заинтригованная. Он отвернулся и холодно произнес:

— Сорт храбрых и добрых женщин, которые сочувствуют несчастным всех стран и сословий и сочувствуют также черствым, богатым и себялюбивым.

Я почти растаяла.

— Встаньте, Гарри, — сказала я.

Его, должно быть, с детства приучили слушаться — хотя он был явно ошарашен и столовая

была полна народу, он немедленно встал, выпрямившись как солдат. Я шагнула к нему, притиснула ему руки к бокам своими руками и поцеловала его долгим поцелуем, пока не почувствовала, что он весь дрожит. Потом прошептала: «До свидания, Гарри», — и поспешила наверх к моему усталому старому Парню. Они с Гарри очень схожи, хотя нервы у Гарри, конечно, покрепче. Выходя из столовой в коридор, я в последний миг взглянула назад. Иностранцы смотрели на меня во все глаза, англичане же делали вид, что ничего не случилось. Гарри Астли, истый англичанин, сосредоточился на завтраке.

Свечка, не ревнуй. Это был единственный поцелуй, который Гарри от меня получил, и никаким говорунам не удастся завлечь Белл Бакстер. Когда я вернусь домой, Бог, ты объяснишь нам, как усовершенствовать мир, а потом, Свечка, мы с тобой поженимся и это сделаем.

17. Гибралтар — Париж: *последний побег Парринга*

Наконец-то без Парня! И собственная маленькая комнатка на узкой улочке в самом сердце прекрасного, здорового Парижа! Помнишь, как мы здесь были в давние времена? Как таращились в Лувре на громадные картины? Как ели за маленькими столиками в саду Тюильри? Как ходили к профессору Шарко в больницу Сальпетриер[21] *и как он вовсю старался меня загипнотизировать? В конце концов я прикинулась, будто это ему удалось, потому что не хотела, чтобы он попал впросак перед огромной аудиторией вос-*

---

[21] Критические: 2.21

Шарко Жан Мартен (1825–1893) — французский врач, родился в Париже. В 1853 г. получил диплом доктора медицины в Парижском университете, тремя годами позже стал врачом Центрального управления больниц. С 1860 г. — профессор патологической анатомии в медицинских учреждениях Парижа, с 1862 г. до конца жизни работал в больнице Сальпетриер. В 1873 г. избран в Медицинскую академию, с 1883 г. — член Французской академии. Был хорошим лингвистом и прекрасно знал не только французскую литературу, но и литературы других стран. Был величайшим клиницистом и патологом. Много внимания уделил изучению неясно очерченных болезненных состояний, в частности истерии и ее связи с гипнотическим внушением. В Сальпетриер главным образом занимался исследованием нервных заболеваний, но, кроме того, опубликовал много важных работ о болезнях печени, почек, суставов и т.д. Полное собрание его сочинений в девяти томах вышло в 1886–1890 гг. Он был необычайно талантливым

педагогом и воспитал немало врачей-энтузиастов. Среди его учеников был и доктор З. Фрейд.
«Энциклопедия для всех», 1949 г., под ред. Ателстана Риджуэя.

торженных студентов. Я думаю, он видел, что я притворяюсь, — вот почему он так хитро улыбнулся и объявил, что я самая душевно здоровая англичанка, какую он когда-либо обследовал. Сейчас расскажу, как я вновь сюда попала.

В Гибралтаре Парень заставил меня ждать за дверью банка, пока он брал там деньги. Он вышел с той самодовольной беспечностью, которой я раньше так восхищалась, хотя теперь понимаю, что под ней одна пустота. Пока мы плыли в Марсель, он ко всякой еде заказывал вино. Раньше такого не водилось. Я-то не пила, у меня от одного глотка голова кружится, но он говорил, что без вина еда не еда и что французы пьют его все поголовно. В отличие от «Нежнейшей любви», этот пароход был пассажирский. Вечерами Парень играл с другими пассажирами в карты в углу кают-компании и приходил, когда я уже давно спала. В ночь накануне прибытия в Марсель он вернулся в каюту, насвистывая и приговаривая:

— Радость моя, голубка моя, птичка моя певчая, куропаточка, шотландский синий колокольчик, права ты была! Не азартные, а коммерческие игры — конек твоего мужчины.

Он пересчитал выигрыш и лег в постель головой куда надо, чего не бывало много дней. Я уже

предвкушала то, что он назвал нашим новым медовым месяцем, — и вдруг он заснул. Он, но не я. Я наперед знала, что случится, и понимала, что воспрепятствовать этому не могу.

Мы не поехали сразу из Марселя в Париж, а остановились в отеле, который присоветовал ему один из картежников на корабле. Тот же приятель привел его то ли в кафе, то ли в клуб, то ли в карточную школу, где он играл каждый вечер, пока я дожидалась его в отеле, чашку за чашкой поглощая шоколад и тоскуя над страницами «О законе народонаселения» Мальтуса. Парню понадобилось пять дней, чтобы спустить все, что у него было. Он перенес это лучше, чем я ожидала; вернувшись однажды вечером в отель, он сказал:

— Опять казни меня или милуй, Белл. Может быть, у тебя найдется чем расплатиться за отель, — я проигрался в пух. Но таким ты, кажется, больше меня любишь.

Мне не хотелось, Бог, пускать вход твои деньги без крайней нужды. Я положила в саквояж самое необходимое, прихорошилась сама, прихорошила Парня и пошла с ним прогуляться в сторону вокзала, где мы сели на ночной парижский поезд. Пока ждали отправления, Данкан раз или два порывался уйти, упрашивая меня отпустить

его в отель за несессером, где лежали щетки с серебряной инкрустацией, доставшиеся ему от отца. Но я сказала:

— Нет, Парень, ведь жить-то мы в номере жили. Будь доволен, что отель получит от нас хоть что-то взамен.

Я была так рада уехать из Марселя, что сладко проспала всю ночь, сидя прямо, как палка, на деревянной скамье во французском вагоне третьего класса.

Когда приехали в Париж, я поняла, что Парень за всю ночь глаз не сомкнул и вот-вот рухнет. Я потащила его по кривым улочкам на той стороне реки, что победнее, — там больше недорогих отелей, но все они были еще закрыты. На булыжной площадке, где сходились три переулка, я села сама и усадила его за столик кафе. Я сказала:

— Побудь пока тут, Парень. Я пойду на вокзал, откуда идут поезда на Кале, и куплю билеты. Через три дня мы будем в Глазго.

— Это невозможно — мое доброе имя безвозвратно погибнет. Мы ведь не муж и жена.

— Тогда, милый Данкан, вернемся в Глазго раздельно.

— Злодейка! Чертовка! Я ли не доказал, что люблю тебя и без тебя не могу? Расставание

разобьет мое сердце, — и так далее, и тому подобное.

— Ты же говорил, что хочешь побыть у каких-то знакомых в Париже. Помочь тебе это устроить?

— У каких еще знакомых?

— У мидинеток и зеленой малютки-феи.

— Ха-ха, от собственного пороха взлетел[22]*.*

Когда Парень не желает растолковывать свои странные речения, он прибегает к помощи других, не менее странных. В это время официант, готовивший кафе к открытию, спросил, нужно ли нам что-нибудь, и Парень сказал:

— Ун абсент.

Официант ушел и вернулся с рюмочкой, наполненной, как мне показалось, водой, и бокалом с водой же. Парень добавил несколько капель из бокала в рюмку и поднял ее на свет. Жидкость в ней стала мутновато-зеленой.

— Здравствуй, зеленая малютка-фея! — воскликнул он и опрокинул рюмку одним махом. Затем крикнул официанту «Ун отр!», положил руки на стол и уткнулся в них лицом. Тут из ближайшей двери под вывеской «Hôtel de Notre-Dame»

---

[22] Критические: 2.22

Это выражение означает «подорвался на собственной мине». Его употребил Шекспир.

вышел хорошо одетый человек.

— Посиди минутку, Данкан, — сказала я и заглянула внутрь.

Вестибюль был такой узкий, что стоявший посередине массивный стол красного дерева едва не делил его пополам. Входящим и выходящим приходилось протискиваться у стен. За столом сидела женщина, похожая на королеву Викторию, только моложе и дружелюбнее, опрятная, живая, маленькая толстушка в черном шелковом вдовьем платье.

— Вы говорите по-английски, мадам? — спросила я.

— Это мой родной язык, милочка, — ответила она с лондонским выговором, — и чем могу служить?

Я объяснила, что снаружи меня ждет один бедняга, которому совершенно необходим отдых, что у нас мало денег и почти нет багажа, поэтому нам нужен самый маленький и дешевый номер. Она сказала, что я попала как раз куда надо — комнатка будет стоить только двадцать франков за первый час, плата вперед, и двадцать за каждый дополнительный час или долю часа, их мы уплатим, когда будем уходить. Номер только освободился и будет готов минут

через десять-пятнадцать — а где же мой друг поджидает? Я сказала, глотает зеленых фей в соседнем кафе. Она спросила, не сбежит ли. Я, смеясь, ответила:

— Нет, а как бы хорошо!

Она тоже засмеялась и предложила скоротать время за чашкой кофе. Она сказала:

— Судя по вашему выговору, вы из Манчестера, а я уж сколько лет не беседовала по душам с простой и разумной английской женщиной.

Я вышла сказать Парню о знакомстве. Он посмотрел на меня туманным взором и проглотил еще одну зеленую фею. Я вернулась обратно.

Она сообщила мне, что когда-то звалась Миллисент Мун из Севен-дайелс{11} и мечтала заняться гостиничным делом, но лондонские правила не дают новичкам развернуться, поэтому она уехала в Париж, где их, наоборот, поощряют. В отеле «Notre-Dame» она вначале работала на самой низкой должности, но вскоре стала настолько незаменимой, что хозяин на ней женился, так что она стала мадам Кронкебиль, но я могу называть ее Милли. Она сама сделалась хозяйкой после франко-прусской войны, когда

{11} Примечания переводчика: 1.11

Севен-дайелс — один из сомнительных районов Лондона.

коммунары повесили Кронкебиля на фонаре из-за его международных симпатий. Она оплакала его кончину, но взялась за дело с ловкостью и сноровкой, которые понимающие люди очень ценят. Вообще с французами куда легче иметь дело, чем с англичанами. Англичане прикидываются честными и практичными, но на самом-то деле они все с вывертами. Только французы знают толк в главном — правда ведь? Я ответила:

— Не могу сказать, Милли. Главное — это что?

— Деньги и любовь. Что же еще?

— Жестокость.

Она засмеялась и сказала, что это очень по-английски, но люди, которые любят жестокость, должны за нее платить, и это доказывает, что любовь и деньги все равно на первом месте. Я спросила, что она имеет в виду. Она уставилась на меня и спросила, что я имею в виду. Я ответила, что боюсь рассказывать. Тут ее ласковость и веселость исчезли, и, понизив голос, она спросила, не причинил ли мне мужчина какого вреда.

— Нет, что вы, Милли, — мне-то за всю жизнь никто вреда не причинял. Я говорю о гораздо худшем.

Я вся дрожала и уже готова была заплакать,

но она взяла меня за руки. Это придало мне сил, и я рассказала ей о том, что случилось в Александрии. Теперь я и тебе, Бог, могу об этом рассказать, но это на столько важно, что я проведу вначале еще одну разделяющую черту.

Мистер Астли и доктор Хукер привели меня в отель где мы сидели среди хорошо одетых людей как мы сами за одним из столиков на веранде ели пили болтали а толпа полуголых людей детей большей частью смотрела на нас через пустое пространство где прохаживались двое мужчин с бичами я думала это игра такая веселая потому что многие в толпе развлекали тех кто на веранде кланяясь умоляя извиваясь всем телом смешно кривляясь пока кто-нибудь на веранде не бросал монетку или горстку монет в пыль тогда один или двое из кучи кидались падали хватали царапали землю вопили а люди за столиками смеялись или хмурились или отворачивались и тогда люди с бичами что стояли скрестив руки и прикидывались будто не видят вдруг просыпались и обрушивали на толпу удары рассекали ее что тоже вызывало смех а мистер Астли сказал потомки творцов сфинкса а доктор Хукер сказал этим и вправду сочувствуешь и показал на худенькую девочку слепую на один глаз с

большеголовым младенцем слепым на оба она одной рукой держала его у груди другую тянула вперед сжимала разжимала поводила ею туда сюда бессознательно как в трансе и я стояла в трансе потом двинулась к ней наверно мужчины кричали и последовали за мной я пересекла промежуток вошла в толпу нищих стала вынимать из сумки кошелек чтобы положить ей в руку но тут его кто-то схватил денег всегда недостаточно может это моя дочь была я встала на колени обняла ее и младенца подняла их пошла вслепую спотыкаясь назад среди увечных слепых детей стариков с гнойными язвами вопящих царапающихся давящих друг друга ради монет из разорванного кошелька я влезла на веранду служитель отеля сказал этим сюда нельзя я сказала я их беру с собой а мистер Астли сказал миссис Парринг ни портовая охрана ни капитан не позволят вам взять их на корабль а младенец хныкал и был весь мокрый но девочка вцепилась в меня другой рукой я уверена она поняла что нашла мать но нас растащили ИЗ ЭТОГО ДОБРА НЕ ВЫЙДЕТ взревел доктор Хукер меня в жизни так не оскорбляли не обижали как мог он сказать такое мне доброй как все люди до мозга костей ЭТО У МЕНЯ ДОБРА НЕ ВЫЙДЕТ? заорала я не веря

своим ушам но мистер Астли отчетливо сказал никак не выйдет и я попыталась закричать как ты закричал однажды Бог я хотела чтобы все вокруг в обморок попадали но Гарри Астли прижал к моему рту ладонь О радость о наслаждение вонзить в нее зубы.

Вкус крови меня отрезвил. Я к тому же была удивлена тем, что мистер Астли не скорчился и не застонал. Он только чуть нахмурился, но две секунды спустя весь побелел и потерял бы сознание, если бы доктор Хукер и я не отвели его в помещение и не усадили на диван в глубине вестибюля. Доктор Хукер велел принести горячую воду, йод и чистые бинты, но хотя у него диплом медика, именно я обмыла, перевязала рану и наложила жгут. Я также сказала Астли, что виновата перед ним. Вялым голосом он ответил, что чистая, нежданная телесная рана, при всей ее болезненности, — блошиный укус для выпускника Итона.

Пока мы ехали в экипаже обратно на пароход, я сидела молча и прямо, глядя только вперед, и слушала, что они говорили. Доктор Хукер сказал, что теперь мне должно быть понятно, какая великая задача стоит перед англосаксонской расой и почему Отец наш небесный сотворил загробную

жизнь, вознаграждающую человека за земные невзгоды. Но в то же время, сказал он, не следует преувеличивать тяжесть того, что мы видели. Отверстые язвы и тому подобное служат для тех, кто выставляет их напоказ, источником дохода, и нищие, как правило, живут лучше, чем честные труженики. Девочка и младенец притерпелись к своему состоянию, их нельзя назвать несчастными в нашем понимании — в Египте они, безусловно, живут и лучше, и свободнее, чем жили бы в цивилизованной стране. Он сказал, что восхищен тем, как быстро я оправилась от потрясения, вызванного страшным зрелищем, но не жалеет, что подверг меня этому потрясению, — отныне я буду мыслить как взрослая женщина, а не как ребенок. Мистер Астли сказал, что моя жалость была бы естественна и хороша, будь она направлена на несчастных из моей же среды, но, проявляясь беспорядочно, она лишь продлит страдания тех, кому лучше умереть. Передо мной только что предстала действующая модель едва ли не всякого цивилизованного государства. На веранде сидели правители и хозяева — богатство и образование, полученные ими от родителей, вознесли их выше всех прочих. Толпа нищих представляла завистливое и немощ-

ное большинство, удерживаемое на своем месте бичами тех, кто находится посередине, — они представляют полицию и бюрократию, сохраняющие общество неизменным. Пока они говорили, я сидела, стиснув зубы и кулаки, и еле удерживалась, чтобы не искусать и не расцарапать этих умных мужчин, которые отвергают заботу о беспомощных больных малолетних, используют религию и политику, чтобы самим спокойно оставаться выше этой боли, оправдывают с помощью религии и политики тех, кто сеет бедствия огнем и мечом, и как я могу все это прекратиться не знала, что мне делать.

— Я и теперь не знаю, — сказала я Милли, улыбаясь сквозь слезы. — Поскорей надо вернуться к Богу за советом. Но я не могу вернуться, пока не избавлюсь от этого бедолаги, который ждет снаружи.

— Давайте его сюда, — сказала Милли решительно. — Ваш номер готов, так что ведите его наверх, угрохайте его там живенько, и мы еще потолкуем. У вас слишком доброе сердце, милочка, для этого гадкого мира. Вам необходим совет чуткой, искушенной женщины, которой можно доверять.

Я подумала, что странное словечко «угро-

хайте» означает просто «уложите его спать», вышла и вижу — Данкана нет! На столике стояли четыре пустые рюмки из-под зеленых малютокфей, ко мне подскочил официант, которому не было заплачено, но Парень мой испарился.

Я вернулась к Милли. Она налила еще по чашечке кофе и спросила, где я познакомилась с этим мужчиной и почему я путешествую по Парижу почти без багажа. Я объяснила. Выслушав, она сказала:

— Очень умно было с вашей стороны, милочка, провести приятный долгий медовый месяц с другом прежде, чем вы выйдете замуж за достойного человека. Слишком многие бросаются в замужество, совершенно ничего не зная о том, что им предстоит отдать и получить. Но этот Парринг явно уже выжатый лимон. Вы будете гораздо лучшей женой своему мужу, если теперь испробуете некоторое разнообразие.

Этот отель, объяснила она, того сорта, что лондонцы называют публичными домами: посетители-мужчины платят здесь за парьбу с совершенно незнакомыми женщинами в течение часа или того меньше. В Британии публичные дома запрещены, но во Франции любая здоровая и разумная девушка может получить разрешение

на такую работу или поступить в легальное заведение вроде того, где я нахожусь.

— Как это незнакомые люди так быстро спариваются? — спросила я изумленно, и она ответила, что многие мужчины предпочитают незнакомых, потому что не могут спариваться с теми, кого хорошо знают. Большинство ее посетителей — женатые люди, а у некоторых есть еще и любовницы. Получается, что я как раз была Парню любовницей, хотя в Париже они называются мидинетками.

— Наверняка он кого-то себе нашел, пока там сидел, — сказала она. — Заведения постоянно несут убытки из-за непрофессионалок; если бы не любовь к своему делу, я бы давным-давно ушла на покой. Не думаю, что вы захотите остаться здесь навсегда, но многие брошенные женщины зарабатывают у меня достаточно, чтобы вернуться к Богу.

— Но не к моему Богу, — заметила я.

— Конечно нет, милочка. Я о католичках говорю.

Тут ворвался Парень. Он был в одном из своих диких состояний и потребовал разговора со мной наедине.

— Бы этого хотите, милочка? — спросила

Милли.

— Конечно! — ответила я.

С очень сухим выражением лица она отвела нас наверх, в эту прелестную комнатку, и там сказала (Парню):

— Из уважения к вашей подруге я не требую платы вперед, хотя это у нас принято; но если она каким-либо образом пострадает, вам придется заплатить столько, что не приведи Господь.

Это было сказано очень французским тонам.

— А? — переспросил Парень с видом столь же смущенным, сколь и диким.

Более лондонским тоном она сказала:

— Запомните, туту стен есть уши, — и ушла, закрыв за собой дверь.

Он принялся расхаживать взад и вперед, произнося монолог, который звучал скорее по-библейски, чем по-шекспировски. Он говорил о Боге, о своей маме, о потерянном рае домашнего очага, об адском пламени, о вечном проклятии и о деньгах. Он сказал, что, украв у него пятьсот фридрихсдоров, я прервала цепь его удач, помешала ему разорить игорный дам и обманом избежала брака. Моя кража лишила бедняков значительных сумм, которые он собирался пожертвовать церкви и благотворительным организациям,

лишила нас с ним дома в Лондоне, яхты на Средиземном море, охотничьих угодий в Шотландии и особняка в Царстве Небесном. И теперь, когда он больше не хочет жениться, когда он хочет, чтобы нас с ним разделяла пропасть шире самого Ада, он прикован жалкой нищетой к злодейке, которая низвергла его в Ад, прикован к женщине, к которой он теперь не испытывает ничего, кроме ненависти ненависти ненависти ненависти ненависти — презрения, отвращения и ненависти.

— Данкан, смотри, — радостно воскликнула я, распарывая подкладку жакета, — удача к тебе вернулась! Здесь банкноты Банка Клайдсдейла и северной Шотландии на пятьсот фунтов стерлингов — это то же самое, что пятьсот фридрихсдоров. Бог дал их мне, потому что знал, что непременно случится что-нибудь в этом роде, и я хранила их до крайней нужды, которая теперь и настала. Возьми их все! Возвращайся в Глазго, к твоей маме, к служанкам, которые оценят твою мужскую силу лучше, чем я, в любую церковь, какая только тебе приглянется. Будь снова свободен как птица — лети от меня прочь!

А он, вместо того чтобы обрадоваться, попытался проглотить банкноты и одновременно выброситься из окна, но не сумел его открыть и

ринулся в дверь, норовя нырнуть в пролет лестницы головой вперед.

К счастью, Милли подслушивала нас из соседней комнаты (в стенах этого отеля полно отверстий) и вовремя позвала на помощь работающих у нее женщин. Они навалились на него и влили ему в глотку ровно столько коньяку, сколько было нужно. Не так-то просто было посадить его на поезд до Кале. Как выяснилось, он вовсе не желал со мной расставаться, но сообща работа спорится, и мы его отправили. Милли уговаривала меня оставить у себя большую часть из пятисот фунтов, но я отказалась: Парень любит деньги куда сильней моего, и должен же он был получить награду за всю мою с ним парьбу. Теперь, сказала я, я буду зарабатывать на жизнь собственным трудом, чего никогда раньше не делала.

— Ну что ж, если вы этого и вправду хотите, милочка, — отозвалась она.

И вот я здесь.

18. Париж — Глазго: *возвращение*

*Я больше не паразитирую! Вот уже три дня я зарабатываю себе на жизнь, делая свое дело насколько могу быстро и хорошо — не ради удовольствия, а ради денег, как большинство людей. По утрам я засыпаю, довольная тем, что угрохала сорок человек и заработала четыреста восемьдесят франков. Меня удивляет моя популярность. Конечно, Белл Бакстер — женщина великолепной наружности, но, будь я мужчина, тут нашлась бы для меня по меньшей мере дюжина еще соблазнительней: аппетитные пышечки, грациозные газели, темпераментные смуглянки. Милли рекомендует меня в нашей брошюре как «прекрасную англичанку (*la belle Anglaise*), которая сполна вознаградит вас за все тяготы (*travail*) Азенкура и Ватерлоо». Она следит за тем, чтобы я имела дело только с французами, потому что, говорит она, меня может смутить встреча с кем-либо из клиентов-англичан в последующей жизни. Их тоже, вероятно, она может смутить! По выходным дням их тут полным-полно — они*

требуют особых услуг от некоторых из наших девушек, которые в свободное время работают в «Комеди Франсез». Вчера вечером я наблюдала в окошечко за очередным представлением. Нашим клиентом был месье Заголизад — он всякий раз приезжает в экипаже, с черной маской на лице, которой не снимает никогда, хотя снимает все остальное. У него очень изощренные желания, за исполнение которых он платит бешеные деньги: сначала с ним надо обращаться как с младенцем, потом — как с новичком в школе-интернате, потом — как с юным солдатом, взятым в плен дикарями. Его вопли совершенно несоразмерны с тем, что с ним делают в действительности.

Моя лучшая подруга здесь — Туанетта, она социалистка, и мы часто говорим об усовершенствовании мира, особенно в том, что касается отверженных, как называет этих людей Виктор Гюго, хотя Туанетта считает, что у Гюго взгляд на мир tres sentimental[{12}] *и что мне надо прочесть романы Золя. Обо всем этом мы беседуем в соседнем кафе — Милли Кронкебиль говорит, что нечего вмешивать политику в гостиничное дело. Вся умственная жизнь Парижа сосредоточена*

{12} Примечания переводчика: 1.12
Слишком сентиментальный *(франц.)*.

в кафе, и в нашей части города (тут находится и университет) есть кафе, посещаемые писателями, художниками и прочей ученой публикой, причем профессора ходят в одни кафе, а революционеры — в другие. Наше кафе посещают главным образом революционно настроенные hôteliers{13}*, которые говорят, что богатых заставит раскошелиться только* bouleversement *de la* structure totale{14}.

Продолжу после. Кто-то пришел.

Дописываю письмо в прекрасном кабинете, где пахнет дезинфекцией и кожаной обивкой — прямо как дома. Сегодня мне внезапно пришлось покинуть «Notre-Dame» после двух часов жуткого смятения. А все дело в моем невежестве — придет ли ему когда-нибудь конец?

По очевидным причинам мы по утрам вставали поздно, но сегодня Милли постучала мне в дверь в начале девятого и сказала, что я мигом должна спуститься вниз, в Международный салон, где врач осматривает всех девушек «Раненько», — ворчит про себя Белл, но вслух говорит:

{13} Примечания переводчика: 1.13
Содержатели отелей *(франц.)*.

{14} Примечания переводчика: 1.14
Коренной общественный переворот *(франц.)*.

— Иду, Милли. А что это за врач?

— Врач от муниципалитета, он следит за соблюдением норм здравоохранения. Не надевайте ничего, кроме халата, милочка, и все кончится в момент.

И я встала в очередь, заметив, что на многих девушках нет ничего, кроме чулок и ночной рубашки. Все, кто еще не заходил за ширму, были тише и угрюмее, чем обычно, и, желая их подбодрить, я сказала, что очень мило со стороны муниципалитета следить за нашим здоровьем и что врач, надо полагать, пропишет Туанетте (она стояла впереди меня) что-нибудь против мигрени. Это и вправду их подбодрило — они захихикали и назвали меня шутницей, чем я была удивлена. Зайдя за ширму, я увидела неприятного коротышку со злобным лицом, который рявкал на бедную Туанетту: «Шире! Шире!» — как сержант на новобранца. Она лежала на кушетке, разведя ноги в стороны, а он всовывал какую-то штуку наподобие ложки в ее любовное углубление, или вагину, как его называют латиноязычные; за ложкой, казалось, вот-вот туда влезут его нос и густые усы. Это явно было единственное место, которое его интересовало, потому что секунду спустя он произнес:

— Ффу! Можешь вставать.

— Я к нему и близко не подойду! — сказала я твердо. — Никакой он не врач. Врачи добрые и заботливые, им важен весь пациент, а не одна какая-то часть тела.

Общий гвалт. Пол-очереди или больше попадало со смеху.

— Ты что, лучше других? — возмутились остальные.

— Хотите, чтобы он у нас лицензию отобрал? — накинулась на меня Милли.

— Психически больная! — взревел врач. — Заразные мужские отростки — милости просим, и чем больше, тем лучше, а медицинский зонд в руках специалиста нам, видите ли, не нравится. Да нет, она не сумасшедшая — просто ей есть что скрывать, этой англичанке.

Тут-то я и узнала впервые о венерических болезнях.

— Мне очень жаль, Милли, но я не могу больше здесь работать. Вы ведь знаете, я помолвлена. А это врачебное обследование и нечестно, и бесполезно. Когда ваши девушки только начинают, они здоровы, так что распространяют болезни не они, а клиенты. Клиентов-то и надо обследовать, прежде чем мы впускаем их в себя.

— Клиенты никогда этого не позволят, да и во всей Франции тогда не хватит врачей.

К этому времени мы уже были с ней одни в вестибюле.

— Тогда научите девушек обследовать клиентов перед парьбой — сделайте это частью ритуала, — предложила я.

— Опытные так и поступают, но я не могу тут курсы для новеньких открывать. Из наших доходов, кроме жалованья, я должна платить за аренду, газ, мебель, давать взятки полиции, да еще чистых пятнадцать процентов причитается адвокату. Так что если моя месячная прибыль окажется меньше пятнадцати процентов, меня выкинут отсюда tout de suite{15}*, и я умру одинокой, несчастной старухой.*

Тут, несмотря на внушительные формы и сходство с королевой, она заплакала, как худенькая девочка, и я поняла, что нужны утешения, поцелуи и страстные объятия. Я отвела ее наверх, в ее спальню, а Туанетта заступила место за столом.

Но что я ни делала, она не успокаивалась. Она сказала, что ненавидит Париж и французов,

---

{15} Примечания переводчика: 1.15

В два счета *(франц.)*.

что долгие годы пытается вернуться в Англию. Она мечтает купить пансион в Брайтоне и завершить жизнь пристойными англиканскими похоронами, но всякий раз, как ей удается скопить немного денег, какое-нибудь происшествие вроде сегодняшнего оставляет ее ни с чем, поэтому ей не вырваться из Парижа никогда — ее труп будет лежать на каменном полу в городском морге на берегу Сены, и вода, подтекающая из какого-нибудь ржавого крана, будет размывать ее косметику. Она произносила и другие волнующие, трагические, отчаянные слова, которые своей безоглядностью разрывали мне сердце. Она сказала:

— Никакого между нами нет равенства — я только пятая у вас. Первым идет таинственный опекун, потом — жених-деревенщина, потом — распущенный Парринг, потом — бесчувственный Астли. С самого раннего детства я молю Бога о подружке, но Бог меня ненавидит. Едва входит в мою жизнь какое-нибудь прелестное, милое существо, вдруг — бац бум крак, летит прочь, не оставив ничегошеньки, кроме треклятого густого теста.

Я сказала, что никакому богу и в голову не придет ее ненавидеть; что ей нужно думать о моих

нежных объятиях, а не о каком-то непонятном тесте[23]*; что я всегда буду вспоминать о ней с любовью; а сколько же я заработала денег? На третий класс до Шотландии, должно быть, хватит?*

— Вы заработали меньше чем ничего, — ответила она. — Я отдала этому врачу из полиции весь ваш заработок, да еще от себя добавила, чтобы помочь ему забыть, как вы оскорбили его профессиональную честь. Французы очень заносчивы. Не дай я ему денег, он отобрал бы у меня лицензию и мы все остались бы без работы.

Я вдруг почувствовала себя такой продрогшей и усталой, что и слова не смогла вымолвить. Пошла к себе в комнату, оделась, уложила вещи, спустилась вниз, поцеловала Туанетту, опять же молча (а она разрыдалась в голос), и покинула «Hôtel de Notre-Dame» навсегда.

У меня было несколько франков из денег, на которые мы с Парнем приехали в Париж. Их хватило на экипаж до Сальпетриер, а что осталось, я отдала швейцару вместе с запиской для передачи лично профессору Шарко. В записке говорилось, что Белла Бакстер, племянница мистера Боглоу

---

[23] Критические: 2.23

Белла не поняла выговор мадам Кронкебиль. Несчастная дама, вероятно, сказала «пустого места».

Бакстера из Глазго, находится в вестибюле и просит о встрече с ним при первой возможности. Швейцар вскоре вернулся и сказал, что профессор будет занят еще час или чуть больше, но если я согласна подождать в его кабинете, секретарь подаст мне кофе. И меня провели в комнату, где пахнет в точности как в твоем кабинете на Парк-сёркес.

ПРОФЕССОР
ЖАН МАРТЕН ШАРКО

Поправка: Гравюра изображает не профессора Жана Мартена Шарко, а графа Робера де Монтескье-Фезенсака.

Когда Шарко наконец появился, он поначалу был очень приветлив:

— Бонжур, мадемуазель Бакстер, — единственная совершенно нормальная англичанка! Как поживает мой необъятный друг Боглоу? Чему я обязан нежданной радостью вашего появления здесь?

Я рассказала. На это ушло немало времени, потому что он задавал вопросы, желая знать всю подноготную, и чем дальше, тем он становился серьезнее. Наконец он отрывисто сказал:

— Вам нужны деньги.

На возвращение в Глазго, объяснила я, откуда мой опекун вернет ему долг переводом. На это он ничего не ответил — все сидел и сидел, хмуря брови и барабаня пальцами по столу, пока я не встала, не поблагодарила его за внимание и не попрощалась.

— Нет, нет. Простите мою задумчивость; вам нужны деньги, и вы их получите — достаточно, чтобы с удобствами вернуться в Шотландию когда захотите, но сегодняшний вечер вы проведете

в моем доме на правах гостьи. И не благодарите меня. Вы предпочитаете заработанные деньги подаркам. Очень хорошо. Вы получите их в уплату за помощь, подобную той, какую вы мне уже однажды оказали. Слушайте же!

Сегодня вечером я выступаю перед маленькой, воистину избранной аудиторией — герцогом Германтским (человеком подлинно высокой культуры) и еще двумя-тремя лицами, чьи имена ничего вам не скажут. Это политики — искатели острых ощущений, которые любят строить из себя интеллектуалов. В конечном счете выступление принесет науке пользу, привлекая к моим исследованиям внимание людей, распоряжающихся денежными фондами. Сегодня я опрашиваю под гипнозом одну крестьянку, религиозную истеричку, не столь, увы, интересную, как Жанна д'Арк или вы, мадемуазель Бакстер. Я попрошу вас оживить вечер рассказом (под гипнозом, разумеется, и в ответ на мои вопросы) кое о чем из того, что вы мне сейчас поведали.

— О чем же именно? — спрашивает Белл.

— Расскажите им, как вы радовались жизни, пока не увидели Александрию, какое положительное наслаждение доставляло вам существование, не омраченное чувством вины и страхом смерти.

Расскажите им в вашей чудесной неакцентированной манере, как на вас подействовал вид несчастных детей, и, Бога ради, не сдерживайте слез. Расскажите, как вы излили душу вашему спутнику и какое действие произвел на вас вкус его крови. Опишите, наконец, ваш нынешний взгляд на состояние человечества. Будьте кем вам вздумается — социалисткой, коммунисткой, анархисткой, — честите буржуазию, денежных ту зов, аристократию, не щадите даже королевских фамилий! Знаете вы что-нибудь о королевских фамилиях?

— Мне говорили, что королева Виктория — самовлюбленная старая дама.

— Прелестно! Это им понравится. Я буду перемежать ваши слова своими комментариями на беглом французском; не обращайте на них внимания. В конце концов, вы ведь будете в гипнотическом трансе.

— Вероятно, вы им скажете, что моя жалость к несчастным людям вызвана не находящим выхода материнским чувством?

— Вы это понимаете? Так вы психолог! — воскликнул он со смехом. — Но не говорите этого сегодня вечером! В основе общества лежит разделение труда. Я лектор, вы — иллюстративный

материал. Почтенная публика будет недовольна, если кто-нибудь, кроме великого Шарко, будет высказывать суждения. Кстати, я обещаю сохранить в тайне ваше имя. И можете не называть имен ваших друзей. Как-никак вы ведь англичанка. Сдержанность у вас в крови, и всем известно, что под гипнозом с человеком нельзя ничего сделать против его воли. Ну как?

Стало быть, сегодня вечерам я вновь буду ему ассистировать, а завтра отправлюсь домой, но письмо отошлю сегодня, чтобы ты знал, что Белл, которая к тебе возвращается, — уже не та сомнамбулическая искательница наслаждений, что сбежала с бедным старым Парнем. Ты должен еще мне ответить на трудные вопросы. Ты должен мне объяснить, как делать добро и не паразитировать. И Свечке это объясни, ведь раз он и Белл скоро соединятся на всю жизнь, они будут трудиться бок о бок. Передай моему милому Свечке: его свадебный колокол-Белл больше не думает, что он должен делать все, о чем она трезвонит. Передай ему также, что в одном Милли Кронкебиль была не права: я не буду ему лучшей женой из-за разнообразия, испробованного в «Notre-Dame», разве что ему понравится видеть меня лежащей пластом и ошеломленно бормо-

чущей «Formidable!»{16} *на разнообразные голоса.*

А пока всего самого-самого лучшего вам обоим
От той, кого вы любите, —
Дин-дон-Белл.

P.S. Поласкайте за меня кошечек, погладьте собак, поцелуйте Мопси и Флопси.

— Ну, Свечка, — сказал Бакстер, положив письмо и улыбнувшись мне, — тебя не страшит предстоящее возвращение этой поистине *сногсшибательной* партнерши? Вспомни о судьбе Данкана Парринга!

Я был слишком обрадован, чтобы обижаться на его покровительственные шуточки. Мое сердце билось учащенно. Железы внутренней секреции выбрасывали в кровь соки столь возбуждающие (я *чувствовал*, как они это делают!), что мышцы мои расширились и я ощутил в себе силу нескольких здоровых мужчин.

— Нет, Бакстер! Меня не страшит ничего, что исходит от моей Беллы. Она добрая женщина и превосходно разбирается в людях. Стоит ей пожать кому-нибудь руку, и она уже проникла в тайники его души. В Парринге она почувствовала самовлюбленного, распаленного самца и повела

{16} Примечания переводчика: 1.16
Сногсшибательно! *(франц.).*

себя с ним в точности так, как он хотел. По глупости своей он возжелал беспрерывных восторгов. Не ее вина, что этого не может выдержать никакой организм. Я — девственник. Мои восторги с ней будут чередоваться с более мягкими и умеренными проявлениями чувства. Главный удар примешь ты, Бакстер. Если ты не объяснишь ей, как мистер и миссис Свичнет могут усовершенствовать мир, ты ее горько разочаруешь и наш брак расстроится. Тебя-то все это не страшит?

— Нет. Я покажу вам пути совершенствования мира, ясно обозначаемые вашими характерами и склонностями… Что это там?

Время было чуть после полуночи. Как и в ту ночь, когда Белла нас покинула, шторы были раздернуты и в окно светила луна, которую время от времени закрывало несущееся облако. Мы услышали, как внизу в замке повернулся ключ, открылась и закрылась входная дверь, услышали легкие быстрые шаги по ступенькам. Я поднялся ей навстречу, дверь кабинета распахнулась; Бакстер остался сидеть. Она стояла передо мной с похудевшим и резче, чем раньше, очерченным лицом, но с такой же восхищенной и восхитительной улыбкой. Ее дорожный жакет был расстегнут, и я увидел распоротую и вновь

зашитую подкладку, увидел на лацкане мою жемчужинку. Белла рассмеялась, проследив за моим взглядом, а потом сказала:

— Как хорошо, что вы оба еще не спите и в комнате ничего не изменилось — кроме вот этого. Тут что-то новенькое.

Она подошла к камину и принялась разглядывать стоящую на нем хрустальную вазу с крышкой. В ней хранились наши «затычки».

— Любви вещественный залог! — вскричала она. Сняв крышку, взяла одну, разгрызла в порошок крепкими белыми зубами, проглотила и, распахнув нам навстречу объятия, воскликнула:

— О Бог мой и Свечка моя, как приятно вернуться домой, но что у вас там внизу имеется съестного? Сластями голодную женщину не накормишь. Этому меня научил Данкан Парринг, как и тому, что означает шрам у меня на животе.

Это повернуло ее мысли в другую сторону. Вдруг она пристально посмотрела на Бакстера, черты ее лица еще больше заострились, зрачки увеличились на всю ширину радужных оболочек.

— Где мой ребенок, Бог? — спросила она.

19. Моя самая короткая глава

НЕ ПОЯВИСЬ БЕЛЛА ТАК СКОРО ВСЛЕД за письмом, Бакстер, я думаю, подготовил бы ответ на этот вопрос; но, прозвучав неожиданно, он вызвал в моем друге ужасную перемену. Не знаю даже, отхлынула кровь от его пергаментно-желтого лица или прилила к нему в две секунды оно сделалось серо-лиловым. Капли пота, внезапно его усеявшие, не стекали вниз, а летели во все стороны, потому что Бакстер даже не дрожал — он вибрировал. Его мешковатая одежда оставалась неподвижной, но контуры ботинок, ладоней и головы стали размытыми, как линия звучащей гитарной струны. И все же он ей ответил. Из скорбной расселины в огромной, смутно очерченной голове послышался тягучий, гулкий, металлический голос; каждое слово, оставаясь слышным, приглушалось собственным эхом.

— СОБЫТИЯ. ИЗ-ЗА. КОТОРЫХ. У. ТЕБЯ. В. ГОЛОВЕ. ПОЯВИЛАСЬ. ТРЕЩИНА. ТАКЖЕ. ЛИШИЛИ. ТЕБЯ. ТВОЕЙ… ТВОЕЙ… ТВОЕЙ… ТВОЕЙ…

Тишина. Его рот силился произнести слово, но

воздуха не хватало. Сквозь щель между зубами я увидел язык, поднятый к нёбу, и понял, что слово начинается с «ж» — *жизни*. Половина его мозга пыталась поведать Белле правду о ее происхождении, другая половина, подобно мне, страшилась этой попытки.

— Твоей *дочери*, Белла! — крикнул я. — Удар, из-за которого ты потеряла память, убил *ребенка* у тебя в чреве!

Бакстер застыл в совершенной неподвижности, глядя на нее глазами, полными ужаса, и широко раскрыв рот. Я тоже замер. Вздохнув, она мягко сказала: «Этого-то я и боялась», — и улыбнулась Бакстеру так ласково, словно и не катились по ее щекам слезы. Потом села на его колено, обняла его за талию, насколько хватило рук, положила голову ему на грудь и, похоже, заснула. Он тоже закрыл глаза, и лицо его постепенно вернуло свой обычный цвет.

Некоторое время я смотрел на них, чувствуя и облегчение, и ревность. Наконец сел подле Беллы, обхватил руками ее талию и склонил голову ей на плечо. Она спала, видно, не очень крепко, потому что пошевелилась, чтобы дать мне устроиться получше. Довольно долго мы трое оставались в этом положении.

9
10
11

20. Бог отвечает

ПРОШЕЛ, МОЖЕТ БЫТЬ, ЧАС. ЗЕВНУВ И распрямившись, она вывела нас из забытья. Произошедший затем разговор начался в кабинете. Завершился он за кухонным столом, где Белла уничтожила большую часть холодного вареного окорока с хлебом, сыром и пикулями, запив все это двумя или тремя огромными чашками сладкого чая с молоком. Хоть я и знал, как быстро она оправляется от душевных потрясений, впервые при мне это произошло так физически, так телесно. Ее лицо уже не было ни осунувшимся, ни изможденным, щеки округлились, лоб разгладился, с посвежевшей кожи исчезли морщинки. Только что она выглядела на любой возраст от двадцати пяти до сорока, теперь же — на любой возраст от двадцати пяти до пятнадцати. И неужто мой трезвый научный глаз был ослеплен любящим взором, который она на меня кинула? Наверняка нет, но все же клянусь, не только ветчина и чай разглаживали на ее лице следы усталости и напряжения. Ее глаза насыщались нашими лицами, уши и мозг перерабатывали

наши слова в вещество ее мысли, укрепляли ее душу так же стремительно, как зубы и желудок укрепляли тело, расправляясь со съестным. Между кусками и глотками она говорила очень дельные вещи, дав толчок обсуждению, определившему ее будущую карьеру, да и мою тоже, а вдобавок — день нашей свадьбы. Все-таки лучи, исходившие от Беллы, слегка на меня подействовали. Я говорил, наверно, столько же, сколько она и Бакстер, вместе взятые, но не помню из сказанного мной почти ничего. Правда, отчетливо помню начало беседы.

Белл спросила:

— Бог, почему ты потел, заикался и дрожал, когда я хотела узнать о моем ребенке? Боялся, что ответ сведет меня с ума?

Бакстер кивнул с такой силой, что мы испугались за его шею. Она сказала:

— Я это хорошо понимаю. Когда я от вас сбежала, я была ребенком — как бы *ты* объяснил девочке Белл Бакстер, что она потеряла собственную девочку? К тому же ты ведь не знаешь, кто был ее отцом. Ты сделал меня сильной и уверенной в себе, Бог, научив меня многому, что есть на свете прекрасного и могущественного, и показав мне, что я тоже такова. Ты слишком здоров ду-

шою, чтобы рассказывать ребенку о безумии и жестокости. Я должна была узнать об этом от людей, которые сами безумны и жестоки. Я поняла, что в мире что-то неладно, когда Парень сказал мне, что я была матерью. Я поняла, что моей дочке могло быть очень, очень плохо, когда доктор Хукер самодовольно показал мне на маленькую несчастную девочку и слепого младенца. Когда мистер Астли объяснил мне, как нации богатеют из-за детской смертности, я поняла, что она, может быть, умерла, и я стала чуть ли не желать этого, когда узнала, побыв у Милли Кронкебиль, как используют одиноких и слабых женщин. Ты *ни в чем* не виноват, Бог, ни в чем, что касается меня. Но ведь правда, ты знаешь, как страдают слабые, и тебе это ненавистно?

— Да.

— Ты когда-нибудь пробовал это исправить?

— Никогда, — ответил Бакстер мрачно, — правда, было время, я пытался облегчить людские страдания, помогая покалеченным рабочим на сталелитейном заводе в Блокерне и в паровозных мастерских «Сент-Роллокс».

— Почему же перестал?

— Потому что я эгоист, — сказал Бакстер, вновь начиная потеть и вибрировать, — и потому что

нашел тебя. Твоя любовь мне была гораздо нужнее, чем жертвы тяжелой промышленности с их ожогами и переломами.

Белла погасила его волнение мягкой смущенной улыбкой; смущение прозвучало и в тоне ее голоса:

— Милый мой Бог, сколько же добра я помешала сделать одним лишь своим существованием! Прав был Гарри Астли — слишком много людей живет на свете, и слишком многие из них избалованы вроде меня. Пора нам начать тратить твои деньги с толком, Бог. Поедем-ка в Александрию, разыщем ту девочку и ее братца и привезем сюда.

— Нет нужды ехать так далеко, Белл, — сказал Бакстер со вздохом. — Завтра мы можем с тобой пройтись от Глазго-кросс по Хай-стрит. По правую руку ты увидишь железнодорожные депо и пакгаузы, выстроенные на месте старого университета — того самого, где Адам Смит создал свой знаменитый труд о богатстве народов и свой позабытый труд об общественной симпатии. По другую сторону там стоят обычные жилые здания с магазинами в первом этаже, а позади них — зловонные, перенаселенные доходные дома, где тебе встретится ничуть не меньше сгрудившегося

несчастья, чем под солнцем Александрии. Там есть закутки, где сто и больше людей берут воду для питья и стирки из единственного крана, есть комнаты, где в каждом углу ютится целая семья. Самые обычные болезни там — дизентерия, рахит, туберкулез. Там ты сколько хочешь найдешь несчастных девочек. Скажи родителям, что ты собираешься воспитывать из них служанок, и они будут на коленях тебя благодарить за избавление от обузы. Приведи сюда шесть девочек. С помощью миссис Динвидди тебе, может быть, удастся за три-четыре года научить большинство из них убирать комнаты и стирать белье. Для того чтобы научить их чему-нибудь еще, ты сама слишком невежественна.

Сжав руками голову, Белла воскликнула:

— Ты говоришь, как Гарри Астли! Бог, ты тоже хочешь сделать из меня циничную паразитку? Ты тоже думаешь, что моя ненависть к страданию — это всего-навсего не находящее выхода материнское чувство?

— Я думаю, что, начав сейчас брать на воспитание детей, ты не сможешь никого научить независимости.

— А как этому научить?

— Надо самой научиться быть независимой

— независимой и от меня, и от Свечки, выйдешь ты за него замуж или нет. Тебя не пугает упорный труд — не в борделе, конечно?

— Ты же видел, как я упорно трудилась, помогая больным зверюшкам в нашем лазарете.

— Но теперь ты хочешь помогать бедным больным людям.

— Да, ты знаешь, что хочу.

— Готова ли ты изнурять тело и мозг, работая в мрачных местах, где мужество нужно не меньше, чем трезвый расчет?

— Я невежественна и сбита с толку, но я не дура и не трусиха. Дай мне работу, где я истрачусь вся!

— Тогда ты сама знаешь, кем должна стать.

— Не знаю — скажи!

— Если ответ еще не созрел у тебя внутри, — сказал Бакстер угрюмо, — то мне давать его бесполезно.

— Хоть намекни.

— Для этой работы тебе потребуются тяжкое ученье и годы практики, но твои близкие друзья помогут тебе и в том, и в другом.

— Я стану врачом.

Ее лицо было мокро от слез, его — от пота, но они улыбались и кивали друг другу с таким пол-

ным пониманием, что я чуть ли не завидовал им, хотя в течение всего разговора ладонь Белл лежала в моей. Видимо, она почувствовала во мне эту зависть, потому что, поцеловав меня, сказала:

— Представь себе, сколько лекций, Свечка, ты мне прочтешь и как внимательно мне придется слушать!

— Бакстер знает куда больше меня, — отозвался я.

— Это так, — сказал Бакстер, — но всего я никогда никому не расскажу.

* * * * * * * * * * * * * * *

Звездочки отделяют подробную запись начала беседы от краткого изложения дальнейшего.

Бакстер сказал, что в Британии сейчас работают только четыре женщины-врача, все с дипломами иностранных университетов; но благодаря закону о расширении прав 1876 года и деятельности Софии Джекс-Блейк медицинский факультет Дублинского университета уже открыл двери для женщин, и шотландские университеты, видимо, вскоре последуют его примеру. Пока что он, Бакстер, вновь примется за работу в палатах для бедных лечебницы восточного Глазго, если

Белла поступит туда сестрой-ученицей. Если дела у нее пойдут успешно, он добьется, чтобы ей разрешили ассистировать ему в операционной. Поэтому, когда она наконец начнет учиться в медицинском колледже в Дублине или Глазго, лекции не будут для нее только упражнениями по запоминанию, как для большинства студентов первого курса. Он сказал, что всех лечащих врачей и хирургов следует набирать из низшего персонала или, по крайней мере, они должны начинать с этой работы. Тут он принялся яростно доказывать, что обучение британца любой профессии следует начинать с ручного труда, и нам стоило немалых усилий вернуть его к теме разговора.

Потом он спросил Беллу, кем она хочет стать — врачом общей практики или специалистом. Она ответила, что хочет помогать попавшим в беду юным девушкам, роженицам и проституткам. Он сказал, что это хорошая мысль, потому что сейчас почти все, кто работает в этой области, имеют иное, нежели пациентки, устройство половых органов. Белл заявила, что собирается учить всех женщин, которые к ней обратятся, самым современным и действенным способам предохранения. Мы с Бакстером в один голос посоветовали

ей держать это намерение в тайне до тех пор, пока она не будет в состоянии его осуществить. То, что говорится пациенткам в тиши кабинета, не столь чревато опасностью общественного скандала. Если же она хочет публично ратовать за ограничение рождаемости, ей следует сначала поработать дипломированным клиницистом по меньшей мере пять лет. Она согласилась лишь после того, как мы пообещали, что этот срок будет определять она сама, и никто другой.

Потом Бакстер обратился ко мне и сказал, что друзья отца держат его в курсе моих успехов на медицинском поприще. Я вырос в хорошего диагноста и инфекциониста с порядочным знанием гигиены, обеспечивающей правильную работу человеческого организма. Это именно те качества, которые требуются от инспектора городской санитарной службы, и он рассчитывает, что я изберу эту стезю. Важнее предупреждать болезни, чем их лечить. Самые большие благодетели города — это люди, которые улучшают в нем водоснабжение, канализацию и освещение, короче, условия жизни. Но есть у него и личная причина, чтобы желать для меня этой должности. Когда Белла наконец возглавит собственную клинику (а он употребит все свое состояние, чтобы ее со-

здать), поддержка влиятельного представителя городских властей будет ей очень полезна. Этот довод меня убедил.

Я заговорил о нашем браке и высказал пожелание, чтобы он состоялся как можно раньше. Белла ответила, что вначале должна выяснить, не заразилась ли она у мадам Кронкебиль венерической болезнью. Бакстер сказал, что шести недель полового карантина будет достаточно, потом объявил, что устал, отрывисто попрощался и ушел наверх. Мне стало ясно: мысль о том, что Белла выходит замуж за меня, а не за него, все еще причиняет ему боль. Я поделился с ней своим наблюдением, но она только рассмеялась. Нет, она этого не оспаривала — просто расценила как чудачество, которое у него скоро пройдет. Это была единственная область, в которой моя дорогая Белла была нечувствительна к чужой боли. Но когда у нас родились дети, я понял, что блаженная бесчувственность младших по отношению к родителям или наставникам, на которых они привыкли полагаться, — правило, почти не знающее исключений.

Мы поцеловались на сон грядущий, поднялись наверх к двери ее спальни и вновь поцеловались. Она прошептала:

— А ты изрядно окреп, Свечка. В старые времена, когда мы так делали, ты чуть в обморок не падал.

Я сказал, что, увы, стал менее чувствителен — мое тело тосковало по ней так долго, что еще не до конца поверило в нашу встречу. Она тихонько рассмеялась и призналась, что и сама стала не такой страстной.

— Мне хочется скорее миловаться, чем париться, — сказала она, — а у меня ведь не было сносного милованья на всю ночь до утра с тех самых пор, как Парень после Александрии взял моду спать со мной валетом. Ляжем сегодня вместе, незаменимая моя Свечка. Если проложить между нами простыню, я буду чувствовать твои тесные объятия, но не причиню тебе вреда. Хочешь так помиловаться?

Я сказал, что буду счастлив и что именно такой предбрачный обряд широко распространен в сельской Шотландии, где это называется «любиться».

Мы легли в постель и любились, и с той поры мы никогда не спали раздельно, если не считать ее отлучек в Лондон на собрания Фабианского общества.

21. Помеха

Я ХОТЬ И АТЕИСТ, НО НЕ ДОКТРИНЕР. Когда мы убедились, что Белла здорова, я организовал простую пресвитерианскую свадебную церемонию, решив, что это вполне безвредный и традиционный способ придать бракосочетанию торжественность. Ближе всего к нам была церковь Парк-чёрч, но я не хотел, чтобы соседские дети устраивали у дверей «кучу малу» и поэтому выбрал Лэнсдаунскую церковь Объединенных пресвитерианцев на Грейт-вестерн-роуд, до которой было не больше десяти минут ходу[24]. Читатель-англичанин может удивиться, узнав,

---

[24] Критические: 2.24

«Куча мала» — шотландский обычай, который заключается в следующем: перед бракосочетанием у дома жениха или невесты собираются дети, дожидаясь выхода. Жених или кто-то из кортежа невесты должен кинуть в толпу горсть монет; если этого не происходит, толпа начинает выкрикивать: «Голытьба! Голытьба!» — то есть денег, знать, у вас не хватает, чтобы все было чин чином. Когда детям кидают монеты, начинается яростная схватка, в которой побеждают самые сильные, цепкие и безжалостные, а маленькие и слабые, хныча, уходят с отдавленными пальцами. Обычай до сих пор распространен в некоторых районах Шотландии. Иные современные мыслители консервативного толка считают его хорошей подготовкой к взрослому миру, полному конкурентной борьбы.

Всякий, кто захочет поставить маленький эксперимент, может легко дойти парком от Парк-сёркес, 18 до Лэнсдаунской церкви менее чем за десять минут. Здание (архитектор Джон Ханимен) построено из

кремового песчаника в стиле французской готики и имеет самый стройный шпиль (беря отношение ширины к высоте) в Европе. Вид этой церкви произвел на Джона Рёскина столь сильное впечатление, что он разрыдался. В интерьере сохранен такой ненужный элемент, как ряды отгороженных сидений, и обращают на себя внимание два интересных витража работы Альфреда Уэбстера, изображающих библейские сцены среди пейзажа современного Глазго. И церковь, и конгрегация основаны в 1863 г.

Лэнсдаунская церковь Объединенных пресвитерианцев, где в день Рождества 1883 г. было прервано бракосочетание.

что обряд назначили на 9 утра 25 декабря. Это была самая ранняя дата из возможных, а Шотландская церковь не считает Рождество таким уж неприкосновенным днем, если только оно не падает на воскресенье. Когда я вел Беллу под руку, а следом за нами Бакстер вел под руку миссис Динвидди, мне было весело сознавать, что этот день люди по всему свету отмечают как праздник, хотя магазины, учреждения и фабрики Глазго были полны обычной деловой суеты.

Утро выдалось морозное. Крыши, деревья и боковые улочки сплошь укутало снегом, но шагалось нам лег ко — Бакстер заплатил ватаге мальчишек, и они расчистили нам тропинку от дома до церкви. Тропинка спускалась через парк по склону холма, но скользко на ней не было, потому что ее щедро посыпали солью. Морозный туман, щекотавший нос легким запахом дыма, ухудшал видимость только на дальнем расстоянии, и я заметил, что перед нами в церковь вошли какие-то люди. Это меня озадачило. Я предполагал, что, помимо Бакстера и миссис Динвидди, не будет ни свидетелей, ни гостей. Белла хотела пригласить мисс Мактавиш, Парринга, Астли и мадам Кронкебиль, желая показать им, «что все хорошо, что хорошо кончается» (ее слова). В

конце концов мы убедили ее, что, собравшись вместе, эти люди изрядно смутят друг друга, и договорились, что не позовем никого и объявления давать не будем. Но пастор, разумеется, должен был заранее огласить имена вступающих в брак, дабы убедиться, что к нему нет препятствий.

Мы вошли в церковь точно в назначенное время — часы показывали без одной минуты девять — и увидели, что неф совершенно пуст, если не считать группы из пяти человек, сидящих в одном из передних рядов. «Кто это такие?» — спросила Белла, но я не знал; я заметил только, что один из них необычно высок, худ и похож на военного. Почему-то меня бросило в дрожь. Мне почудилось, что вот-вот случится несчастье и что мы с Беллой уже много раз вступали под руку, минуя эти же скамьи, в это же несчастье. Я словно увяз в дурном сне и во что бы то ни стало должен был проснуться. «Держись, Свичнет!» — шепнул мне Бакстер столь повелительно, что я вскинул на него глаза. Он кивнул мне, и я понял, что он предвидел все, что может случиться, и готов к этому. Я крепче прижал руку Беллы и двинулся вперед с отвагой христианина, знающего, что Бог на его стороне.

Мы прошли мимо незнакомцев и стали спиной к ним, лицом к престолу. Пастор обошел кафедру и после вступительных слов, как положено, спросил, я ли Арчибальд Свичнет, единственный сын Джессики Свичнет, незамужней из округа Уопхилл области Галлоуэй. Я ответил, что да, я. Затем он спросил невесту, она ли Белла Бакстер, дочь Игнейшуса Макгрегора Бакстера, коммерсанта из Буэнос-Айреса, и его супруги Серафины Рейнгольд Камберпатч? Белла ответила, что да, она. Я удивился, зачем это Бакстер изобрел для ее матери такое длинное и заковыристое имя; наверно, он решил, подумалось мне, что в нашем полном несуразностей мире перечень имен, не содержащий хотя бы одного длинного и заковыристого, выглядел бы подозрительно. Когда я пришел к этому заключению, пастор уже говорил, что если кто-либо из присутствующих знает причины, по которым эти двое не могут быть соединены священными узами брака, пусть он о них заявит. И у меня за спиной раздался высокий, отчетливый, скрипучий голос:

— *Этот брак не может совершиться!*

Мы обернулись. Слова произнес тот самый высокий, худой мужчина — он теперь стоял выпрямившись и смотрел на нас в упор, похожий

на искусно выточенную в человеческий рост деревянную куклу. Он потому казался деревянным, что его пышные серо-стальные усы, закрывавшие рот, и остроконечная бородка почти не отличались по фактуре от розовато-бурой кожи лица. Рядом копошился, пытаясь встать, диковатого вида толстый старик со смуглым лицом.

— Кто вы? — спросил пастор, голос у которого внезапно стал робким и писклявым.

— Я генерал сэр Обри ле Диш Коллингтон. Женщина, которая называет себя Беллой Бакстер, — моя законная венчанная жена Виктория Коллингтон, в девичестве Виктория Хаттерсли. Здесь присутствует ее отец Блайдон Хаттерсли, директор-распорядитель манчестерско-бирмингемской паровозостроительной компании «Юнион Джек».

— Викки! — вскричал старик, протягивая к Белле обе руки и орошая щеки слезами. — Викки, крошка моя! Неужели ты забыла своего старенького папку?

Белла посмотрела на него с величайшим интересом, потом, с таким же интересом, — вновь на своего первого мужа. Генерал не сводил с нее неподвижных глаз. Заводчик всхлипывал. Мои же чувства были слишком диковинны, чтобы их

описывать. Я понимал, что Белла, сама того не ведая, видит первого мужа своего тела и одновременно отца своего мозга, а рядом с ним — деда своего мозга и одновременно отца своего тела. Наконец она вымолвила:

— Вы запоминающаяся пара, но я не припомню, чтобы я кого-нибудь из вас раньше видела.

— Говорите, Приккет, — сказал генерал.

Встал третий мужчина и заявил, что он, будучи личным врачом генерала, лечил леди Коллингтон от серьезной болезни по меньшей мере восемь месяцев перед ее исчезновением; дама, которая отозвалась на имя Белла Бакстер, обладает голосом и наружностью, столь сходными с голосом и наружностью леди Коллингтон, что без всякого сомнения они — одно лицо. Тут пастор сказал, что брак состояться не может.

Не знаю, что бы я сделал, если бы рука Беллы не оставалась сцеплена с моей и вперед не выступил Бакстер. Его дородная фигура и спокойный тон вселили в меня детскую надежду. Он сказал:

— Генерал Коллингтон. Мистер Хаттерсли. Кто-то сообщил вам время и место этого бракосочетания. От того же лица вам, может быть, известно, что я состоятельный человек и практикующий хирург, оперировавший членов

королевской семьи. Мисс Бакстер явилась ко мне три года назад, не имея никаких воспоминаний о прежней жизни. С той поры она живет под моей опекой, и я завещал ей все свое состояние. Год назад она по своему свободному выбору обручилась с моим другом доктором Свичнетом из Королевской лечебницы Глазго. Генерал Коллингтон! Мистер Хаттерсли! Хотите ли вы, чтобы личность мисс Бакстер в законном порядке установил суд? Или все же мы попробуем установить истину путем спокойного обсуждения? Мой дом отсюда недалеко. Приглашаю вас туда.

— Объясните ему, Харкер, — сказал генерал.

Встал четвертый, назвался адвокатом генерала Коллингтона и заявил, что сэр Обри хотел бы избежать ущерба, который нанесло бы репутации его жены публичное разбирательство вопросов частной жизни. По этой, и только по этой, причине генерал согласен на переговоры с участием следующих лиц. С одной стороны — он сам, его адвокат, его врач, отец его жены и мистер Сеймур Граймс из частного сыскного агентства «Сеймур Граймс» (при этом встал пятый). Другую сторону, продолжал адвокат, могут представлять мистер Бакстер и его друг доктор Свичнет. При этом сэр Обри настаивает, чтобы его жена Виктория

Коллингтон дожидалась исхода обсуждения в другой комнате. Для того чтобы исключить ее из переговоров, у него есть более чем убедительные причины. Он также настаивает, чтобы они происходили в апартаментах, снятых им в отеле при вокзале Сент-Инок.

— Вы хотите рассказать Богу и Свечке, кто я такая, а я чтоб не слышала? — крикнула Белла. — Бог, что ты на это скажешь?

— Я скажу, что не буду в этом участвовать, — ответил Бакстер спокойно, — если не будут приведены веские доводы.

— Объясните ему, Приккет, — сказал генерал. Медик выбрался в проход и, к огромному неудовольствию Беллы, отвел Бакстера в сторонку и что-то зашептал ему на ухо. Бакстер ответил во всеуслышание:

— Это никакой не довод, это ложь. Я могу доказать, что это ложь. Переговоры состоятся только при участии мисс Бакстер и только у меня дома. В моем жилище генерал Коллингтон и его окружение не рискуют ничем; а вот из отелей у нас в Британии мужчины не раз увозили женщин, выдавая себя за их мужей, и полиция не вмешивалась.

— Верно! — рявкнул генерал.

Адвокат посмотрел на него с укором. Генерал бесстрастно уставился на него в ответ, и некоторое время никто не шевелился. Потом, вероятно, был дан какой-то знак, потому что адвокат негромко сказал Бакстеру:

— Мы поедем к вам домой. В переулке рядом с церковью ждут три кеба.

— В трех кебах могут разместиться только шестеро, — заметил Бакстер. — Миссис Динвидди, поезжайте, пожалуйста, с этими пятью джентльменами на Парк-сёркес, 18. Проведите их в мой кабинет, зажгите камин и предложите им подкрепиться. Мы с мисс Бакстер и доктором Свичнетом вернемся не иначе как пешком и прибудем вскоре после вас. Мистер Харкер, доведите, пожалуйста, мои слова до сведения вашего нанимателя.

После этого Бакстер повернулся к адвокату спиной и сказал священнику, что завтра он заплатит ему за беспокойство и обратится к нему снова, когда сегодняшнее недоразумение будет улажено. Затем он взял Беллу под другую руку, и мы трое двинулись по проходу к двери. Когда мы вышли на улицу, мне показалось, что я провел в этой церкви не десять минут, а десять дней.

Как свежо, светло и молодо выглядели подер-

нутая морозной дымкой улица и заснеженные крыши! Белла чувствовала то же, что и я. Она сказала:

— Я и подумать не могла, что на нашем бракосочетании будет так весело. Неужели этот несчастный старик действительно мой папа? Надо его как-нибудь утешить. И что, я была замужем за этой маской на жердине? Лучше бы от него подальше. Эти господа и вправду хотели меня похитить? Вдруг на минуту мне показалось, что хотят. Хорошо, что ты был с нами, Бог. Свечка бы погиб, сражаясь за меня, но какая была бы польза похищенной Белл от потухшей Свечки? Тебе, Бог, достаточно было гаркнуть как следует, и вся эта бражка на пол бы попадала, и они это знали. Так, значит, дело к тому идет, что наконец-то тайна происхождения видов применительно к Белл Бакстер будет разгадана. Что тебе там шептал этот лекарь, Бог?

— Всякие враки. Может быть, он их еще повторит, и тогда ты услышишь, как я их опровергну.

— А почему у тебя такой несчастный вид, Бог? Почему ты не взволнован, как я?

— Потому что тебе предстоит узнать, что я тоже лгал.

— Что? Ты лгал?

— Да.

— Если ты мне лгал, где может быть на свете правда? Кого добрым-то можно считать? — испугалась Белла.

— Правда и добро исходят не от меня, Белл. Я слишком слаб. Я такое же несчастное создание, как генерал Коллингтон. Приготовься презирать нас обоих.

22. Правда: *моя самая длинная глава*

ИМЯ ГЕНЕРАЛА КОЛЛИНГТОНА БЫЛО МНЕ известно задолго до того, как Бакстер произнес его вслух, читая письмо Парринга. В то время Громобой Коллингтон был столь же популярным персонажем газетных полос, как сэр Гарнет Вулзли или Гордон Китайский. Виконта Вулзли назначили главнокомандующим Британской армией. Генерал Гордон, позволив дервишам разорвать себя на куски, стяжал венец мученика во славу империи. Первому мужу моей жены повезло меньше. Лондонская *«Таймс»* и *«Манчестер гардиан»* ныне приписывают его подвиги офицерам, которые даже не упоминались в первых репортажах о событиях. Бульварная печать следует их примеру. Почему же несчастливый конец доблестного воина затмил целую жизнь, полную патриотического служения? Лучшей его биографией останется статья из справочника *«Кто есть кто»* за 1883 год. В последующих изданиях он не упоминается вовсе.

КОЛЛИНГТОН, сэр Обри ле ДИШ. 13-й баронет; *ок.* 1623; *ордена:* крест Виктории, Бани 1-й ст., Св. Мих. и Св. Георг.; мировой судья; чл. парл. (лрд) от Сев. Манчестера с 1878; *р.*Симла, 1827; *старший сын* генерала К. Коллингтона, губернатора Андаманских и Никобарских о-вов, и Эмилии, *старшей дочери* Бамфорта ле Диша, баронета, Хогснортон, Лоумшир и Баллинокмиллап, гр-во Корк; унасл. титул от двоюр. брата в 1861 г.; *супруга* Виктория Хаттерсли, *дочь* Б. Хаттерсли, паровозостроителя из Манчестера. *Образов.:* Рагби, Хайдельберг, Сандхерст. Командовал туземным подраздел. на вост. границе, мыс Доброй Надежды, 1849; экспедиция против свази, 1850–1851 (тяж. ранение, отмечен в рапортах, внеоч. звание подполковника); добровольцем участв. в Крымской камп., Севастополь, 1854–1856 (дважды ранен и отмечен в рапортах за отражение 5 русских вылазок с оч. малочисл. подраздел. 4-го Королевского полка, медаль за Крымскую войну и 3 пряжки, орден Меджидии и турецкая воинская медаль); нач. разведки бригады во главе

мобильной колонны в Центр. Индии во время мятежа 1857–1858 (ранен, участв. во взятии крепостей Фумукенуггер и Буллубгур, штурме Кашмирского бастиона и Делийских высот, медаль «За Индию», пряжка «За Дели», орден Золотого руна от португ. короны за оборону Гоа); пом. генерала-адъютанта в брит. экспедиц. корпусе в Китае, 1860 (ранен при уничтожении береговых батарей на Янцзы, но участвовал во взятии Пекина и штурме Летнего дворца); нач. исправит. колонии на о-ве Норфолк, 1862–1864; губернатор Патагонии, 1865–1868 (подавил восстания тегуэльчей и геннакенов, не потеряв ни единого человека); губернатор Ямайки, 1869–1872; нач. Бирманского карат. экспедиц. корпуса, 1872–1873; в чине генерал-лейтенанта подавил 1-е восстание метисов в сев. — зап. Канаде, 1874; генерал-адъютант в Ашантийской войне, 1875 (ранен, крест Виктории); нач. милиции в Канаде, 1876 (ранен разорвавш. орудием во время поездки по Квебеку, денежная награда от Парламента в 25 000 ф. ст., орден Почетного легиона 5-го класса);

мастер Великой Ложи вольных каменщиков Англии, 1877. *Публикации:* «Пока Англия трепетала», взгляд на действия правительства во время чартистского движения 1848 г.; «Очистить планету», монодрама; «Политические болезни, имперские лекарства», лекция в Объединенном военном институте. *Внеслужебные занятия:* охота, стрельба, племенное скотоводство; попечитель приюта для бездомных и сирот при Манчестерском об-ве человеколюбия; личный надзор за опытным хоз-вом по подготовке сирот из трущоб к переселению в колонии. *Адрес:* Порчестер-террас, 49, Лондон. *Клубы:* Кавалерийский, Объединенный воинский, Пратта, Британская евгеника.

Я прочел эту статью на следующий день после возвращения Беллы, предварительно убедившись, что никто меня не видит. Позже я узнал, что Белла и Бакстер по отдельности сделали то же самое. Преисполненные планов на будущее, мы не хотели ворошить прошлое сообща — мы надеялись, что оно оставит нас в покое. Один Бакстер воспользовался сведениями, чтобы при-

готовиться на случай, если прошлое неожиданно нас потревожит. В то холодное рождественское утро, когда мы торопливо шли из церкви домой, только он был в серьезном расположении духа. Белла заразила меня своим острым любопытством, и я испытывал дурацкую гордость из-за известности генерала. Я не боялся, что он отнимет у меня невесту, но воображал, что моя сердечная жизнь войдет в историю, как вошла в нее сердечная жизнь Риччо или Босуэлла{17}, — но не с роковыми для меня последствиями, а лишь в такой степени, чтобы сделать меня знаменитым. Даже слова Бакстера не отрезвили меня. Приблизившись к дому 18, в окне кабинета мы увидели генерала, устремившего на нас взгляд сверху вниз. Белла содрогнулась. Бакстер мягко сказал:

— Левый глаз у него стеклянный, и, чтобы глаза не разъезжались, он всегда смотрит прямо перед собой. Ни один крупный военачальник не имеет столько ранений, как ле Диш Коллингтон.

— Ох бедняга! — воскликнула Белла и ободряюще ему помахала. Он не подал виду, что заметил этот жест, а я вдруг испугался, что жалость может толкнуть ее к нему.

{17} Примечания переводчика: 1.17

Риччо (1533?-1566) — фаворит Марии Стюарт. Босуэлл (1536–1578) — муж Марии Стюарт.

Когда мы вошли в кабинет, он все еще смотрел в окно, стоя к нам спиной. Старый заводчик устроился в кресле подле камина. Пока мы с Беллой усаживались у стола, он бросил на нас быстрый взгляд и вновь уставился в огонь. Адвокат и врач с чопорным видом сидели на диване рядом с детективом. Сеймур Граймс единственный из посетителей чувствовал себя свободно; в руке у него был стакан с виски, наполненный из графинчика, который миссис Динвидди поставила в пределах досягаемости. Бакстер прошел прямо к бюро, отпер его и вынул какие-то бумаги. Положив их на стол, он спросил, не обращаясь ни к кому в отдельности:

— Генерал предпочитает стоять?

— Сэр Обри *обычно* предпочитает стоять, — произнес генеральский врач осторожно.

— Хорошо, — сказал Бакстер. Он сел, выбрав место, откуда ему были видны все присутствующие, и заговорил.

— В столь густонаселенном мире, как наш, почти у каждого человека есть несколько двойников с такой же внешностью и таким же голосом. Есть ли у кого-нибудь из вас дополнительные причины считать, что Белла Бакстер — это Виктория Коллингтон?

— Да, — отозвался старый заводчик. — Неделю назад я получил письмо от некоего Парринга. Там говорилось, что моя Викки живет тут, у вас. Я связался с зятем и узнал, что двумя неделями раньше он получил такое же письмо, но ничего не предпринял.

ГЕНЕРАЛ СЭР ОБРИ ЛЕ ДИШ
КОЛЛИНГТОН, БАРОНЕТ

— Это было письмо сумасшедшего! — вмешался адвокат. — Парринг пишет, что леди Коллингтон была не только его любовницей, но и любовницей Роберта Бёрнса, «пригожего принца Чарли»{18} и прочих знаменитостей вплоть до обитателей райских кущ. Вас удивляет, что генерал оставил подобное послание без внимания?

— Да, — отозвался старик, хмуро глядя в огонь. — За все три года только это письмо и давало ключ к местонахождению моей Викки. Когда она пропала, мы всех должны были на ноги поставить, но этот вот доктор Приккет сказал: «Не надо в полицию обращаться — я уверен, это временное помрачение — публичный скандал еще сильней выведет ее из равновесия, — если любите свою дочь, дайте ей время вернуться по своей воле». Разумеется, Приккет только то говорит, что сэр Обри хочет слышать. Теперь я это понимаю, тогда не понимал. Прошло несколько дней, пока не оповестили Скотленд-Ярд, а они дело замяли, потому что… потому что… — он издал не то смешок, не то сдавленное рыдание, — Коллингтон ведь народный любимец — пример для юношества, это сам лорд Пальмерстон сказал!

{18} Примечания переводчика: 1.18

«Пригожий принц Чарли» — Карл Эдуард Стюарт (1720–1788), внук Якова II, безуспешно пытавшийся завладеть британским троном.

Газеты — молчок, и никто ничего не обнаружил. Или обнаружили, да мне не сказали. И как только я письмо Парринга прочел, тут же нанял Граймса. Расскажите, Граймс, что вы там выведали.

Детектив кивнул, отхлебнул из стакана и зачастил, как истый лондонец. Это был заурядный человек лет тридцати — столь заурядный, что я не отметил в нем ничего личного, за исключением манеры говорить, опуская местоимения первого лица.

— Нанят расследовать исчезновение леди Коллнтн семь дней назад, три года после события. Леди пропала из дома внезапно в тревоге смятении расстройстве да еще в интересном положении — восемь с половиной месяцев беременности, из-за этого прекрасный пол часто чудить начинает, бедняжки. Дали фото пропавшей, приличное. Прибыл в Глазго проверить сведения из письма Данкана Парринга, эсквайра, и выяснил, что указанный джентльмен содержится в охраняемой палате городского Королевского приюта для умалишенных, доступ строго запрещен. Леди К. пропала из дома 49 по Порчестер-террас 6 февраля 1880 года, так что проверил все данные полиции и Общества человеколюбия о бродячих умалишенных или неуравновешенных

женщинах, задержанных или обнаруженных в Глазго после этой даты. Оказалось, женщина типа леди К. замечена бросающейся с моста в реку Клайд 8 февраля и выловлена работником Общества человеколюбия, неким Джорджем Геддесом. Показал ему фото. «Она!» — говорит. Я: «Где сейчас?» Он: «Труп не востребован, поэтому увезен полицейским хирургом на медицинский факультет университета 15 февраля», — неверно. Боглоу Бакстер был полицейским хирургом, но, как показывают факультетские архивы, мистер Бакстер не доставлял туда НИКАКИХ трупов ни 15 февраля, ни когда-либо позже, потому что 16 февраля факультет получает от него письмо, где говорится, что он прекращает работу в полиции, чтобы сосредоточиться (так написано) на частной практике. Что он, безусловно, и сделал. К концу февраля угольщик, молочник, бакалейщик, мясник, снабжающие дом 18 по Парк-сёркес, уже знают, что у мистера Бакстера появилась постоянно проживающая пациентка. Парализованная. В апреле уже ходит, но ум младенца. Три года спустя она сидит здесь, цветущая, как роза, и готова опять замуж. Удачи вам, мисс или леди К.!

Глядя на Беллу, Сеймур Граймс приветственно поднял стакан и осушил его.

— Мне он нравится, — прошептала Белла так громко, что я усомнился, поняла ли она его рассказ. Все остальные смотрели на Бакстера.

— В цепи ваших рассуждений есть слабое звено, мистер Граймс, — сказал он. — По вашим словам, Джордж Геддес (кстати, весьма известное и уважаемое лицо в нашем городе) утверждает, что он вытащил мертвое тело[25]. Как может найденный им труп рассиживать теперь тут с нами? Ведь вы сами сказали, что он семь дней пролежал в морге.

— Не знаю — не моя епархия, — ответил детектив, пожав плечами.

— Я думаю, мне удастся пролить свет на это темное дело, — сказал врач, — если сэр Обри позволит.

Генерал и бровью не повел.

— Здесь мой дом, доктор Приккет, — промолвил Бакстер. — Я не только позволяю, я настаиваю, чтобы вы высказались.

— Так я и сделаю, мистер Бакстер, хоть мои слова и придутся вам не по вкусу. Медики Лондона

---

[25] Критические: 2.25

Об известности Джорджа Геддеса говорит шуточная песенка, которую в свое время часто исполняли в мюзик-холлах Глазго. В ней идет речь о весьма неудачной прогулке по Клайду на увеселительном пароходике; кончается песенка словами: «Зовите Джорди Геддеса — мы все идем ко дну».

знают, что с начала нынешнего века хирурги Глазго экспериментируют, пропуская электрический ток через нервную систему трупов. Известно, что в 1820-е годы один из ваших оживил труп повешенного преступника, который сел и начал говорить. Публичный скандал был предотвращен только тем, что кто-то из демонстраторов взял скальпель и перерезал ему горло[26]. Ваш отец присутствовал на этой демонстрации. Не сомневаюсь: он все, что знал, передал вам, его единственному ассистенту, если не считать невежественных медицинских сестер. Увы, сэр Колин, как известно, далеко не всеми своими открытиями делился с коллегами.

— Бог, — произнесла Белла глухим голосом, какого я никогда раньше не слышал, — когда мы сегодня выходили из церкви, ты сказал, что

---

[26] Критические: 2.26

Этот анекдот в XIX веке столь часто рассказывался и пересказывался в различных юмористических «историях Глазго», что его источники сами стали предметом исчерпывающей монографии профессора Генриха Сверчке «War Frankenstein Schotte?»{26} (изд-во Нишкнера, Нигдебург, 1929 г.). Кто не знает немецкого, может найти тщательно собранные главные выводы в «Гарскадденских сплетнях» Фрэнка Куппнера (изд-во «Молендинар-пресс», Глазго, 1987 г.){27}.

{26} Примечания переводчика: 1.26

«Не был ли Франкенштейн шотландцем?» *(нем.)*.

{27} Примечания переводчика: 1.27

Гарскадден, Молендинар — названия улиц Глазго.

собираешься признаться во лжи. Мне кажется, я теперь понимаю, в чем эта ложь состояла. Мои папа и мама не погибли в Аргентине в железнодорожной аварии. Ты придумал это, чтобы скрыть кое-что похуже.

— Да, — сказал Бакстер и закрыл лицо руками.

— Так этот несчастный старикан действительно мой отец? А этот человек-кол, который боится взглянуть мне в глаза, действительно мой муж? И я сбежала от него и утопилась? О Свечка, держи меня, пожалуйста, крепче.

Я послушался — и правильно сделал, потому что генерал обернулся.

Он обернулся и заговорил ломким, тонким, высоким голосом, который становился все громче и громче:

— Хватит строить дурочку, Виктория. Ты прекрасно помнишь, что Хаттерсли твой отец, что я твой муж и что ты убежала из дома, не желая исполнять свой супружеский долг. Вся эта нелепая история с утоплениями, моргами и потерей памяти выдумана, чтобы скрыть тот простой факт, что три года ты жила с уродом, утоляя свою болезненную страсть к плотскому соитию сначала с ним, потом с сумасшедшим распутником, теперь — с неотесанным негодяем. Ты делаешь

это здесь — сейчас — перед моими глазами. РУКИ ПРОЧЬ ОТ МОЕЙ ЖЕНЫ, СЭР!

Последние слова он прокричал так громко, что я чуть было ему не подчинился. Один из его льдисто-голубых глаз мог быть и вправду стеклянным, но он соответствовал другому столь безупречно, что я содрогнулся от излучаемой ими ненависти. Но тут я увидел подле нас Бакстера, который ростом был ничуть не ниже генерала, но толще его раз в пять, и неожиданная поддержка пришла к нам от старика, который по-прежнему смотрел в камин.

Он сказал:

— Не надо так о моей Викки, сэр Обри. Вы прекрасно знаете, чьи плотские страсти ее из дома выгнали. Если она делает вид, что забыла, честь ей и хвала. Если и вправду забыла, хвала Господу.

— В моих отношениях с женой стыдиться мне нечего, — резко ответил генерал; Белла мягко высвободилась из моих рук и подошла к старику.

— Вы стараетесь быть добрым — может быть, вы и вправду мой отец. Дайте подержать вашу руку, — сказала она.

Он взглянул на нее, скривив рот в болезненной улыбке, напомнившей мне улыбку моей матери,

и позволил ей взять свою руку в обе ладони. Она закрыла глаза и прошептала:

— Вы сильный… яростный… хитрый… но ни капельки не добрый, потому что боитесь.

— Неправда! — воскликнул старик, отдергивая руку. — Сильный, яростный и хитрый, да, слава Богу, я такой. Потому-то я выбрался сам и тебя с матерью вытащил из вонючей манчестерской помойки, всех нас вытащил, а кто послабже, тех потопил. Троих твоих маленьких братцев я не смог, правда, вытащить — померли от холеры. Но ничего на свете я не боюсь, кроме бедности и фырканья тех, у кого кошелек потуже. А этого только дурак не боится, тем более когда и того и другого изрядно пришлось хлебнуть. Мы все этого нахлебались, пока я не выпер из дела твоего дядьку. Уж как он визжал — что твоя свинья резаная, а потом с Хадсоном спознался, чтоб свое вернуть, с самим Хадсоном! С рельсовым королем! Но я и его, и Хадсона стер в порошок. Да, Викки, — старик вдруг разразился хохотом, — не кто иной, как твой старый папаша, стер в порошок Короля Хадсона! Но ты женщина и о бизнесе не имеешь понятия. Через десять лет у меня уже был граф в совете директоров, я проводил людей в парламент и давал работу половине

квалифицированной рабочей силы Манчестера и Бирмингема. Потом в один прекрасный день тебе стукнуло семнадцать, и я вдруг увидел, что ты красавица. До этого я был слишком занят, чтобы на тебя смотреть или думать, как придать тебе товарный вид для рынка невест. Но тут я потащил тебя прямиком в швейцарский монастырь, где дочек миллионеров скребут и полируют вкупе с дочками маркизов и всяких заграничных принцев. Говорю настоятельнице: «Сделайте мне из нее леди. Попотеть с ней придется, это уж точно. Она упрямая, как ее мамаша когда-то была, — из тех ослиц, что лучше понимают палку, чем морковку. Неважно, сколько уйдет времени и денег, важно, чтоб получилась невеста высшего разряда». Времени ушло семь лет. Когда ты домой вернулась, твоя мать уже умерла — отказала печень, — и я, признаться, за тебя порадовался. В бедности она мне хорошей женой была, в богатстве — только обузой. Ее простота могла погубить твои шансы. А уж из тебя-то монахини конфетку сделали — по-французски болтала, как настоящая мамзель, хотя английский твой как был манчестерским, так и остался. Но генерал был не в претензии — правда, сэр Обри?

— Правда. Ее чудной говор меня забавлял. Это

было чистое создание, милейшее существо из всех, кого я встречал, — сказал генерал задумчиво. — Душа невинного ребенка в телесной оболочке черкесской гурии — неотразимо.

— Любила я вас? — спросила Белла, глядя на него.

Он важно кивнул.

— Ты восхищалась им, боготворила его, — воскликнул ее отец, — да и посмела бы ты его не любить! Ведь это был народный герой и двоюродный брат графа Хервуда. К тому же тебе уж двадцать четыре исполнилось, а он был единственный мужчина, кроме меня, с которым тебе разрешалось видеться. Ты на седьмом небе была в день свадьбы. Для приема и банкета я снял и украсил целиком манчестерский Фри-трейд-холл, и соборный хор пел вам «Аллилуйю».

— Ты любила меня, Виктория, и я любил тебя, — сказал генерал хрипло, — поэтому мы стали мужем и женой. Я пришел сюда, чтобы напомнить тебе об этом и защитить тебя. Простите меня, джентльмены! — Его правый глаз обескураживающе метнулся в нашу с Бакстером сторону. — Простите меня за крики и оскорбления. Может быть, вы и честные люди, хотя обстоятельства говорят не в вашу пользу, а моя

вспыльчивость печально известна. Тридцать лет я служил Англии (или, лучше сказать, Британии) и щадил себя не больше, чем солдат, которыми командовал, и дикарей, которых усмирял. В моем теле нет ни единого мускула без своей особой боли, и хуже всего мне, когда я сижу. Я могу отдохнуть только лежа ничком, вы мне позволите краткий отдых?

— Сделайте одолжение, — сказал Бакстер.

Адвокат, врач и детектив вскочили с дивана. Врач помог генералу на нем распластаться.

— Дайте я вам подушку подложу, — сказала Белла, которая уже принесла подушку и стала подле него на колени.

— Нет, Виктория. Я никогда не пользуюсь подушкой. Неужели ты забыла? — промолвил генерал, опустив веки.

— Да. Забыла.

— Ты совсем ничего обо мне не помнишь?

— Ничего определенного, — ответила Белла неуверенно, — хотя что-то в вашем голосе и наружности все-таки кажется знакомым, словно я во сне вас видела или в театре. Дайте подержать вашу руку. Может быть, тогда вспомню.

Он устало протянул руку, но, едва дотронувшись до нее пальцами, она вскрикнула и отдер-

нула свою, как ошпаренную.

— Ужасный человек! — воскликнула она не укоризненно, а только ошеломленно.

— То же самое ты сказала в день своего бегства, — ответил он усталым голосом, не открывая глаз, — и ты ошиблась. Если не брать в расчет воинские награды и общественное положение, я такой же мужчина, как все. Ты как была, так и осталась неуравновешенной женщиной. Жаль, Приккет не сделал тебе операцию после медового месяца.

— Операцию? Какую?

— Не могу тебе сказать. Джентльмены обсуждают такие вещи только со своими врачами.

— Сэр Обри, — вмешался Бакстер, — трое в этой комнате — квалифицированные медики, а единственная присутствующая здесь женщина готовится стать медицинской сестрой. Она имеет право знать, почему вы называете ее неуравновешенной женщиной, обуреваемой болезненными страстями, которой после медового месяца следовало сделать хирургическую операцию.

— Лучше бы не после, а до, — промолвил генерал, все еще не размыкая век. — Магометане делают это новорожденным девочкам. Поэтому из них получаются самые покорные жены на

свете.

— Не будем ходить вокруг да около, сэр Обри. Сегодня в церкви ваш врач на ухо сказал мне, чем по его — и вашему — мнению была больна ваша жена. Если он немедленно не повторит это вслух, разговор будет продолжен в суде перед шотландскими присяжными.

— Скажите, Приккет, — согласился генерал устало. — Прокричите. Оглушите нас.

— Эротомания, — с трудом выговорил врач.

— Что это значит? — спросила Белла.

— Генерал полагает, что ты слишком сильно его любила, — ответил Бакстер.

— Это значит, — торопливо заговорил Приккет, — что вы хотели спать в его спальне, в его постели, лежать с ним (я принужден быть откровенным) каждую ночь без исключения. Джентльмены! — Он отвернулся от Беллы и обратился ко всем прочим: — Джентльмены, генерал — добрый человек, он скорее отрубит себе правую руку, чем разочарует женщину! Накануне свадьбы он попросил меня дать точное описание — с научной, гигиенической точки зрения — обязанностей женатого человека. Я сказал ему то, что знает каждый врач, — что половые сношения, если ими злоупотреблять, ослабляют и тело,

и душу, но в разумных пределах не приносят ничего, кроме пользы. Я сказал, что ему следует допускать к себе молодую жену на полчаса каждый вечер в течение медового месяца и раз или два в неделю после него, причем как только будет установлена беременность, все любовные игры следует прекратить. Увы, леди Коллингтон оказалась столь неуравновешенной, что даже на восьмом месяце она хотела лежать с сэром Обри всю ночь напролет. Когда ей этого не позволяли, закатывала истерику.

По щекам Беллы заструились слезы.

— Бедняжке хотелось помиловаться, — сказала она.

— Ты никогда не могла понять, — проговорил генерал сквозь сжатые зубы, — что прикосновение к женскому телу возбуждает в крепком, полноценном мужчине АДСКИЕ ВОЖДЕЛЕНИЯ — вожделения, обуздать которые невозможно. Миловаться! Отвратительное, бабье словечко. Оно марает твои губы, Виктория.

— Тут каждый говорит, что думает, ясное дело, — сказала Белла, вытирая глаза, — но странно все это звучит. Послушать сэра Обри, он может разорвать женщину на части, но, честно сказать, обойдись он со мной грубо, я его о коленку бы

переломила.

— Ха! — прозвучал презрительный возглас генерала; его врач заговорил совсем быстро, вероятно задетый словами Беллы и равно скептическими взглядами, которыми обменялись мы с Бакстером, слушая его трактовку обстоятельств. Голосом почти столь же пронзительным, как генеральский, он сказал:

— Ни одна нормальная, здоровая женщина, ни одна порядочная, уравновешенная женщина не желает и не ждет наслаждения от полового акта, она видит в нем только долг. Уже античные философы понимали, что мужчина — энергичный сеятель, а добропорядочная женщина — мирное поле. В трактате «*De rerum natura*»{19} Лукреций говорит, что только развратные женщины двигают бедрами.

— Это убеждение противоречит природе и большей части человеческого опыта, — возразил Бакстер.

— *Большей части* человеческого опыта? Конечно, еще бы! — вскричал Приккет. — Я говорю только об утонченных женщинах, респектабельных женщинах, а не о грубой массе.

{19} Примечания переводчика: 1.19
«О природе вещей» *(лат.)*.

— Подобные диковинные представления, — обратился Бакстер к Белле, — впервые были письменно изложены афинскими гомосексуалистами, которые считали, что единственное предназначение женщины — рожать мужчин. Потом их подхватили христианские попы-безбрачники, видевшие в половом наслаждении корень всякого греха, а в женщине — его орудие. Не понимаю, почему эта идея так популярна ныне в Британии. Может быть, выросшие в числе и размерах школы-интернаты для мальчиков породили целый класс людей, незнакомых с реальностями женской натуры. Но скажите мне, доктор Приккет, леди Коллингтон была согласна на клиторотомию?

— Не только согласна — она умоляла меня о ней со слезами на глазах. Она ненавидела свои истерические припадки, ненавидела свою неодолимую тягу к близости с мужем, ненавидела свою болезнь не меньше, чем он. Она послушно принимала успокаивающие средства, которые я назначал, но в конце концов мне пришлось сказать ей, что они совершенно бесполезны и что излечить ее можно, лишь *вырезав* средоточие ее нервного возбуждения. Она умоляла меня сделать это немедленно и была горько разочарована,

когда я объяснил ей, что необходимо подождать до рождения ребенка. Леди Коллингтон! — сказал Приккет, вновь поворачиваясь к Белле. — Леди Коллингтон, мне очень жаль, что вы ничего этого не помните. Раньше вы полагались на меня, как на доброго друга.

Белла молча покачала головой. Бакстер спросил:

— Так, значит, леди Коллингтон убежала из дома не потому, что боялась вашего лечения?

— Конечно нет! — негодующе воскликнул Приккет. — Леди Коллингтон не раз говорила, что у нее нет большей радости, чем мои визиты.

— Но с какой стати она все-таки убежала?

— Она сошла с ума, — сказал генерал, — вот с какой стати. Если теперь она выздоровела, она вернется со мной домой. Если откажется, значит, она все еще сумасшедшая, и мой супружеский долг — поместить ее туда, где ее будут должным образом лечить. Я не могу оставить ее в доме, где из моей безумной жены делают *сиделку*!

— Но с тех пор как она утопилась, она уже не ваша жена, — быстро сказал Бакстер. — Согласно брачному контракту, супружество длится, *«пока не разлучит вас смерть»*. Единственный человек, способный независимо засвидетельствовать тож-

дество вашей жены и моей подопечной, — это сотрудник Общества человеколюбия, который видел самоубийство и извлек из воды труп. По словам доктора Приккета, я дал ей новую жизнь. Если так, то я настолько же отец и покровитель вновь рожденной женщины, насколько мистер Хаттерсли был отцом и покровителем прежней, и я в такой же степени, как он когда-то, имею право препоручить ее в бракосочетании избранному ею жениху. Как вам моя логика, мистер Харкер?

— Никакая это не логика, мистер Бакстер, а чушь на постном масле, — ответил адвокат холодно. — Я не сомневаюсь ни в том, что леди Коллингтон погрузилась в воды Клайда, ни в том, что сотрудник Общества человеколюбия извлек ее из реки. За это ему и платят. Он послал за вами, чтобы вы вернули ее к жизни, что вам, несомненно, удалось. Затем вы дали ему взятку, чтобы он позволил вам увезти ее сюда, где, представляя ее окружающим как племянницу и жертву катастрофы, вы медикаментами привели ее разум в детское состояние и вдоволь натешились ее телесной красотой и соблазнительной слабостью, прикрывшись личиной доброго дядюшки и заботливого врача. В этой роли вы даже совершили с вашей любовницей кругосветное путешествие!

Но, вернувшись в Глазго, вы почувствовали, что она вам надоела, и потворствовали ее побегу с несчастным Данканом Паррингом. Вчера я посетил мать бедного Парринга, которая страшно удручена случившимся. Она сказала мне, что ее сына привела к телесному, душевному и финансовому краху женщина, которую он называет Беллой Бакстер. Если бы его не содержали сейчас под охраной в городском Королевском приюте для душевнобольных, он бы сидел в тюрьме за присвоение средств, вверенных ему клиентами. В прошлом месяце ваша дважды брошенная любовница к вам вернулась, и вы спешно устроили ее брак со Свичнетом, вашим слабоумным прихлебателем. Если я расскажу эту историю британскому суду присяжных, он мне поверит, потому что это сущая правда. Посмотрите, сэр Обри! Посмотрите на него! Что правда с человеком делает!

Со стоном, подобным подземным раскатам грома, Бакстер поднялся со стула, прижал руки к животу и низко склонился, дергаясь как эпилептик. Я был удивлен не его реакцией, а тем, что он удержался на ногах. Адвокат так искусно перемешал правду и ложь, что на мгновение даже я ему поверил. Но тут к Бакстеру подскочила

Белла, обвила рукой его талию и, нежно поглаживая, выпрямила его снова. Это подхлестнуло меня. Если посетители никогда раньше не сталкивались с холодной яростью рационального до мозга костей шотландца, теперь они узнали, что это такое.

— Если бы мистер Бакстер не испытал сейчас боли, он был бы каменным истуканом, — сказал я. — Злоупотребив гостеприимством этого мудрого, доброго, самоотверженного человека, вы назвали его уродом и лжецом. В присутствии пациентки, которая обязана ему жизнью, вы обвинили его в развратных посягательствах на нее. Вы не знаете, какая страшная трещина опоясывает ее череп; если бы он не заботился о ней, как мать, и не воспитывал ее, как отец, дело не обошлось бы полной потерей памяти — ее сознание осталось бы сумеречным. Кругосветное путешествие было не любовным развлечением, а лучшим способом показать ей мир, который она забыла. Он не *потворствовал* ее побегу с Паррингом — он пытался ее отговорить, умолял о том же меня, а когда нам обоим это не удалось, он снабдил ее средствами для того, чтобы вернуться к нам, когда эскапада ей наскучит. Никакой распутник, избавляющийся от любовницы, *так* бы

не поступил! Вам вдобавок хватило бесстыдства назвать меня — его лучшего друга! Арчибальда Свичнета, доктора медицины, врача Королевской лечебницы Глазго! — вы посмели назвать меня неотесанным негодяем и слабоумным прихлебателем. Неудивительно, что нарушение функции блуждающего нерва породило у него обратную перистальтику, вследствие чего выброс сока поджелудочной железы вызвал раздражение пищевода, сопровождаемое сильнейшей изжогой! И болезненную реакцию на мерзкую хулу вы трактуете как признак *ВИНЫ*???!!! Стыд вам и срам, джентльмены. Я начинаю думать, что вы и не джентльмены вовсе.

— Благодарю тебя, Свичнет, — проговорил Бакстер.

Теперь он сидел в кресле напротив мистера Хаттерсли, а Белла стояла позади него, положив руки ему на плечи и как бы его защищая. Она смотрела на него с таким выражением лица, какое я впоследствии, проводя с ней медовый месяц в Италии, увидел у Боттичеллиевой Мадонны. Бакстер вновь заговорил с адвокатом, как будто ничего не случилось.

— Итак, вы полагаете, что дама, стоящая позади меня, и жена генерала — одно и то же лицо.

— Не полагаю, а знаю.

— Я докажу, что вы не правы, с помощью пяти независимых свидетельств, каждое — от ученого мирового масштаба. Леди Виктория Коллингтон была истеричка; она так по-детски зависела от мужа, которому была невыносима, что самой большой радостью для нее были визиты домашнего врача; она испытывала такое отвращение к себе, что охотно притупляла свой разум успокоительными и страстно желала, чтобы ее тело изуродовали скальпелем. Прав я или нет?

— Да уж, устроила она жизнь генералу, — проворчал старый мистер Хаттерсли, — но я бы добавил, что и в самых диких припадках она вела себя как настоящая леди.

— Она *давала отдых* своему бедному разуму посредством успокоительных, — сказал врач, — и хотела, чтобы ее *исцелили* скальпелем. С этими поправками ваш портрет несчастной леди более чем верен.

— Да, вы неплохо знаете мою жену, Бакстер, — усмехнулся генерал.

— Я никогда не встречал вашу жену, сэр Обри. Утопленница, которая пришла в сознание в этом доме, — другое лицо. Объясните присутствующим, доктор Приккет, кто такие Шарко из

Парижа, Гольги из Павии, Крепелин из Вюрцбурга, Бройер из Вены и Корсаков из Москвы.

— Это психиатры, специалисты по болезням мозга и нервной системы. Шарко я считаю шарлатаном, но, конечно, на континенте даже его высоко ценят.

— Во время кругосветного путешествия мы посетили их всех. Каждый из них обследовал женщину, которую я называю Беллой Бакстер, и дал о ней заключение. Эти заключения, подписанные и заверенные, сопровождаемые переводами на английский язык, лежат здесь на столе. Терминология в них различается, поскольку эти врачи смотрят на человеческий рассудок с разных точек зрения, и Крепелин с Корсаковым разделяют мнение доктора Приккета о Шарко. Но в отношении Беллы Бакстер они единодушны — это психически здоровая, физически крепкая и жизнерадостная женщина с ярко самостоятельным взглядом на жизнь несмотря на то, что потеря памяти, вызванная черепно-мозговой травмой и гибелью неродившегося ребенка, лишила ее всех воспоминаний о жизни, предшествовавшей ее появлению здесь. Если отвлечься от этого, ее нервно-психическая устойчивость, острота чувственного восприятия, цепкость

памяти, способность к интуитивному и логическому суждению исключительно высоки. Шарко смело утверждает, что потеря памяти пошла ее разуму на пользу, заставив ее вновь познавать мир в возрасте достаточно зрелом, чтобы сразу осмысливать познаваемое, чего люди, всю жизнь находящиеся во власти детских впечатлений, обычно не делают. Они все согласны, что у нее нет признаков мании, истерии, фобии, слабоумия, меланхолии, неврастении, афазии, кататонии, садомазохизма, некрофилии, копрофилии, мании величия, грязелюбия, ликантропии, фетишизма, нарциссизма, онанизма, беспричинной агрессивности, нездоровой скрытности и навязчивой тяги к сафической любви. Единственное отмеченное проявление навязчивости имело лингвистический характер. Эти заключения основаны на обследованиях, выполненных зимой 1880–1881 годов, когда она училась читать и испытывала восторг перед синонимами, ассонансами и аллитерациями — восторг, временами граничащий с эхолалией. Крепелин сказал, что это бессознательная компенсация недостатка чувственных воспоминаний. Шарко высказал мысль, что она может стать поэтессой, Бройер — что эта навязчивая тяга будет ослабевать по мере накопления

воспоминаний. Так и случилось. Ее речь вошла в обычные рамки. Как утверждает Шарко, она на удивление свободна от нездоровых предрассудков, свойственных ее соотечественникам; тут, безусловно, отразились его собственные национальные предрассудки, но его последние слова хорошо подытоживают заключения всей пятерки: самая вопиющая ненормальность Беллы Бакстер состоит в ее полной нормальности. Эта женщина не может быть женой генерала Коллингтона. Пожалуйста, исследуйте эти свидетельства, доктор Приккет, или возьмите их с собой и убедитесь в их подлинности на досуге.

— Не тратьте время попусту, Приккет, — сказал генеральский адвокат. — Это не имеет отношения к делу. Увертки, и ничего больше.

— Поясните, пожалуйста, ваши слова, — терпеливо попросил его Бакстер.

— С легкостью. Предположим, некий гнусный мерзавец украл у меня деньги и сбежал с ними из Лондона. Предположим, три года спустя полиция арестовывает его в Глазго и хочет уже упечь его за решетку, как вдруг прибегает врач с криком: «Стойте! Я могу доказать, что этот человек с тех пор, как украл ваши деньги, стал дружелюбней и здоровей и что он начисто забыл о краже».

Полиция сочтет, что это увертки. Из-за своей эротомании леди Коллингтон была генералу очень скверной женой, но ни он, ни законы нашей страны не позволят ей ни выходить замуж вторично при живом муже, ни счастливо жить по-шотландски сразу с двумя только лишь потому, что ее счастливое состояние засвидетельствовано оравой заграничных психиатров.

Раздался негромкий звук, похожий на куриное кудахтанье, — генералу стало смешно. Бакстер вздохнул.

Вздохнул и сказал:

— Сэр Обри. Мистер Хаттерсли. Эта женщина готовится к общеполезной работе на благородной стезе медицины. Зачем насильно возвращать ее в лоно брака, сделавшего и ее, и мужа несчастными? Если Свичнет — мой прихлебатель, то Харкер, Приккет и Граймс — ваши. Никто в этой комнате не желает скандала. Единственный человек вне ее, который знает правду или хотя бы часть правды, — сумасшедший, что подтверждено врачами. Все, что я говорил, имело целью убедить вас, что для вас и достойно, и возможно будет разрешить этой женщине свободно выбрать, вернется ли она в Англию с вами или останется в Шотландии, — и достойно, и возможно.

— Невозможно, — сказал генерал мрачно. — Толки об исчезновении моей жены с годами усилились, а не ослабели. В доброй половине лондонских клубов считают, что я избавился от домашних трудностей таким же манером, каким избавлялся от мятежных индусов и ашантийцев. Но на этот раз, черт возьми, они меня осуждают, а не превозносят. Принц Уэльский на той неделе прошел мимо, не поклонившись, а ведь этот невежа несколько тысяч мне должен. Как я покинул поля сражений и подался в парламент, газетчики тут же начали забывать, что я был народным любимцем. Один радикальный листок уже подпускает намеки, и если я не прихлопну клевету в зародыше, популярные газеты тоже Синей Бородой меня окрестят. Гладстон, этот лицемер до мозга костей, посоветовал мне *защитить мое доброе имя,* пообещав солидное вознаграждение за сведения о моей жене, живой или мертвой. Как вы не понимаете, что сегодня же шотландский священник, усевшись с семьей и друзьями за рождественский стол, пойдет чесать языком о том, как я нарушил свадебную церемонию? Нет, Виктория. Если окажется, что этот Бакстер научил тебя вести себя как следует, я щедро заплачу ему за труды, но ты возвратишься со мной на юг,

помнишь ты меня или нет.

— И подумай, что ты будешь иметь, когда вернешься домой, Виктория! — воскликнул старый мистер Хаттерсли, придя в сильное возбуждение. — Сэр Обри уже, считай, на три четверти покойник и протянет от силы года четыре. Но за это время он хоть одного-то сына тебе сварганит, а там, пока парень не вырастет, живи себе как душа пожелает — хоть в лондонском доме, хоть в лоумширском поместье, хоть в другом поместье в Ирландии! Только подумай об этой роскоши, Викки, и вся она — тебе и мне. Да, и мне тоже! Дедушке баронета! Ведь всем этим ты мне обязана, Викки, кто же тебе жизнь-то дал? Так что уж будь послушным осликом. Впереди мешок с морковкой — почет и богатство, а сзади вот-вот кованый сапог ударит — сумасшедший дом. Да мы тебя за милую душу в приют упечем! Никто и не посмотрит, что там наболтала два года назад кучка заграничных профессоров, если доктор Приккет и еще какой-нибудь наш специалист с рыцарским титулом установят, что у тебя не все дома. А ведь это так, Викки, взять хотя бы то, что ты родного своего папу не узнаёшь. Или богатство, или сумасшедший дом — вот что выходит. Выбирай давай.

— Или разведись с сэром Обри, — сказал Бакстер. — Если он рассматривает свой брак с точки зрения буквы закона, почему ты не можешь?

Мы все воззрились на него.

Даже генерал, открыв на минуту глаза, наблюдал, как Бакстер занял свое место за столом и переложил какие-то бумаги снизу наверх. Взглянув на первую страницу, он произнес:

— 16 февраля 1880 года к леди Коллингтон, находившейся тогда на сносях, явилась другая женщина, также беременная, бывшая судомойка на Порчестер-террас, которая заявила, что она — брошенная любовница сэра Обри, и взмолилась о денежной помощи. Сэр Обри…

— Остерегитесь, сэр! — рявкнул генерал, но Бакстер заговорил еще громче:

— Сэр Обри ворвался в комнату, вышвырнул посетительницу на улицу и запер жену в угольном чулане. На следующее утро леди Коллингтон исчезла.

— Мистер Бакстер, — торопливо вмешался адвокат, — теперь оказывается, что вам известны поразительные факты о прошлом дамы, о которой до сих пор вы вроде бы ничего не знали. Если эти обвинения не будут подтверждены показаниями очевидцев, которые дадут их в суде под

присягой и выдержат жесткий перекрестный допрос, вы дорого заплатите за клевету.

БЛАЙДОН ХАТТЕРСЛИ

— Я получил эти сведения от сержанта Кафа, — сказал Бакстер, — которого вы, может быть, знаете, мистер Граймс.

— Бывший сотрудник Скотленд-Ярда?

— Да.

— Хороший. Много берет, но и работает на совесть. Любит разнюхивать делишки аристократов. Нанимали?

— Я нанял его в прошлом месяце и попросил узнать все что можно о леди Коллингтон после того, как прочел в письме Парринга, что Белла Бакстер — новое воплощение Виктории Коллингтон. В лежащем здесь отчете Кафф называет многих людей, готовых дать в суде показания против генерала, в большинстве своем слуг, которые уволились или были уволены вскоре после исчезновения леди Коллингтон.

— При чем тут это? — возразил генерал. — Английские слуги худшие в мире, и больше двух месяцев никто еще у меня не держался. Вот говорят, я с дикими народами жесток, как дикарь, но единственный человек, кому я вполне доверяю, — мой личный слуга-индус. Странное дело, да?

— Слуги, свидетельствующие против бывших хозяев, — сказал адвокат, — пользуются очень

малым доверием в английских судах.

— Этим поверят, — заметил Бакстер. — Пожалуйста, мистер Харкер, возьмите копию отчета с собой в отель и обсудите все с генералом наедине. Поезжайте сейчас, немедленно. Слишком много тягостных обвинений уже прозвучало сегодня в этих стенах. Завтра я приеду к вам в отель «Сент-Инок» и вы скажете, что вы решили.

— Нет, Бог, — сказала Белла мрачно и твердо, — мое прошлое оказалось уж очень интересным. Я хочу знать все подробности.

— Валяйте, Бакстер, — сказал генерал, зевая. — Сотрясайте воздух дальше. Все равно это ничего не изменит.

Бакстер вздохнул, пожал плечами и принялся излагать содержание отчета; тем временем адвокат, сидя на стуле у окна, изучал врученную ему копию. Бакстер говорил, обращаясь непосредственно к генералу, а не к Белле. Иначе он был бы обеспокоен переменами, которые его рассказ производил в ее лице и фигуре.

— Долли Перкинс, девушка шестнадцати лет, была вашей горничной, сэр Обри, до тех пор, пока накануне вашей свадьбы вы не сняли ей квартиру в пансионе близ Севен-дайелс. Вы не назвали своей фамилии хозяйке, миссис Глэдис

Мун, но она узнала вас, вспомнив ваши портреты в «Иллюстрейтед Лондон ньюс». По ее словам, вы регулярно проводили у мисс Перкинс по два часа, посещая ее вечером во вторник, а также вечером в пятницу, когда вы платили за квартиру. Так продолжалось четыре месяца, пока однажды в пятницу, расплачиваясь с миссис Мун, вы не сказали ей: «Сегодня плачу в последний раз, больше вы меня не увидите. От Долли Перкинс проку теперь никакого. Если вы от нее теперь не избавитесь, она испортит репутацию вашего пансиона». Миссис Мун пошла к мисс Перкинс, которая призналась, что она беременна и не имеет ни гроша. Ей было велено освободить квартиру.

— Она забеременела не от меня, — сказал генерал хладнокровно, — мои забавы с Долли полностью исключали такую вещь, как зачатие. Никто, конечно, *этому* не поверит, и вот жадная сука стала меня шантажировать, вымогая деньги на роды ублюдка и угрожая сказать моей жене, что ребенок от меня. Я велел шлюхе убираться ко всем чертям и не дал ей ни гроша.

— Несчастный вы старый, дурной генерал, — промолвила Белла скорбным тоном, — и вы всерьез считали вашу жену сумасшедшей из-за того, что она хотела греться с вами больше, чем

час в неделю, при том что вы обнимали другую девушку по четыре часа?

— Я никогда не *обнимал* Долли Перкинс, — процедил генерал сквозь зубы. — Бога ради, расскажите ей, что такое МУЖЧИНА, Приккет. Тут ей неоткуда было это узнать.

— Вероятно, сэр Обри хо-хо-хочет, чтобы я сказал, — заговорил врач неуверенно, — что сильные мужчины, которые возглавляют и защищают б-б-британский народ, должны по-поддерживать свою силу, ублажая *животную* сторону своей натуры и ра-ра-развлекаясь с девками, но в то же время хранить чи-чи-стоту своей су-су-супружеской постели и святость жилища, где зарождается жизнь их сынов и дочерей. И вот почему с бе-бе-бе-бе-бе-бе бе-бе-бе, — генеральский врач вынул носовой платок и промокнул лицо, — вот почему с бедной Долли *пришлось* обойтись таким *жу-жу-жутким* образом.

— Не распускайте только нюни, Приккет, — спокойно посоветовал генерал. — Вы прекрасно все разобъяснили. Продолжайте ваш рассказ, мистер Бакстер, и помните, что я не стыжусь ничего, что сделал, будь то у меня дома или в другом месте.

Бакстер продолжил рассказ.

— 16 февраля 1880 года Долли Перкинс вошла в дом 19 по Порчестер-террас через черный ход. Она была измучена, оборвана, голодна и не имела в кармане ни гроша. Кухарка миссис Блаунт усадила ее на стул, налила ей чашку чаю, дала поесть и вновь занялась своими делами. Через некоторое время она увидела, что на стуле никого нет. Долли Перкинс пробралась наверх, в гостиную, повстречалась с леди Коллингтон, рассказала ей свою историю…

— Большей частью враки, — вставил генерал.

— …и взмолилась о помощи. Леди Коллингтон уже доставала деньги, когда вошел сэр Обри, позвал своих лакеев, велел им вышвырнуть Долли Перкинс на улицу и с помощью личного слуги затащил жену наверх…

— Перенес наверх. Она была в обмороке, — сказал генерал.

— Значит, она быстро пришла в себя. Вы заперли ее в спальне, но она распахнула окно и принялась кидать стоявшей внизу Долли разные вещи — вначале кошелек и драгоценности, затем все мало-мальски ценное, что попадалось под руку. Постепенно, хотя мела метель, под окном стала собираться толпа зевак. Воображаю…

— То, что вы воображаете, не есть улика, —

заметил адвокат, не поднимая глаз от копии отчета.

— …каким экстатическим возбуждением преисполнили леди Коллингтон ее безоглядные действия на виду у столь благодарной публики. Еще бы. Скорее всего, это был первый решительный поступок в ее жизни. Она стала выкидывать туалетные наборы, туфли, шляпки, перчатки, чулки, корсеты, платья, подушки, постельное белье, каминные принадлежности, часы, зеркала, хрустальные вазы и вазы китайского фарфора, которые, конечно, разбились…

— И маленький портрет моей матери в детстве работы Энгра, — сказал генерал сухо. — По нему проехало колесо кеба.

— Поначалу сэр Обри подумал, что на улице просто шумят Долли Перкинс и ее дружки-оборванцы. Когда наконец он понял, в чем дело, и бросился в спальню жены, леди Коллингтон уже метала в окно стулья и туалетные столики. Лакеи и личный слуга затащили ее в полуподвал…

— Перенесли! — упорствовал генерал. — Все-таки она была в положении, хоть и превратилась в буйнопомешанную. Полуподвал — единственное помещение в доме с решетками на окнах.

— Тем не менее вы ее заперли в угольном чу-

лане без окон.

— Да. Я вдруг сообразил, что ключи от всех этих чертовых помещений там внизу, кроме угольного чулана, гуляют где-то у слуг, а им я не мог доверять. Виктория всегда была с ними запанибрата, и я боялся, что они ее выпустят. Что и произошло. Мне три часа понадобилось, чтобы вызвать Приккета и еще одного врача для освидетельствования, найти приют для душевнобольных, где согласились принять беременную, и договориться, чтобы они прислали обитую войлоком карету «скорой помощи» с тремя дюжими санитарками. Когда я вернулся, птичка уже улетела.

— Ваш бывший лакей Тим Блэчфорд утверждает, что сбил замок кочергой, — сказал адвокат, глядя на последнюю страницу отчета. — Миссис Блаунт, ваша бывшая кухарка, сказала: «Мы все умоляли его об этом. Бедная леди так плакала и кричала, что по всему дому было слышно. Мы боялись, что она начнет рожать и в этой проклятой темнице погибнут и она, и ребенок». Однако леди Виктория вышла оттуда целая и невредимая. Ваша бывшая экономка миссис Маннери дала ей одежду, которую подобрала на улице (она была чище, чем ее вымазанное углем платье), и деньги на проезд к отцу в Манчестер.

— Виктория опять обезумела, — сказал генерал.

Мы все посмотрели на Беллу, и старый мистер Хаттерсли издал стон ужаса.

Ее плоть так тесно прилегла к костям, что фигура стала угловатой, но самая жуткая перемена произошла с лицом. Бледный заострившийся нос, впалые щеки и глазницы с глубоко ушедшими в них глазами давали совершенно отчетливые очертания черепа, причем каждый зрачок расширился почти до размеров целого глаза, оставив только крохотные треугольнички белка по краям. Темная масса вьющихся волос тоже словно разбухла — все они на целый дюйм от корня встали дыбом, «как иглы на сердитом дикобразе». Без всякого сомнения, передо мной стоял изможденный призрак леди Виктории Коллингтон, какой она появилась из угольного чулана. Но голос, как ни печально он звучал, был, безусловно, голосом Беллы.

— Я чувствую то же, что чувствовала бедняжка, — сказала она, — но безумной от этого не стану. Значит, я приехала к тебе в Манчестер, папа. Как же ты поступил?

— Плохо! Плохо поступил, Викки! — воскликнул старик, молотя кулаками по ручкам

кресла. — Надо было оставить тебя в своем доме, послать за сэром Обри и договориться с ним по-хорошему — так договориться, чтоб и тебе была выгода, и мне. А я стал объяснять, что жена, покидающая мужа, есть нарушительница долга в глазах человеческих и Божеских. Я сказал, что семейный поединок надо вести у своего домашнего очага, иначе никогда его не выиграть. Еще я попросил тебя передать сэру Обри, что если у него не хватает денег, чтобы затыкать рты брошенным девкам, пусть посылает их ко мне — я-то умею обращаться с женщинами такого сорта. Все, что я говорил, было *верно*, Викки, но говорил-то я это потому, что хотел вытурить тебя из дома, с глаз долой, и чем скорее, тем лучше. Я боялся, что ты рожать у меня начнешь, ведь я НЕНАВИЖУ, когда рядом женщина щенится, ненавижу всю эту кровь, вопли и вонючую мерзость, брр, только подумаю — и тянет на рвоту. Так что я быстренько отвез тебя обратно на вокзал и купил билет до Лондона. Ты казалась очень спокойной и благоразумной, Викки, сказала, что мне не обязательно отхода поезда дожидаться, а я и рад был — опасался, что ты разродишься у меня прямо на платформе. Струсил, признаю и прошу прощения. А ты, едва я ушел, видать, поменяла

первый класс до Лондона на третий до Глазго. Вот ты и здесь!

— И здесь останусь, — промолвила Белла спокойно, и по мере того как она говорила дальше, линии ее тела и черты лица приобретали прежнюю мягкость, шапка волос опадала, глаза возвращали свою обычную глубину, размер и теплый золотисто-коричневый цвет. — Благодарю тебя, папа, за то, что ты дал мне жизнь, хотя, судя по всему, в сотворении меня все тяготы легли на маму, а на тебя — никаких. К тому же если не иметь свободы выбора, то и жить не стоит. Благодарю вас, сэр Обри, за то, что вы забрали меня из отцовского дома, спасибо и за то, что вынудили меня уйти из вашего. Или, скорее, мне Долли Перкинс надо за это благодарить. Без нее я, пожалуй, и дальше бы за вас цеплялась. Благодарю вас, доктор Приккет, за то, что вы пытались сделать жизнь выносимой для такого несчастного глупого существа, каким я была. Но сами-то вы таким существом были и остаетесь. Благодарю вас, мистер Граймс, за то, что вы узнали и рассказали мне, как мне пришлось пройти через воду, чтобы смыть мое бесполезное прошлое. Благодарю тебя, Бог, за то, что ты починил меня и ввел в дом, который не похож на тюрьму. Я буду и даль-

ше здесь жить. И как отрадно, Свечка, когда есть человек, которого вовсе и не нужно благодарить, с которым мы милуемся каждую ночь, с которым приятно поговорить утром и вечером и который днем оставляет меня наедине с моей работой.

С улыбкой она подошла ко мне, обняла меня и поцеловала, и я не мог воспротивиться, хотя мне было неловко, что мы так открыто выказываем наши чувства в присутствии ее первого мужа. Как-никак он был членом парламента от либеральной партии и знаменитым военачальником.

23. Последний бой Коллингтона

ПРИМЕЧАТЕЛЬНО, ЧТО С ТОГО МОМЕНТА как Белла резко отдернула руку от руки генерала, он лежал плашмя совершенно неподвижно, если не считать движений губ и языка при разговоре и век при мигании; поэтому когда старый мистер Хаттерсли назвал его на три четверти покойником, это прозвучало скорее как диагноз, чем как оскорбление. Теперь он негромко спросил:

— Как ваше мнение, Харкер?

— Они не выиграют у вас дело о разводе, сэр Обри. Обвинения в любовной связи с Долли Перкинс ничего не значат. Измена мужа не составляет основания для развода, если только она не совершена в извращенной форме — анально, инцестуально, гомосексуально или с животным. Если они будут напирать на жестокое обращение, их же собственные свидетели не смогут отрицать, что вы заперли леди Коллингтон в чулане, потому что она сделалась буйнопомешанной и необходимо было до прибытия медицинской помощи держать ее в таком месте, где она не причинила бы себе вреда. Бракоразводный про-

цесс окончится взятием леди Коллингтон под опеку суда и помещением ее под стражу в целях ее безопасности. Если бы не скандал, это было бы нам на руку.

— Нет уж, пожалуйста, без скандалов, — сказал генерал со слабой улыбкой. — Я уезжаю, Харкер. Спуститесь и попросите подать кебы к парадному. Убедитесь, что мой кеб стоит прямо против двери, и пришлите Мэхуна, чтобы помог мне спуститься. Спуск для меня тяжелее подъема.

Адвокат встал и молча вышел из комнаты.

После этого генерал Коллингтон сел, спустил ноги на пол и, положив руки на колени, с улыбкой обвел глазами комнату, кивая всем по очереди. Щеки его внезапно тронул румянец, в глазах появился озорной блеск, что мне показалось странным для человека, признавшего свое поражение.

— Выпьете на дорогу чаю? — спросил Бакстер. — Или чего-нибудь покрепче?

— Не надо, благодарю вас, — ответил генерал, — и прошу прощения, мистер Бакстер, за то, что отнял у вас столько времени. Парламентские методы всегда только время отнимают. Готовы, Граймс?

— Да, сэр, — отозвался тот отрывисто, как быв-

ший военный.

— Берите Свичнета, — скомандовал генерал и, вынув из кармана револьвер, снял его с предохранителя и направил на Бакстера.

— Сядьте-ка, мистер Свичнет, — произнес Граймс вежливым и дружелюбным тоном.

Я сел на ближайший стул, скорее завороженный, чем испуганный маленькой черной дырочкой в стволе оружия, которым он так решительно в меня целил. Я глаз не мот от нее оторвать. Послышался бодрый голос генерала:

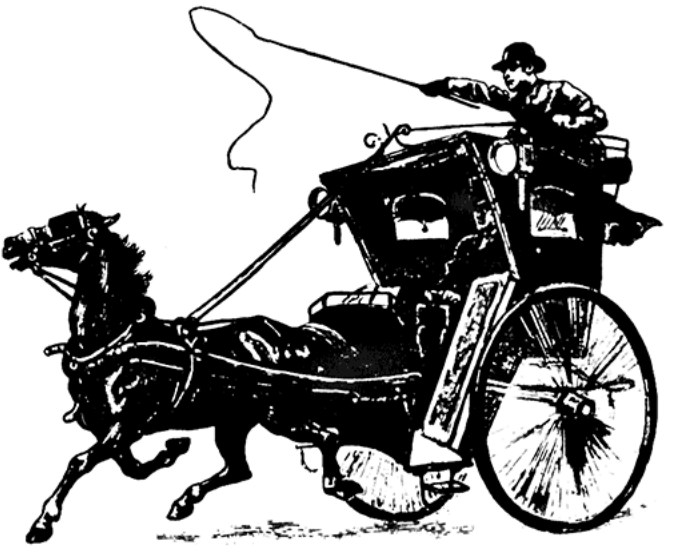
— Смертоубийства не будет, мистер Бакстер, но, если вы двинетесь с места, обещаю пустить вам пулю в пах. Приккет, хлороформ приготовили?

— Я… я… я… делаю это с ве-ве-величайшей неохотой, сэр Обри, — забормотал врач. Он сидел рядом с Граймсом, и я видел, как он вяло пытается встать и одновременно шарит во внутренних карманах в поисках пузырька и тряпочки.

— *Еще бы* вы делали это с охотой, Приккет! — сказал генерал с добродушным нажимом. — Но, так или иначе, вы это сделаете, потому что вы хороший человек и хороший врач и я вам доверяю. Ну, Виктория, ты, конечно, крепко любишь мистера Бакстера, который спас тебе жизнь и оказал ряд других мелких услуг. Сядь, посиди

рядом со мной, пока Приккет тебя усыпит. Если будешь артачиться, моя пуля сделает Бакстера калекой, а тебя придется оглушить рукояткой. ПРОЧЬ С ДОРОГИ, ЖЕНЩИНА!

Я повернул голову.



Кеб, подобный тому, в котором генерал Коллингтон хотел увезти свою «жену» Беллу Бакстер, усыпив ее хлороформом.

Повернул и увидел, что Белла вступила на

линию между Бакстером и Коллингтоном и движется к Коллингтону, протянув правую руку к его пистолету. Он начал перемещаться вдоль дивана, чтобы прицелиться в Бакстера в обход ее, но, легко прыгнув, она оказалась прямо перед ним и, схватив дуло пистолета, наклонила его к полу. Он выстрелил. Похоже, генерал был так же ошарашен этим, как все прочие, кроме Беллы. Она без труда выдернула за дуло пистолет из его руки и взяла его левой рукой за рукоятку. Как и Бакстер, она одинаково владела (и владеет) обеими руками, поэтому палец ее совершенно естественно лег на курок, а дуло теперь было направлено генералу прямо в лицо.

— Глупый ты вояка, — произнесла она, потирая правую ладонь, обожженную горячим дулом, о подол свадебного платья, — ты же ногу мне прострелил.

— Игра кончена, генерал, — сказал Сеймур Граймс и, как бы в извинение передо мной пожав плечами, поставил свой револьвер на предохранитель и спрятал в карман.

— Неужто *действительно* кончена, Граймс? — спросил генерал, не отрывая взгляда от сосредоточенно нахмурившейся Беллы. — Нет, Граймс, я не думаю, что игра совсем кончена.

С усилием он внезапно встал прямо, по стойке «смирно», как солдат на смотру, и теперь дуло пистолета упиралось в ткань его мундира на дюйм выше сердца.

— Огонь! — скомандовал он, холодно глядя прямо перед собой.

Прошло несколько секунд, и он сверху вниз ласково улыбнулся Белле, которая ответила удивленным взглядом.

— Виктория, милая моя, — сказал он мягким, уговаривающим голосом, — нажми курок. Это последняя просьба твоего мужа. Пожалуйста, выполни ее.

В следующий миг его лицо побагровело.

— ОГОНЬ! ПРИКАЗЫВАЮ ОТКРЫТЬ ОГОНЬ! — закричал он, и в моих ушах раскаты этого отчаянного приказа прогремели вспять по истории через Балаклаву, Ватерлоо, Каллоден и Бленхейм к Азенкуру и Креси. Я понял, что генерал Коллингтон взаправду *хотел* быть убитым, хотел всю жизнь, вот почему он так часто оказывался ранен. Столько властной мощи было в этом историческом приказе и пламенном призыве, что мне почудилось, будто все убитые в выигранных им сражениях поднимаются из могил, чтобы застрелить его на месте. Белла отчасти ему

повиновалась. Повернувшись верхней половиной тела, она выпустила оставшиеся пять пуль в камин. Грохот был такой, что уши заложило; от дыма у меня начали слезиться глаза, а другие раскашлялись. Сдувая дым, она поднесла к губам курящийся ствол характерным жестом, который я вспомнил позже, когда мы были на гастролях цирка Буффало Билла на Большой ист-эндской выставке 1891 года. Затем она сунула револьвер в карман генеральского мундира и упала в обморок.

После этого стремительно произошло несколько событий. Бакстер неуклюже ринулся к Белле, поднял ее, уложил на диван, снял с ноги туфлю и чулок Я метнулся к буфету, где мы держали аптечку. К счастью, пуля прошла навылет, пробив перепонку между пяточной и малоберцовой костями плюсны и даже не задев кость. А старый мистер Хаттерсли тем временем хлопал в ладоши в кричал:

— Ну не славная ли девка! Видали таких боевых? Побожусь, что нет! Истинно дочь Блайдона Хаттерсли, вот кто она такая!

Отворилась дверь, и в ней показались две удивительно не похожие друг на друга фигуры: миссис Динвидди и высокий смуглый человек в

тюрбане и пальто до самых пят. Я понял, что это Мэхун, личный слуга генерала.

— Вызвать полицию, мистер Бакстер? — спросила экономка.

— Нет, принесите лучше кипятку, миссис Динвидди, — сказал Бакстер. — Тут один из наших гостей произвел неудачный эксперимент, но никто серьезно не пострадал.

Миссис Динвидди вышла. Генерал стоял к нам боком, угрюмо пощипывая кончики длинных усов.

— Уходим, сэр? — деловито спросил Сеймур Граймс.

— Прошу вас, прошу, уйдем поскорее! — взмолился доктор Приккет, и, послушайся его генерал Коллингтон, он, вероятно, прожил бы еще несколько лет и удостоился пышных официальных похорон и памятника.

Я думаю, он потому не уходил, что был озадачен: он и не одержал победы, и не потерпел полного поражения. Белла, хоть и не была усыплена хлороформом, лежала без сознания, мы с Бакстером склонились над ней, повернувшись к нему спиной, словно он вовсе не существовал. Рукояткой пистолета, который лежал у него в кармане, он легко мог оглушить меня и, пожалуй,

Бакстера тоже, после чего с помощью Мэхуна мог вынести Беллу в поджидавший кеб. Но это был бы трусливый поступок, а трусом генерал не был. Может быть, он медлил, потому что искал короткую, хлесткую, джентльменскую фразу, которой он привлек бы перед уходом наше внимание, — ведь он не привык, чтобы его не замечали. Тем временем мы впрыскивали Белле морфий, промывали рану йодом и накладывали повязку. Вдруг она открыла глаза, посмотрела на генерала и задумчиво сказала ему:

— Теперь я вас вспомнила: Париж, отель «Notre-Dame», Темничные апартаменты. Вы человек в маске — месье Заголизад.

Потом между взрывами хохота она громко выкрикивала:

— Генерал сэр Обри ле Диш Заголизад, кавалер креста Виктории, вот умора-то! В бордель публика ходит и так все больше скорострельная, но вы самый шустряк из всех были! Что вы девчонок вытворять заставляли, чтобы не кончить в первые полминуты, — Господи, это же, ха-ха-ха-ха, это же курам на смех! Но они вас любили, надо сказать. Генерал Заголизад платил щедро и вреда не делал — даже гонорейкой никого не наградил. Самое у вас дерьмовое — помимо того, что вы уй-

му народа положили и слугами помыкаете, — то, что Приккет называет *«чи-чи-чистотой вашей су-супружеской постели»*. Fuck off! Проваливай, несчастный мерзкий чудной дурной старый мудила, ха-ха-ха-ха! Проваливай!

Я судорожно глотнул воздух. Позже мне говорили, что только в английском языке есть слово, обозначающее телесную любовь, которое используют и как существительное, и как глагол, и как прилагательное, — непристойное, запретное слово. С малых лет я то и дело слышал, как его употребляли батраки на Уопхиллских фермах, но и мама, и Поскреб, услышь они его от меня, дух из меня бы вышибли. Бакстер, однако, улыбнулся, как будто прозвучало волшебное слово, избавляющее нас от всех напастей. Генерал побледнел так, что его седые усы и борода стали темнее лица. С полузакрытыми глазами и разинутым ртом он заковылял куда-то боком, пока не наткнулся на Приккета, потом его повело в сторону Граймса, и наконец, поддерживаемый ими обоими, он на дрожащих ногах направился к двери, которую услужливо придерживал Мэхун. За ним медленно, как лунатик, проследовал мистер Хаттерсли, но прежде чем Мэхун закрыл за ним дверь, он повернулся к нам и протяжно, со стоном в голосе

проговорил:

— Нет, это не дочь Блайдона Хаттерсли.

И вот все они ушли.

— Хорошо, — сказал Бакстер мгновение спустя, убедившись, что температура и пульс Беллы не внушают опасений. — Я думаю, генерал согласится на раздельное проживание без скандального развода. Это, конечно, означает, что вы с Беллой не сможете пока пожениться, но развод серьезно осложнил бы карьеру начинающей женщины-врача у нас в Шотландии. Благоразумное конфиденциальное соглашение будет лучшим выходом для вас с Беллой, пока генерал Коллингтон не умрет от естественных причин.

Но через два дня газеты объявили, что генерал Коллингтон найден мертвым на полу оружейной комнаты своего загородного дома в Лоумшир-да-

унс[27]. Револьвер в руке и угол, под которым пуля пробила череп, исключали возможность несчастного случая. Как заключил коронер, он умер «в состоянии душевного расстройства», поэтому его похоронили по англиканскому обряду, но без официальных почестей. Лондонская *«Таймс»* в некрологе писала, что, по всей видимости, избрать «конец римлянина» его подвигли политические неурядицы, и намекала, что винить в его смерти следует Гладстона.

[27] Критические: 2.27

Начало карьеры этого знаменитого в свое время военачальника, как и конец, было отмечено трагедией. В 1846 г. в Сандхерстском военном училище Коллингтон стал инициатором выходки, из-за которой его однокашник разбился насмерть, хоть, может быть, и не наш герой развязал шнурки на башмаках жертвы. Вероятно, благодаря связям его семьи с герцогом Веллингтонским он не был исключен, а отделался выговором. В 1848 г. герцог был Лордом Главным Констеблем Англии и занимался организацией военного отпора лондонским чартистам. Он взял Коллингтона себе в помощники, но остался им недоволен. Ригби приводит в своих мемуарах слова герцога, сказанные лорду Монмуту: «Обри — храбрый и толковый солдат, но он оживляется, только когда можно убивать. К сожалению, большую часть службы проводишь в ожидании этой возможности. Его надо послать за моря, и чем дальше от Англии, тем лучше. Там и держать все время».

Герцог умер в 1852 г., но к его совету прислушались. Британские газеты захлебывались от восторга, описывая заморские победы Коллингтона, зачастую одержанные с помощью туземных войск. Джордж Огастус

Сейла окрестил его в «Дейли телеграф» Громобоем Коллингтоном. Хоть его и не жаловало собственное сословие, ему оказывала почести королева — то есть его рекомендовали для оказания почестей Пальмерстон, Гладстон и Дизраэли. Парламент, в свой черед, воздавал ему дань благодарности и назначал денежные премии, хотя временами тот или иной депутат-радикал выражал мнение, что он «умиротворяет» территории с недолжной жестокостью. Писатели большей частью его хвалили. Карлейль охарактеризовал его так:

> *«Он худой, устремленный ввысь человек-сосна, и хоть ветви его обломаны непогодой, он каждым дюймом своей прямоты указует в небеса, ибо укоренен в Действительности. Хорошее дерево для копья! Слова для него не более чем ветер. Нечего удивляться, что на него ополчилась вся братия вестминстерской говорильни. Стань же, копье, ланцетом, вскрой гнойные болячки парламентского пустословия, избавь тело страны от гнилостных ядов!»*

Теннисон впервые увиделся с ним на публичном банкете в поддержку губернатора Эйра[28] и под впечатлением от встречи написал стихотворение «Орел». Хотя оно известно многим, мало кто понимает, что это романтический портрет знакомого автору человека:

Орел

Вонзивши коготь, как багор,
Стоит он, страж прибрежных гор,
Вокруг — лишь синевы простор.
Глядит с заоблачных высот
На пенную пустыню вод
И падает, как громом бьет.

Но, бесспорно, лучшую стихотворную дань Коллингтону воздал Редьярд Киплинг, который считал, что генерал был затравлен до смерти парламентскими хулителями:

Конец Громобоя

Канадскому охотнику метис уже не страшен,

И в Патагонии крестьян никто не гонит с пашен.
Купец китайский мирно считает свой барыш —
Полиция не дремлет, и с ней не пошалишь.
Каму же мы обязаны идиллией такой?
ТОМУ, КТО НА ПОЛУЛЕЖИТ С ПРОБИТОЙ ГОЛОВОЙ.

В парламенте раздолье для плута и глупца,
Там радикал-сентиментал поносит храбреца,
Там правит тряпка «реалист», что действия боится,
А тот, кто дело делает, — «ах, преступил границы».
Да, кто-то дело делает — одним мы рукоплещем,
Как Китченеру, на таких, как Коллингтон, — клевещем.
Пусть радуются радикал и «реалист» гнилой —
ЛЕЖИТ НЕДВИЖЕН КОЛЛИНГТОН С ПРОБИТОЙ ГОЛОВОЙ.
Немало мест на свете есть, где бритт как дама ныне,
Но где вчера кочевник злой лишь крался по пустыне.
Туземец мирный сеет, жнет, спускается в забой —
Собратьям его диким дал острастку Громобой.
За нас крушил их Громовой — нам вопли режут слух.
Огнем палил их Громобой — претит нам гари дух.
За нас лупил их Громобой — нас пробирает дрожь.
За нас рубил их Громобой — пустились мы в скулеж.
Как обожает домосед покой, пристойность, меру!
Датчан он Дрейку предпочтет, а буйных негров — Эйру.
Плывут на родину суда с зерном, скотом, рудой…
СЭР ОБРИ НА ПОЛУЛЕЖИТ С ПРОБИТОЙ ГОЛОВОЙ.

После подобного панегирика будет только справедливо, если мы приведем два менее лестных косвенных упоминания о Коллингтоне. В 1846 г., когда Диккенс писал роман «Домби и сын», стало известно

о роковой выходке Коллингтона в Сандхерсте. Отсюда — разговор на набережной в Брайтоне, где майор Бэгсток спрашивает Домби, пошлет ли он сына в школу.

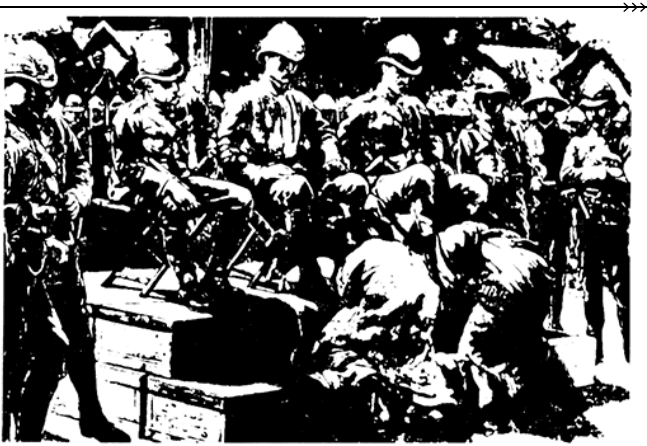
> *— Я еще не решил, — отвечал мистер Домби. — Вряд ли. Он слабого здоровья.*
> *— Если слабого здоровья, — сказал майор, — то вы правы. Только крепкие ребята могли выдержать жизнь у нас в Сандхерсте, сэр. Мы там друг друга пытали, сэр. Новичков поджаривали на медленном огне, подвешивали вниз головой за окном четвертого этажа. Джозефа Бэгстока, сэр, так вот продержали за пятки башмаков ровно тринадцать минут по шкальным часам.*

Наконец, прототипом капитана Пли из стихотворной карикатуры Хилэра Беллока на строителя империи в такой же степени, как Сесила Родса, можно считать генерала Коллингтона:

Пли знал туземные замашки.
«Будь добр, но не давай поблажки», —
Любил он говорить.
В итоге — смута. Помню ясно,
Как Пли всех нас в тот день ужасный
От гибели спасал.
Он, стоя на холме зеленом,
Обвел округу взглядам сонным
И тихо так сказал:
«Что б ни случилось, худо им
Придется, ведь у нас «максим».

Эпизоды военной карьеры генерала Коллингтона (рисунки и комментарии к ним взяты из еженедельника «График иллюстрейтед уикли ньюс»).

Распродажа с аукциона в мандале добычи, награбленной в бирманской экспедиции: *«Громобой» Коллингтон полагает, что рядовой солдат, охраняющий покой Империи, заслуживает большего, чем простое жалованье».*



Унижение короля Премпе: *«После подавления восстания ашантийцев губернатор, в числе прочего, потребовал, чтобы кораль Премпе изъявил победителям свою покорность по местному обычаю. Разувшись и сняв корону, король вместе с королевой-матерью подошел к возвышению, на котором сидели сэр Фрэнсис Скотт, генерал Коллингтон и мистер Максвелл. Встав на колени, король и королева на глазах у изумленных ашантийцев припали к сапогам англичан».*

Убийство в Северной Индии: *«Во время карательной экспедиции против племен, населяющих холмы Лушай, в могиле старейшины по имени Хаусата было обнаружено ружье покойного лейтенанта Стюарта. По сведениям, полученным в соседних деревнях, если лейтенанта действительно убил Хаусата, то ружье Стюарта должно было находиться в могиле старейшины. Могилу раскопали. В ней рядам с набальзамированным телам Хаусаты лежало ружье; это убедительно доказывает, что генерал Коллингтон по праву сжег дама провинившихся индусов».*

{28} Примечания переводчика: 1.28

Эдвард Джон Эйр (1815–1901) был в 1864 г. назначен губернатором Ямайки, в 1866 г. отозван после жестокого подавления восстания негров.

24. Последнее «прости»

ЧИТАТЕЛЬ, МЫ ПОЖЕНИЛИСЬ, И МНЕ МАЛО что осталось сказать. Наша семья процветает. Наша общественная служба приносит пользу и получила признание. Доктор Арчибальд Свичнет — председатель Городской комиссии по благоустройству; доктора Беллу Свичнет, известную по руководству Гинекологической клиникой имени Боглоу Бакстера, фабианским брошюрам и деятельности в поддержку предоставления женщинам избирательного права, приглашали для выступлений чуть ли не во все европейские столицы, и ее старый знакомый доктор Хукер сейчас готовит ее лекционное турне по Америке. Когда приятели в городском «Клубе искусств» посмеиваются над тем, что моя жена более знаменита, чем я, у меня всегда наготове ответ: «Одной знаменитости на семью вполне довольно». Верю, что наши сыновья оценят флегматичного отца как необходимый противовес блестящей, не укладывающейся в привычные рамки матери. Верю, что их мать думает обо мне именно так. Она — наполненный ветром парус, элегантная

оснастка и деятельная, залитая солнцем палуба нашей супружеской яхты; я же — крепкий подводный корпус со скрытыми от глаз балластом и килем. Это сравнение преисполняет меня глубоким довольством.

С тяжким сердцем приступаю я теперь к описанию последних дней того, кто навсегда останется для меня лучшим и мудрейшим из людей.

На следующий день после нашей победы над генералом Коллингтоном в телесном здоровье Бакстера произошло ухудшение, степень которого он тщательно скрывал даже от близких людей. Он позвал нас к своей постели, объяснил, что на несколько недель ему понадобится покой, и попросил поставить приборы, необходимые для его питания, на скамью подле кровати. Мы так и сделали. Счастье превратило нас с Белл в эгоистов — мы получали больше удовольствия от еды, не ощущая неприятных запахов с его конца стола и не вздрагивая от его резких, неожиданных отлучек к дистилляционной установке. Через неделю мы уехали за границу на медовый месяц. Когда мы вернулись, Белла возобновила учебу на курсах медицинских сестер в больнице на Дьюк-стрит, я — работу в Королевской лечеб-

нице, потому что планы, которые мы для себя строили, нельзя было осуществить немедленно. Каждый вечер перед сном мы час или больше проводили у постели Бакстера: я играл с ним в шахматы или криббидж, Белла обсуждала свою работу. Порой она приходила из-за нее в бешенство. Мисс Найтингейл выстроила британскую сестринскую службу наподобие армии, для которой она первоначально была предназначена. Врачи соответствуют офицерам, старшие сестры — сержантам и старшинам, младшие — рядовым. Ниже стоящие редко сами обращаются к вышестоящим, поскольку их мыслительные способности *сознательно* почти не используются. Я видел смысл и благоразумие такого порядка, но благоразумно молчал, потому что Белла не могла их увидеть. Бакстер убеждал ее:

— Не ссорься с учреждением, пока ты не узнала досконально, как оно действует. Используй тем временем свой свободный разум, чтобы спланировать дело лучше.

Он указывал ей на слабые места в ее планах — не для того, чтобы отбить у нее охоту искать лучшие пути, а чтобы помочь ей сделать эти пути практическими. Гинекологическая клиника имени Боглоу Бакстера построена согласно

принципам, обсуждавшимся весной 1884 года. К тому времени нам уже стало привычно, что Бакстер не встает с постели. Он не открывал тайн своего обмена веществ, и мы были бессильны ему помочь.

Однажды утром, когда я уходил на работу, миссис Динвидди подала мне записку от него.

> *Дорогой Арчи! Пожалуйста, попроси сегодня кого-нибудь тебя подменить и зайди ко мне точно в полдень. Хочу побеседовать с глазу на глаз. Белла о нашем разговоре пока что знать не должна. Прости за беспокойство — это в последний раз.*
>
> ***Твой Б.***

Меня обеспокоил дрожащий и корявый почерк записки, а также то, что он назвал меня по имени, а не по фамилии. Этого я за ним не помнил. В полдень я поспешил домой и увидел в вестибюле миссис Динвидди. Лицо у нее было заплаканное, и она сказала:

— Я только что помогла мистеру Боглоу одеться и перейти в старый кабинет сэра Колина. Вы ему очень нужны, доктор Свичнет. Идите скорее.

Я побежал.

Открыв дверь, я услышал смесь глухого стука, жужжания и струнного звона, в которой угадывалось чудовищно усиленное биение человеческого сердца. Звук исходил от Бакстера, который сидел за столом, стиснув его края изо всех сил, так что жуткая дрожь, сделавшая черты его лица неясными, рукам не передавалась.

— Быстро! Укол! Подкожно! — прозвучал его искаженный дрожью голос, и он повелительно мотнул головой. Перед ним на подносе лежал наполненный шприц, рукав рубашки на одной руке был закатан. Я взял шприц, ухватил двумя пальцами кожу и сделал ему инъекцию. Через несколько секунд дрожь прекратилась и ужасный звук сделался тише. Он вздохнул, вытер лицо платком, улыбнулся и сказал:

— Спасибо, Свичнет. Молодец, что пришел. Я тут умирать собрался.

Я сел и заплакал, не в силах сдерживаться или прикидываться, что не понял. Улыбка его стала шире, он похлопал меня по плечу со словами:

— Еще раз спасибо, Свичнет, эти слезы мне в утешение. Значит, тебе добро было от меня.

— Почему ты не можешь еще пожить?

— Могу, но в сплошных муках и унижениях.

С моей ранней юности сэр Колин постоянно твердил, что мне жизненно важно всегда поддерживать душевное равновесие, что сильные чувства фатально усугубят рассогласование в функциях внутренних органов. Когда Белла сказала, что помолвлена с тобой, переживание нарушило работу дыхательной системы. В ночь ее возвращения из Парижа она задала мне пугающий вопрос, от последствий которого моя нервная система так и не оправилась. Шесть недель спустя адвокат Коллингтона так меня разозлил, что мой пищеварительный тракт пришел в полную негодность. По моему внешнему виду этого, может быть, и не скажешь, но я умираю голодной смертью, Свичнет, и только производные опиума и кокаина позволяли мне поддерживать видимую непринужденность во время ваших вечерних посещений. Я надеялся встретить с вами апрель, подышать свежим воздухом, но вчера вечером, когда мы расставались, я уже знал, что отпущенное мне время кончилось. Конечно, это была слабость — просить о твоем обществе в последние минуты, но… я слабый человек!

— Я приведу Беллу! — воскликнул я, вскакивая с места.

— Нет, Арчи! Я слишком ее люблю. Если она взмолится, чтобы я пожил дольше, мне не хватит сил ей отказать, и в ее памяти потом останется пачкающий все вокруг парализованный идиот. Я уйду из жизни, пока могу сказать последнее «прости» с достоинством. Но слишком много достоинства — выйдет уже напыщенность. Давай-ка выпьем с тобой *deoch an doruis*{20}, нальем по глотку отцовского портвейна. Помнится, два года назад я запер графин, который ты опорожнил только наполовину. Выдержка, говорят, идет вину на пользу. Вот ключ. Где буфет, ты знаешь.

Его последние слова прозвучали приветливо и игриво, отчего я чуть было не улыбнулся; но, когда я вынимал старинный графин и два хрупких бокала на высоких ножках, меня бросило в дрожь. Я протер бокалы платком из нагрудного кармана, налил каждый из них до половины, и мы чокнулись. Он с любопытством понюхал вино и сказал:

— По завещанию я все оставляю вам с Беллой. Рожайте детей, учите их хорошему поведению и честному труду на собственном примере. Никогда не будьте с ними жестоки и не читайте им

{20} Примечания переводчика: 1.20

Букв.: «питье двери» *(гэльск.)*, то есть на посошок.

мораль. Позвольте миссис Динвидди и другим слугам спокойно дожить свой век здесь, когда они не смогут больше работать, и про собак моих не забывайте. Итак, — он залпом осушил бокал, — вот, значит, какое вино на вкус.

Он поставил бокал, обхватил свои гигантские колени гигантскими ручищами, откинул назад голову и засмеялся. Никогда прежде я не слышал его смеха. Звук поначалу был тихий, но потом обрел оглушительную силу, заставив меня притиснуть к ушам ладони, биение его сердца тоже стало неимоверно громким — и внезапно все оборвалось. Полнейшая тишина. Он не качнулся ни вперед, ни назад, но продолжал сидеть совершенно прямо.

Миг спустя я уже стоял над ним и, стараясь не смотреть на огромную, обрамленную зубами пещеру, которая так страшно зияла, обратясь к потолку, обнаружил, что шея у него сломана и трупное окоченение наступило мгновенно. Не желая ломать ему суставы, я заказал гроб в форме куба[28] со стороной в четыре с половиной

---

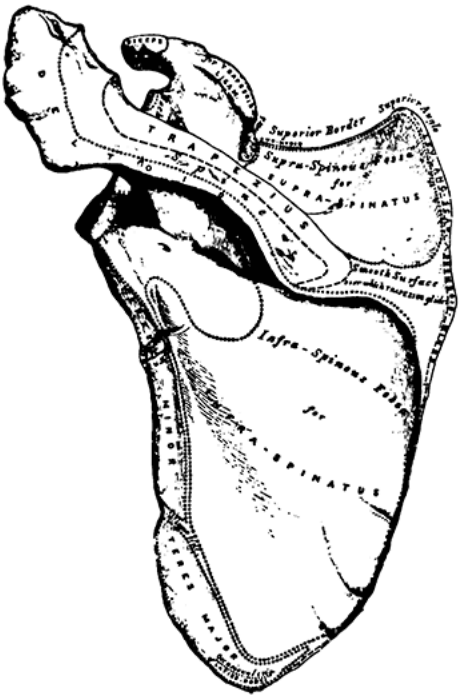
[28] Критические: 2.28

Если бы доктор Свичнет терпеливо подождал, пока начнется разложение, тело его друга Бакстера вышло бы из трупного окоченения и, размягчившись, поместилось бы в гроб обычной формы. Но, возможно, диковинный обмен веществ Бакстера препятствовал нормальным процессам разложения.

фута и скамеечкой внутри, куда его поместили в сидячем положении. Он и поныне так сидит под плитой мавзолея, выстроенного по воле сэра Колина в нашем Некрополе и глядящего на городской собор и Королевскую лечебницу. В надлежащее время мы с женой, которая была горько удручена его смертью, присоединимся к нему там, и так же могут поступить наши дети и внуки, если только ради экономии места будут кремированы.

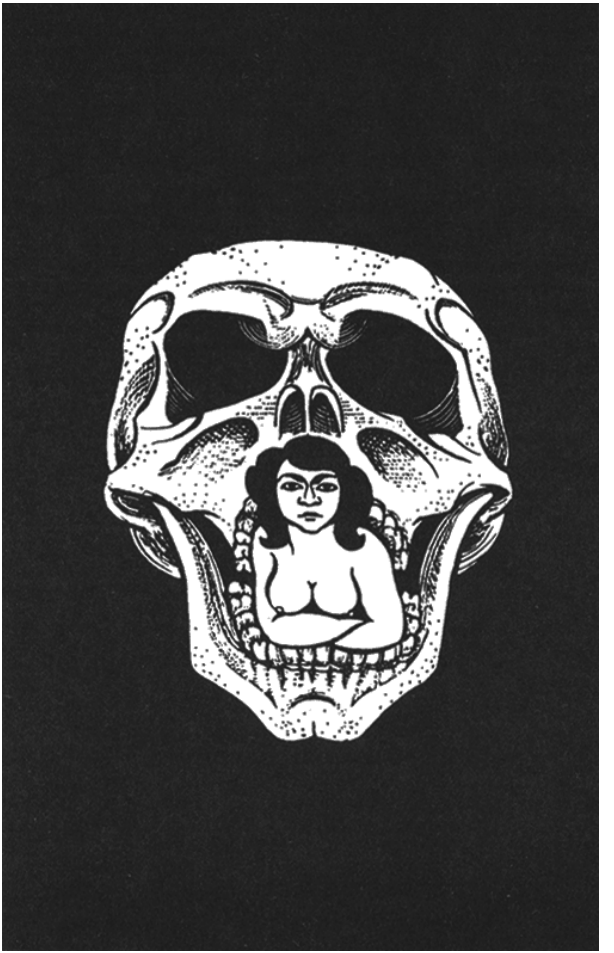
Эту повесть о делах нашей молодости я посвящаю моей жене, хоть и не смею дать ей прочесть, ибо здесь говорится о вещах, в которые ни она, ни медицинская наука пока что не в силах поверить. Но научный прогресс убыстряется год от года. И, может быть, уже очень скоро то, что сэр Колин Бакстер передал только своему сыну, станет достоянием ученых, чем и будет доказана истинность моего повествования.

КОНЕЦ


Superior Border
Supra-Spinous Fossa for
SUPRA-SPINATUS
Smooth Surface
Infra-Spinous Fossa for
INFRA-SPINATUS

Please remember me sometimes.

Прошу, вспоминай обо мне подчас.



Письмо от

Виктории Свичнет, доктора медицины,

старшему из ее потомков,

живущих в 1974 году,

с замечаниями по поводу ошибок

во

ФРАГМЕНТАХ МОЛОДОСТИ

ИНСПЕКТОРА

ШОТЛАНДСКОЙ САНИТАРНОЙ СЛУЖБЫ,

написанных ее покойным мужем

Арчибальдом Свичнетом,

доктором медицины

(1857–1911)

Дорогой мой внук или правнук!
В 1974 году мои трое сильных, цветущих сыно-

вей уже сойдут в могилу или будут дряхлыми стариками, а все остальные живущие на свете члены династии Свичнетов, имея по два деда и по четыре прадеда, с легкостью посмеются над чудачеством одного из них. Я не могу смеяться над этой книгой. Я содрогаюсь над ней и благодарю Силу Жизни за то, что мой покойный муж напечатал и переплел ее только в одном экземпляре. Я сожгла всю его рукопись до последнего клочка и книжку бы тоже сожгла, как он предлагает мне поступить в стихотворении на форзаце, но — увы! Без нее что на целом свете будет напоминать о существовании бедного глупца? К тому же опубликовать ее стоило маленького состояния — на эти деньги целый год можно было бы кормить, одевать и обучать с дюжину сирот. Из-за иллюстраций книга, должно быть, обошлась ему вдвое дороже. Мой портрет сделан с портрета, напечатанного в иллюстрированной газете в 1896 году, и нравится мне за хорошее сходство. Если отвлечься от головного убора в стиле Гейнсборо и претенциозной подписи, становится ясно, что я простая здравомыслящая женщина, а не та наивная Лукреция Борджа или

La belle dame sans merci{21}, *что выведена в тексте. И вот я шлю книгу потомству. Мне дела нет до того, что потомство о ней подумает, — важно лишь, что никто из ныне живущих не связывает ее со МНОЙ.*

По только что написанному абзацу могут, пожалуй, заключить, что мой второй муж был столь же омерзителен, как первый. Нет, это не так. Я вышла замуж за Арчибальда Свичнета, потому что он был удобен, и с течением лет привыкла к нему и стала на него полагаться. Прочим людям пользы от него было мало. Он назвал свою книгу «Фрагменты молодости инспектора шотландской санитарной службы», а между тем он был таковым ровно одиннадцать месяцев и покинул должность, как только стал председателем Городской комиссии по благоустройству. Это назначение он получил благодаря нашим деньгам, а вовсе не своим блестящим способностям. Он должен был председательствовать на тех или иных собраниях, но большую часть времени был предоставлен самому себе. Не все его свободное время ушло впустую. Он помогал миссис Динвидди, моей преданной экономке, взращивать

{21} Примечания переводчика: 1.21

Прекрасная безжалостная дама *(франц.)* — из стихотворения Дж. Китса.

наших детей — водил их гулять, рассказывал им сказки, ползал с ними по полу, строил с ними фантастические города из кубиков и картона, рисовал карты и писал исторические хроники выдуманных стран. Эти игры и истории дали детям богатую пищу идей и сведений. Благодаря научному складу его ума самые диковинные чудища имели безупречную родословную по Дарвину, самые невероятные машины строились в согласии с законами термодинамики. Образование, которое он дал нашим детям, очень похоже на игровое образование, данное мне Боглоу Бакстерам, и в нем использовались многие из моих старых игр, книжек и приспособлений. На заднем дворе у нас по-прежнему был маленький зверинец, хотя последняя из собак Боглоу умерла через пять лет после него.

Недаром говорят — сапожник без сапог. Не кто иной, как я, бесстрашная поборница воспитания в игре и домашнем милованье, почти все время проводила в клинике за работой, да к тому же часто отлучалась из Глазго по общественным делам. Мой муж исполнил на практике то, что я проповедовала. Я порой тревожилась, что он делает раннее детство для наших ребят чересчур привлекательным, из-за чего их взрослые жизни

(как у моего первого мужа, Бисмарка, Наполеона и более заурядных преступников) станут попыткой воплотить в жизнь скверные мальчишеские фантазии. Я тревожилась зря. Оказавшись среди других мальчиков в городской школе, основанной уже в XX столетии, они начали стыдиться своего праздного мечтателя-отца и взяли за образец практичную, деятельную мать. Старший, Бакстер Свичнет, — наш математик. В прошлом году он получил диплом с отличием и теперь работает в Лондоне в Департаменте имперской статистики. Боглоу, наш инженер, так быстро перемещается между Гилмор-хиллом и Андерсоновским институтом, что я никогда не знаю, где он в данный момент находится. Он говорит, что паровые котлы и мазутные топки — опасные и вредные анахронизмы, что мы должны учиться перерабатывать в электричество энергию высокогорных озер и водопадов, постепенно сводя на нет использование нефти и угля, отходы от сжигания которых отравляют воздух и портят людям легкие. Младший, Арчибальд, кончает школу, и им владеют две страсти. Одна — рисование кричаще-ярких акварельных пейзажей, другая — командование школьным кадетским корпусом. Разумеется, я ненавижу воинскую

муштру. От вида молодых людей, марширующих ровными рядами и подражающих механическим движениям заводной куклы под злобные крики сержанта, — от этого вида меня тошнит еще больше, чем от вида молодых девиц в мюзик-холле, синхронно взбрыкивающих ногами. Однако я понимаю, что тяга юного Арчи к одетым в мундиры товарищам уравновешивает его художнический индивидуализм. Когда обе стороны его натуры придут наконец к согласию, он тоже станет прекрасным тружеником на благо общества — может быть, лучшим из троих.

Заговорившись о мальчиках, я позабыла про их отца; впрочем, в его последние годы о нем легко было забыть. Он проводил все больше времени в своем кабинете, кропая книги, которые потом печатал за свой счет, поскольку ни один

издатель не хотел на них раскошеливаться[29]. *Примерно раз в два года, спустившись к завтраку, я находила подле своей тарелки очередной черно-синий томик с закладкой на чистой странице, где всегда стояло посвящение: ЕДИНСТВЕННОЙ, РАДИ КОГО МНЕ СТОИТ ЖИТЬ. Пока я листала книгу, пытаясь изобразить интерес, ощущать который никак не могла, он смотрел на меня с приводившим меня в бешенство выражением, где робкая надежда пряталась за наигранным равнодушием, — выражением, из-за которого мне хотелось схватить его и трясти, трясти, пока он не найдет себе полезного занятия. Не воспользуйся он деньгами Бакстера, чтобы купить себе праздность, которую ошибочно принимал за свободу, из него бы вышел вполне приличный*

---

[29] Критические: 2.29

Помимо этой, за свою жизнь доктор Свичнет напечатал еще четыре книги за собственный счет. В отличие от «Бедных-несчастных», он послал экземпляры перечисленных ниже произведений в Эдинбург в Шотландскую национальную библиотеку, где они каталогизированы под его псевдонимом «Галлоуэйский простофиля».

1886 г. «Где бродили мы вдвоем»

Сборник стихотворений, навеянных теми местами в Глазго, что связаны с его ухаживаньями за будущей женой. Одно из стихотворений (озаглавленное «Мемориальный фонтан в честь водопроводной системы Лох-Катрин, Западный парк») приведено в главе 8 «Бедных-несчастных» и, безусловно, является лучшим.

1892 г. «Торговцы трупами»

Эта пятиактная пьеса о преступлениях Берка и Хэара{29} нисколько не лучше, чем многие другие драмы XIX века на тот же самый весьма

популярный сюжет. К Роберту Ноксу, покупавшему трупы хирургу, наш автор относится более сочувственно, чем прочие, так что пьеса, возможно, повлияла на «Анатома» Джеймса Брайди.

1897 г. «Уопхиллские деньки»

Воспоминания о детстве на галлоуэйской ферме. Хотя книга претендует на автобиографичность, в ней так мало говорится об отце, матери и друзьях автора, словно у него никогда их не было. Единственный персонаж, описанный во всех чувствительных подробностях, — чудовищно строгий «господин учитель», чье одобрение успехов автора в постижении наук отнюдь не умеряло жестокости назидательных побоев. Но главным образом книга описывает такие радости, как ловля форели руками, облавы на кроликов и более мелких вредителей, опустошение птичьих гнезд.

1905 г. «Завещание Соуни Бина»

Эта длинная поэма, написанная бёрнсовской строфой, начинается с того, что Бин лежит в вереске на вершине горы Меррик, откуда он обозревает страну, завлекшую и ввергшую его в людоедство. Время действия — 1603 год, незадолго до объединения корон. Бин страдает от пищевого отравления, поскольку недавно заел бродягу-кальвиниста куском сборщика налогов — епископала. Упор делается не на комизме, а на символическом смысле этой желудочно-кишечной свары. В безумии своем Бин взывает к теням всех шотландских правителей, начиная от Калгака и кончая Яковом VI. Ему являются призраки из прошлого и будущего Шотландии: Фингал, Дженни Геддес, Джеймс Уатт, Уильям Юарт Гладстон и т.д.; наконец, «поэт грядущих дней,/ Что Родину, подобно мне, / Терял, искал, обрел…» Тут становится ясно, что Бин и его голодное семейство (которые вскоре будут арестованы королевскими солдатами и сожжены живьем в эдинбургском Грасмаркеге) символизируют шотландский народ. Главная трудность для читателя, помимо чрезмерной длины этой поэмы и нудного языка, состоит в невозможности точно установить, символом чего является людоедство. Возможно, низкой культуры питания, которая, как

считал доктор Свичнет, некогда отличала Шотландию; как бы то ни было, он пишет так, словно клан Бинов действительно существовал. Небольшое исследование показало бы ему, что это имя не встречается ни в шотландской истории, ни в легендах, ни в народных сказаниях, ни в художественной литературе. Оно впервые появилось в издании «Ньюгейтский альманах, или Летопись кровавых злодеяний», вышедшем в Лондоне около 1775 г. Прочие собранные в этой книге истории — опирающиеся на факты описания самых мрачных преступлений, совершенных в Англии на памяти жившего тогда поколения. История Соуни Бина рассказана в таком же фактографическом стиле, но совершается на диком шотландском берегу почти двумя веками раньше. Это небылица, основанная на сказках, бытовавших в *Англии*, — страшных сказках, выдуманных англичанами о шотландцах в те столетия, когда два народа были либо в состоянии войны друг с другом, либо на грани ее.

Я так подробно описал эти четыре не стоящие внимания книги лишь для того, чтобы читатели не тратили на них время. Они, среди прочего, показывают, что доктор Свичнет не обладал ни творческим воображением, ни памятью на диалоги, и поэтому он, безусловно, писал «Бедных-несчастных», пользуясь очень подробными дневниками. Сожженная его женой рукопись наверняка бы это подтвердила.

{29} Примечания переводчика: 1.29

Речь идет о громком деле 20-х годов XIX века: Уильям Берк и Уильям Хэар душили людей и продавали тела эдинбургскому анатому Роберту Ноксу.

врач-терапевт. Осуществив мечту матери, он выбился в средний класс, но не испытывал никакого желания ни преобразовывать этот класс изнутри, ни помогать рабочему классу преобразовывать нас (и самих себя) извне. Однако лучшее возражение, лучший упрек, какой я знаю, — личный пример. Я клала книжку на стол, подходила к нему, нежно его целовала, благодарила и шла работать в клинику.

В 1908 году у него обнаружился рассеянный склероз (он диагностировал его сам), после чего быть к нему доброй стало и вовсе не трудно. Он с облегчением ушел в болезнь, велел перенести свою кровать в кабинет и заказал особый стол, позволявший писать не вставая. Он, конечно, мог продлить себе жизнь, давая себе большую физическую нагрузку, но он знал это и сам, а я не хотела его ни к чему принуждать. Я поддерживала с ним дружеское общение, приходя почти каждый вечер перед сном сыграть партию в шашки, съесть легкий ужин, поболтать о том о сем. Чем дальше, тем больше наши беседы возвращались к дням молодости с Боглоу Бакстером. Я также видела, что он пишет новую книгу.

— Интересно тебе, о чем она? — спросил он однажды вечером с некой игривостью, кото-

рую он, безусловно, приписывал творческому вдохновению, а я — легкой лихорадке, вызванной болезнью.

— Расскажи, если хочешь, — ответила я с улыбкой.

— А вот на этот раз не хочу. Мне хочется, чтобы ты прочла ее с изумлением, когда меня не будет. Пообещай прочесть ее от начала до конца хотя бы раз. Пообещай не класть ее со мной в гроб.

Я пообещала.

Когда наконец из типографии прислали переплетенный том, это была для него радость на много недель. Ложась спать, он клал книгу под подушку. Когда служанка меняла ему постельное белье, он лежал на диване, листал страницы вперед и назад и над иными из них посмеивался. Позже, когда он начал слабеть, главным его чувством было жестокое нетерпение, а в самом конце он не хотел ничего, кроме прикосновения моей руки к его лбу — когда я убирала ее, он начинал хныкать. Я была с ним рядом, хотя могла принести больше пользы у постелей других больных. Не беда. Мне перед смертью, может быть, тоже захочется общества близкого человека, и я рада, что ему в этом не отказала.

Я прочла книгу три года назад, вскоре после похорон, и две недели потом ходила сама не своя. Я и теперь делаюсь сама не своя, когда о ней вспоминаю. Чтобы объяснить почему, я должна в двух словах рассказать историю своей жизни.

Первое жилье, какое я помню, состояло из двух комнатушек и кухни, где мы ютились впятером, а иногда и вшестером (это было, когда к нам заявлялся отец). Воду мы и еще несколько семей брали из единственного крана на заднем дворе. Отец мог снять нам квартиру и получше. Он был главным мастерам (сейчас бы сказали — заводским управляющим) на близлежащем сталелитейном заводе в Манчестере, и его страстью было копить деньги. Того, что он давал маме, не хватало даже на сносную еду.

— Я не могу много тратить на жизнь, пока не заимею хороший патент, — говорил он нам, — а для этого мне нужны все деньги, какие есть.

С женой и детьми он обращался так же, как с рабочими, — то есть как с потенциальными врагами, которых надо держать в нищем состоянии силой или угрозой силы. Каждое замечание в свой адрес, которое не содержало очевидной лести, он расценивал как вызов. Пяти лет от роду я однажды увидела, как он стоит перед зеркалом

в нашей сырой убогой кухоньке и поправляет свой темно-зеленый галстук и жилет, отделанный зеленым вельветом, — на свою наружность, в отличие от нашей, он не жалел денег и был даже модником на свой грубый манер. Пораженная контрастом между тоном его одежды и темно-красным цветом лица, я сказала: «Ты настоящий мак, папа».

Дальше помню только, как я очнулась в постели. Оказывается, он сшиб меня с ног кулакам, я ударилась головой о каменный пал и несколько часов лежала без памяти с кровоточащей раной. Не думаю, что мать осмелилась позвать врача. До сих пор над левым ухом под волосами у меня прощупывается неровный рубец в три дюйма длиной. Это означает, что чешуйчатая височная кость у меня слегка разошлась; но, если не считать того периода бессознательности, память моя никак не пострадала. Вот о чем мой покойный муж пишет как о «на удивление правильной трещине», опоясывающей всю голову под волосами.

О матери своей я могу сказать только вот что: она была самоотверженна и трудолюбива, и на ее примере я увидела, как бесполезны эти достоинства, если они не соединены с разумом и отвагой. Она чувствовала себя воистину дурной женщиной

в те минуты, когда не стирала, не штопала, не мыла полы, не выбивала ковры и не варила суп из таких обрезков, какие мясник и на кошачью еду стеснялся продавать. Не знаю, умела ли она читать, но всякий раз, застав меня с книжкой, она вырывала ее у меня из рук — «девочке не пристало бездельничать». Я очень ясно помню, как в зимние месяцы мы мучительно мылись и стирали холодной водой, не имея угля, чтобы ее согреть, и экономя мыло. Жизнь для нас с мамой главным образом сводилась к борьбе за чистоту жилья и самих себя, однако мы никогда не чувствовали себя чистыми, пока не умерли мои братья и пока отец (словно этого-то и ждал) не перевез нас в трехэтажный дом, окруженный садом, сказав: «Теперь я это могу себе позволить».

Думаю, он позволял себе это уже год, не меньше[30]*. Дом был роскошно обставлен, его обслуживал десяток или больше слуг, которыми распоряжалась миловидная дама с желтыми*

---

[30] Критические: 2.30

Есть основания думать, что он позволял себе это уже четырнадцать лет. В главе 22 Блайдон Хаттерсли похваляется, что он «давал работу половине квалифицированной рабочей силы Манчестера и Бирмингема» через десять лет после того, как он «стер в порошок Короля Хадсона». Джордж Хадсон, прозванный «рельсовым королем», был очень удачливым спекулянтом акциями и недвижимостью, пока железнодорожная лихорадка 1847–1848 гг. не привела его к разорению. Это означает, что отец Беллы стал миллионером, когда ей было три года.

волосами и в платье более светлых тонов, чем носили экономки, каких я встречала в последующие годы. Она была с нами ласкова.

— Вот ваша гостиная, — сказала она, вводя нас в комнату с узорчатыми обоями и занавесками, толстым ковром на полу, богато обитой мебелью, самым большим камином, какой я когда-либо видела, и блестящим медным ведеркам для угля. — Тут печенья, пирожные, херес, портвейн и крепкие напитки, — объяснила она, открывая дверцу огромного буфета, — а это сифон для содовой воды, его носят заряжать в мастерскую. Если чего-нибудь захотите, дерните за этот шнурок два раза, и придет служанка. Чего бы вы хотели прямо сейчас? Чаю?

— А чего ОН хочет? — спросила мама шепотом, кивая в сторону отца, который стоял на ковре у камина и курил сигару.

— Блайдон, твоя жена хочет знать, будешь ты пить чай или нет! — сказала дама, и мы поняли, что она перед отцом ни капельки не робеет.

— Нет, Мейбл, — ответил он зевая. — Я бренди выпью. Дай миссис Хаттерсли и Викки хересу, а потом спускайся вниз. Я приду через десять минут. Да сядь ты, мамочка, Бога ради, и расцепи свои руки.

Мама повиновалась и, когда экономка ушла, принужденно отпила из рюмки, а потом спросила:

— Заимел, значит?

— Что заимел?

— Патент.

— И патент, и до черта всего прочего[31]*, — ухмыльнулся отец. — До черта всего заимел от твоего братца.*

— От Илии?

— Нет, от Ноя.

— Свидеться с ним можно?

— Да нет, с ним сейчас никто не видится, — сказал отец, ухмыльнувшись ядовитее. — Было бы на что смотреть. Послушай моего совета, мамочка. Не зови сюда гостей, пока не научишься вести себя как леди. Мейбл тебе покажет, как сидеть, одеваться, стоять и ходить. И, само собой, как разговаривать. Она до черта всего знает. Она даже МЕНЯ научила кой-каким новым штучкам. Сейчас я ухожу. Ради всего этого вам пришлось

---

[31] Критические: 2.31

Патент на парные направляющие муфты Макгрегора Шанда дал паровозостроительной компании Блайдона Хаттерсли преимущество над конкурентами, которое длилось до 1889 г., когда трубчатый клапан Белфрейджа сделал муфты излишними. Макгрегор Шанд умер от чахотки в палате для неимущих Манчестерского королевского приюта для умалишенных в 1856 г.

потерпеть, но тут дело надежное. Можете не сомневаться.

Он допил бренди и вышел.

Через две недели, встретив его на лестнице, я сказала:

— Папа, мать каждый день напивается допьяна. Ей тут больше нечем заняться.

— Ну и что? Хочет именно так себя угробить — пускай гробит. Лишь бы делала это тихо в своей гостиной. А тебе чего бы от меня хотелось?

— Я хочу читать книги и узнавать новое.

— То, в чем Мейбл не смыслит?

— Да.

— Хорошо.

Через неделю я отправилась в Лозанну, в школу при монастыре.

Я не буду подробно описывать мое заграничное воспитание. Мать учила меня быть домашней рабыней работающего человека; монахини учили меня быть домашней игрушкой богатого человека. Когда они отослали меня домой, мамы уже не было на свете, а я умела говорить по-французски, танцевать, играть на пианино, двигаться как леди и говорить о мировых событиях в духе консервативных газет, потому что, как считали монахини, мужчинам нравится, когда жена зна-

ет, что творится на свете. Генералу сэру Обри ле Диш Коллингтону было все равно, что я знала и чего не знала, но он прекрасно вальсировал, не смотря на раны. Военная форма, конечно, тоже сделала свое дело. Я высокая, но он был еще выше, и другие пары, глядя на нас, останавливались. Я влюбилась в него по многим причинам. Молодой женщине в моем возрасте пора уже было обзаводиться мужем, домом, детьми. Он был богат, знаменит и все еще красив. К тому же я хотела освободиться из-под власти отца, который сам и предложил этот путь освобождения. В день свадьбы я была совершенно счастлива. И в первую же ночь поняла, почему сэра ле Диш Коллингтона знакомые офицеры прозвали Ледышкой, но решила, что сама во всем виновата. Шесть месяцев спустя, после третьей ложной беременности, я взмолилась о клиторотомии. Доктор Приккет сказал, что в Лондоне как раз находится один искусный шотландский хирург, который «сделает все как надо». И вот однажды вечером ко мне пришел тот единственный мужчина, которого я по-настоящему полюбила, — Боглоу Бакстер.

С какой стати мой второй муж изобразил Боглоу чудовищем, от одного вида которого ребенок мог заплакать, няня — увести его, лошадь

— взбрыкнуть? Бог был крупный, печального вида мужчина, но такой заботливый, чуткий и непринуждающий *во всех своих словах и движениях, что животные, дети, обиженные и одинокие люди, все женщины — я повторяю и подчеркиваю, — ВСЕ ЖЕНЩИНЫ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА чувствовали себя с ним в покое и безопасности. Он спросил, почему я хочу сделать эту операцию. Я объяснила. Он задал новые вопросы. Я рассказала ему про свое детство, ученье, замужество. После долгого молчания он мягко сказал:*

— Дорогая моя, вы всю жизнь тяжко страдали от эгоистичных, жадных, глупых мужчин. Хотя их в общем-то винить не в чем. Они тоже получили ужасающее воспитание. Доктор Приккет искренне считает, что вам поможет операция, которой генерал хочет вас подвергнуть. Не поможет. Боже упаси вас ее сделать. Я повторю Приккету то, что сказал вам. Он с моим мнением не согласится, но вы имеете право его знать.

Я заплакала *от горя и благодарности, потому что знала, что он сказал правду. Я* чувствовала *это всегда, но не могла осознать, пока не услышала из его уст. Я крикнула:*

— Они сведут меня с ума, если я тут останусь! Куда мне деваться?

— Если у вас нет ни друга, согласного вас приютить, ни денег, ни умения их зарабатывать, — сказал он, — уходить от мужа будет самоубийством. Мне очень жаль. Помочь вам я не могу.

Меня воодушевила его доброта. Я бросилась к нему, сидящему на стуле, стала на колени между его ног и подняла сомкнутые ладони к его лицу.

— Если! — требовательно сказала я. — Если когда-нибудь ночью через несколько недель, месяцев или лет к вашему шотландскому дому подойдет бесприютная, отчаявшаяся, одинокая женщина и взмолится об убежище — женщина, с которой вы однажды обошлись по-доброму, — сможете ли вы ее прогнать?

— Нет, не смогу, — ответил он, вздыхая и глядя в потолок.

— Это все, что я хотела знать, — сказала я, вставая, — не считая вашего адреса, который наверняка есть в Британском медицинском справочнике.

— Да, — пробормотал он, тоже вставая, — но воздержитесь от этого, если сможете, леди Коллингтон.

— До свидания, — сказала я, подала ему руку и кивнула.

Кто так хирурга обольстить пытался? Кто так хирурга обольстить сумел?{22}

Мое последнее терпение кончилось через два месяца, и я не была беременна, и у меня в мыслях не было прыгать с моста, когда я приехала в Глазго и взяла кеб до Парк-сёркес, 18 — дома с большими собаками. Я только что узнала, что муж, который не хотел подарить мне ребенка, вот-вот заимеет его от служанки на десять лет меня младше. Увидев меня, Бакстер не задал ни единого вопроса. Он провел меня в комнату, где сидела миссис Динвидди (ей тогда было лет сорок пять, ему — тридцать), и сказал:

— Мама, с этой дамой плохо обращались, она приехала к нам отдохнуть и останется до тех пор, пока не сможет обзавестись собственным жильем. Относись к ней как к моей сестре.

Да, у Парк-сёркес, 18 и Порчестер-террас, 49 была одна общая черта. И там, и тут хозяин вне брака прижил сына от служанки. Но Боглоу любил мать и не скрывал, кто она ему, хоть она и носила другую фамилию. Самых дорогих ему гостей Бакстер приглашал выпить чаю с «моей мамой — миссис Динвидди». И такое чаепитие

{22} Примечания переводчика: 1.22

«Кто так хирурга…» — видоизмененные шекспировские строки из «Ричарда III» (акт I, сцена 2).

не было просто уютной формальностью. Наделенная живым умом и острым чувством юмора, она умела поддержать разговор с кем угодно.

— Ну, что вы там теперь изобретаете, сэр Уильям? — могла она спросить ученого, получившего рыцарский титул за прокладку трансатлантического кабеля. — Исправит это вред от той вашей большой работы? — Она шутки ради прикидывалась, что считает телеграф виновником ухудшения погоды и всевозможных войн. Моя родная мать вырастила меня простой манчестерской девчонкой. Монахини сделали из меня француженку. Благодаря дружбе и беседам с миссис Динвидди я стала говорить и вести себя как прямая, непредубежденная шотландка. Коллеги, не знающие о моем происхождении, все еще забавляют меня порой замечаниями о том, какая я шотландка до мозга костей.

Бог мог откровенно говорить о своей незамужней матери, потому что он был холостяк и наследник состояния. Он не мог откровенно говорить о том, что предоставил убежище беглой жене английского баронета и прославленного генерала. Чтобы избавить нас от неприятных вопросов, он выдумал историю о южноамериканских супругах, их гибели в железнодорожной

катастрофе и их потерявшей память дочери Белле Бакстер, которой была я. Это дало хороший повод, чтобы обучить меня важным вещам, о которых мне прежде не говорили; однако он не велел мне ничего забывать из усвоенного раньше.

— Не забывай о прошлом, — сказал он. — Тягчайшие из твоих переживаний в Манчестере, Лозанне и на Порчестер-террас расширят твое сознание, если ты будешь вспоминать их с разумным интересом. Если ты этого не сможешь, они не дадут тебе ясно мыслить.

— Не смогу! — воскликнула я. — У меня болели пальцы, когда я отстирывала грязную одежду в корыте с ледяной водой; они болели не меньше, когда я играла на пианино бетховенскую «Элизу» девятнадцать раз без остановки, потому что учительница после каждой фальшивой ноты заставляла меня начинать сызнова. У меня болела голова, в которой отец сделал трещину ударом кулака; она болела не меньше, когда я страницами заучивала наизусть Фенелонова «Телемака» — несомненно, скучнейшую книгу на свете. Такие вещи нельзя вспоминать разумно — они принадлежат разным мирам, Бог, и ничто их не связывает, кроме боли, которую я хочу забыть.

— Нет, Белла. Это только кажется, что они в

разных мирах, потому что ты пережила их далеко друг от друга; но смотри: я поворачиваю на петлях фасад этого большого кукольного дома. Загляни во все комнаты. Таких домов тысячи в каждом крупном британском городе, сотни — в каждом маленьком городке, десятки — в каждой деревне. Таков дом на Порчестер-террас, таков и этот дом — мой дом. Слуги живут по преимуществу в полуподвалах и мансардах, где холодней и тесней всего, где комнаты меньше. Тепло их тел, когда они спят, согревает их хозяев на средних этажах. Эта куколка на кухне — судомойка, а заодно и черная прачка, она отстирывает и катает одежду. У нее будет вдоволь горячей воды, если ей достанутся щедрые хозяева, и ей не придется работать сверх сил, если поставленные над ней слуги будут обходиться с ней по-человечески; но мы живем в такой век, когда алчность и жестокое соперничество прославлены как основа общества, поэтому, если из нее будут выжимать все соки, никто и бровью не поведет. Теперь загляни в гостиную на втором этаже. Здесь стоит пианино, а за ним сидит другая куколка. Если поменять ее платье и прическу на судомойкины, их не отличишь друг от друга, но менять никто не будет. Может быть, она как раз пытается сыг-

рать бетховенскую «Элизу» без единой фальшивой ноты — ее родители хотят, чтобы когда-нибудь она завлекла богатого жениха, который использует ее как светское украшение и средство для продолжения рода. Теперь скажи мне, Белла, что общего между судомойкой и хозяйской дочкой, если не считать возраста, телосложения и дама, где они живут?

— Обеих используют другие люди, — ответила я. — Им не позволяют ничего за себя решать.

— Вот! — обрадованно воскликнул Бакстер. — Ты поняла это мгновенно, потому что помнишь уроки ранней юности. Никогда не забывай их, Белла. Большинство людей в Англии и Шотландии воспитаны так, чтобы не знать этого вовсе, — воспитаны, чтобы стать орудиями в чьих-то руках.

И Бакстер учил меня свободе, окружая меня игрушками, о которых ребенком я не имела понятия, и показывая, как пользоваться приспособлениями (тогда их называли философскими приспособлениями), с помощью которых его отец учил его самого. Не могу описать восторга от собственной власти, с каким я осваивала земной

и небесный глобусы, зоотроп{23}, микроскоп, гальванический элемент, камеру-обскуру, правильные многогранники и счетную машинку Непера. Мелкие точные движения получались у меня без труда — сказались шитье в родительском доме и фортепьянные упражнения в монастыре. В моем распоряжении были книги по ботанике, зоологии, географии и истории с будившими воображение гравюрами и цветными картинками. Данкан Парринг, юрист и приятель Бога, водил меня в театры — Бог не мог этого делать сам, он страдал боязнью толпы. Я любила театр; даже вскидывающий ноги опереточный кордебалет заражал меня ощущением счастливой беззаботности! Но больше всего я любила Шекспира. Я принялась читать его дома — сначала «Шекспировские истории» Лэма, потом сами пьесы. В библиотеке, выискивая книжки с картинками, я также нашла сказки Андерсена, «Алису в Стране чудес» и «Тысячу и одну ночь» во французском переводе, включавшем эротические места. На какое-то время Бакстер нанял мне учительницу, мисс Мактавиш. Но она долго не продержалась. Я не хотела учиться ни у кого, кроме Бога. С ним

{23} Примечания переводчика: 1.23

Вращающийся цилиндр с отверстиями и картинками внутри; создает иллюзию движущихся фигур.

ученье было восхитительным лакомством; с ней — повинностью. Примерно в это время я впервые встретила молодого Арчи Свичнета.

Это произошло прелестным теплым свежим днем, и я, наверно, выглядела слегка по-детски, стоя на коленях на траве нашего маленького дворика и глядя в глубь клетки, где спаривались Мопси и Флопси. Со стороны переулка в калитку вошел Бакстер, а с ним — застенчивый, плохо одетый молодой человек с оттопыренными ушами. Бакстер нас познакомил, но юноша до того смутился, что слова не смог выговорить, отчего и я почувствовала себя не в своей тарелке. Мы поднялись наверх выпить чаю, но без миссис Динвидди, и это значило, что Бакстер не считает Свичнета своим близким другом. Пока готовили чай, Бакстер весело болтал об университетских медицинских делах, но Свичнет просто ел меня глазами и даже двух слов не произнес в ответ. Ужас! Тогда я пошла к пианино и сыграла одну из простеньких песен Бёрнса. Может, это и вправду был «Зеленый берег Лох-Ломонд»[32]*, но я не пользовалась педалями пианолы. Играла сама и держала ритм превосходно. Кроме того,*

---

[32] Критические: 2.32

Доктор Виктория ошиблась. Эта народная песня не была ни сочинена, ни записана Робертом Бёрнсом.

я отчетливо помню, что пианолу мы купили в 1897 году — в год шестидесятилетия восшествия королевы на престол. Кажется, тогда этот инструмент только-только появился. Напоследок Свичнет настоял на том, чтобы поцеловать мне руку. В доме сэра Обри этот изысканный континентальный ритуал не был в ходу даже у гостей из Франции и Италии. Я была ошеломлена и, возможно, в изумлении посмотрела потом на свои пальцы. Наш гость страдал повышенным слюноотделением, и мне не хотелось ни вытирать руку, ни трогать ею свое платье, пока он не уйдет. Я долго потом его не видела и, честно говоря, не жалела об этом.

Только одно омрачало эти счастливые, счастливые дни. Бог не позволял мне соблазнить его.

— Прошу тебя, не влюбляйся в меня, Белла, — говорил он. — Пойми, я не мужчина вовсе, я большой смышленый пес в облике человека. Кроме наружности, меня отличает от собаки только одно. Мне не нужен хозяин — и не нужна хозяйка.

Это была правда, но я не могла смириться с этой правдой. Я любила его всем сердцем, всем разумом, всей душой и жаждала превратить его в человека. Однажды ночью, сгорая от желания, я со свечой в руке, обнаженная, вошла в его спальню.

Лежавшие на папу псы ревниво заворчали, но я знала, что меня они не укусят. Увы, на кровати тоже были псы — и рядом с ним, и в ногах. Эти зарычали враждебнее.

— Виктория, тут нет для тебя места, — пробормотал он, открыв глаза.

— Бог, пожалуйста, пусти меня, хоть ненадолго! — взмолилась я со слезами. — Дай мне от себя ровно столько, чтобы у нас родился ребенок, маленькое существо из нас обоих, чтобы мне было кого кормить, любить и миловать всю жизнь.

— Они ведь вырастают, — сказал он, зевая, — и главное, есть медицинская причина, по которой я не могу быть отцом.

— Ты болен?

— Неизлечимо.

— Тогда я стану врачом и вылечу тебя! Врач может сделать такое, что не под силу хирургу! Я буду твоим врачом.

Он прищелкнул языком. Две собаки, встав с пола, осторожно взяли икры моих ног в свои могучие челюсти и стали подталкивать меня к двери. Хочешь не хочешь, пришлось подчиниться.

Наутро за завтраком Бог объяснил все как есть — он не любил ненужных секретов. От отца, знаменитого хирурга, он унаследовал сифили-

тическое заболевание, которое рано или поздно должно закончиться безумием и общим параличом.

— Когда придет беда, я не знаю, — сказал он. — Может быть, спустя месяцы; может быть, спустя годы. Но я к ней готов. Единственное средство, которое мне поможет, — это безболезненный яд, который я выпью при появлении первых симптомов. Этот медикамент у меня всегда с собой, так что тебе не нужно ради меня становиться врачом.

— Тогда я стану врачом ради всех! — выкрикнула я среди рыданий. — Хоть чью-нибудь жизнь спасу, если не твою. Я заменю тебя! Я стану тобой!

— Это хорошая мысль, Виктория, — сказал он серьезно, — и если ты не передумаешь, нам нужно будет должным образом направить твои занятия. Но прежде всего я бы хотел, чтобы ты обзавелась подходящим мужем — дельным, самоотверженным человеком, который поможет тебе добиться, чего ты хочешь, и удовлетворит твои любовные инстинкты, которые страшно изголодались.

— Если не ты, пусть голод будет моим мужем! — заявила я сквозь сжатые зубы. Он улыб-

нулся и покачал головой. О моем знаменитом муже, оставшемся в Англии, мы давно уже и думать забыли.

Он взял меня в кругосветное путешествие. Идея была моя — я хотела разлучить его с собаками. Он согласился, желая не только расширить мой кругозор, но и (как я теперь понимаю) избавиться от меня. Мы посещали больницы и слушали медицинские лекции в четырнадцати столицах. Одна венская специалистка обучила меня самым современным методам половой гигиены и предохранения от беременности, после чего Бакстер принялся всюду, где только мог, знакомить меня с мужчинами. Но при том что чувственное начало было во мне очень сильно, я не могла или не хотела отделить его от начала нравственного, побуждающего отдаться лишь тому, кто достоин восхищения; а кто был достоин его больше, чем Бог? Когда наконец мы вернулись в Глазго, он стал из-за меня очень несчастен. Мое общество лишало его всякой свободы. Я ничего не позволяла ему без меня делать, никуда ходить. Мне такая жизнь доставляла больше радости, чем ему, потому что я, хоть и не могла проглотить его целиком, выйдя за него замуж, все же обладала им больше, чем кто-либо другой. И вот однажды,

гуляя у мемориального фонтана в Западном парке, мы вновь повстречали Свичнета.

Я уже говорила, что животные, дети, все маленькие и застенчивые люди в присутствии Бога чувствовали себя увереннее. Свичнет в первый раз увидел Бога в университетском анатомическом классе, где тот проводил демонстрации, когда основной лектор был болен. Маленький, застенчивый Свичнет влюбился в Бога так же страстно, как влюбилась в него я. Меня он тоже, конечно, любил, но потому лишь, что видел во мне женское воплощение Бога, которое он мог обнять, в которое мог внедриться. Но Бог был первой большой любовью в его жизни, и любовью безответной. Задолго до того, как я появилась на Парк-сёркес, Свичнет выследил, по каким маршрутам Бог гуляет с собаками по воскресеньям, и стал к нему примазываться. Бог ни с кем не мог вести себя иначе как по-доброму, и все же однажды, когда Свичнет не только дошел с ним до самого дома, но и имел наглость проникнуть внутрь, моему бедному милому ПРИШЛОСЬ сказать, что он нуждается в большем уединении, чем оставляет ему назойливость Свичнета. После этого Свичнет от него поотстал, хотя порой они случайно встречались и Бог приглашал

его домой. По бесконечной доброте Бога это изредка происходило, и в один из этих визитов мы со Свичнетом и познакомились.

Когда мы встретились вновь, Бог прямо-таки толкнул меня к несчастному коротышке. Он сел на скамейку, сказал, что ему надо отдохнуть, и попросил Свичнета прогуляться со мной по парку. Теперь, глядя назад, я вижу, что он хотел только избавиться на время от несносного, болтливого, навязчивого существа, которым я стала; но, бродя по тропинкам среди кустов под руку со Свичнетом, я по-иному представляла себе намерения Бакстера. Уж не Свичнета ли он видит в роли подходящего мне самоотверженного мужа, который поможет мне добиться, чего я хочу, и удовлетворит... и тому подобное? Я понимала, что такой человек неизбежно будет в глазах посторонних (да вероятно, и в моих собственных глазах) существом слабым, потому что он НЕ ДОЛЖЕН разлучать нас с Богом. Просто-напросто ему нужно будет жить с Богом и со мной, не стремясь обзавестись собственным домом. Пока я над всем этим размышляла, повисший на моей руке тщеславный человечек лепетал что-то о своем нищем детстве, о своих выдающихся успехах в университете и о своей блестящей дея-

тельности в должности врача при Королевской лечебнице. Стало быть, ЭТО и есть тот, кто мне нужен? Я остановилась, чтобы взглянуть на него пристальнее. Тут он меня поцеловал — сначала робко, а потом и со страстью. Раньше меня никогда не целовал мужчина. Радости любви я испытала только во время сафического романа с учительницей музыки в Лозанне. Я любила бы ее всю жизнь, но — увы, — намой эгоистический вкус, она любила еще слишком многих, и я воспылала к ней ненавистью. Я была поражена тем, какое удовольствие доставил мне Свичнет. Когда мы разлепились, я посмотрела на него чуть ли не с уважением. На его предложение пожениться я ответила согласием, добавив: «Давай скажем Богу прямо сейчас». Я не сомневалась, что Бог будет несказанно счастлив обрести больше свободы, разделив меня со Свичнетом.

Какой же я была тогда чудовищной эгоисткой! Ни капли нравственного воображения, ни капли зрячего сострадания к людям. Бог хотел найти для меня хорошего мужа, чтобы он сам мог вернуться к привычной жизни, которую я нарушила; он не ожидал, что мой брак принесет ему ЕЩЕ ОДНОГО домочадца! К тому же человека не слишком-то ему симпатичного. Выслушав

новость, он едва не упал в обморок Он попросил нас отложить окончательное решение на две недели. Мы, конечно, согласились.

Людей 1974 года, надеюсь, не так будут шокировать вопросы пола, как моих современников из поздневикторианской эпохи. Если я ошибаюсь, это письмо по прочтении немедленно сожгут.

Всю последующую неделю мои мысли и мечты были заняты поцелуем Свичнета. Его ли это заслуга, недоумевала я, или любой другой мужчина тоже способен дать мне это ощущение немыслимой власти и одновременно немыслимой беспомощности? Может быть, осмеливалась я думать, С ДРУГИМ МУЖЧИНОЙ БУДЕТ ЕЩЕ ЛУЧШЕ! Чтобы это выяснить, я соблазнила Данкана Парринга, на которого раньше у меня не было никаких видов и у которого (отдадим ему справедливость) не было никаких видов на меня! Это было заурядное создание, столь безраздельно преданное властной эгоистке матери, что до того, как мы стали любовниками, мысль о женитьбе его ни разу не посещала. Но едва мы ими стали, она не замедлила его посетить. Я не думала, что предложенный им побег может быть как-то связан с бракосочетанием. Для меня это был восхитительный эксперимент, путеше-

ствие с целью увидеть в сравнении достоинства и недостатки Свичнета. Я объяснила это Богу, который потерянно сказал:

— Поступай как знаешь, Виктория, не мне учить тебя делам любви. Но не будь жестока к бедному Паррингу, у него не слишком-то крепкая голова. Свичнет, когда узнает, тоже будет страдать.

— Но ты не закроешь передо мной дверь, когда я вернусь? — спросила я бодро.

— Нет. Если только буду жив.

— Еще как будешь! — воскликнула я, целуя его. Я больше не верила в его сифилис. Мне легче было думать, что он сочинил себе болезнь, чтобы женщины вроде меня не пытались обводить его вокруг своих изящных пальчиков.

Что ж, я от души насладилась моим Паррингам, пока он был целехонек, и была к нему добра, когда он рассыпался на куски. До сих пор я раз в месяц навещаю его в приюте для умалишенных. Он всегда приветлив и весел; меня он встречает озорным подмигиваньем и понимающей ухмылкой. Я уверена, что его сумасшествие началось как симуляция, чтобы избежать тюрьмы за растрату вверенных ему клиентами средств, но теперь-то оно всамделишное.

— Как твой муж? — спросил он меня на прошлой неделе.

— Арчи умер в 1911 году, — ответила я.

— Нет, меня ДРУГОЙ твой муж интересует — Преисподний Бакстер-Левиафан Вавилонский, царь-хирург окаянной материальной Вселенной.

— Он тоже умер, Парень, — сказала я с горестным вздохом.

— Фью! Этот-то никогда не умрет, — хихикнул он. Как бы я хотела, чтобы эти слова оказались правдой.

Когда я вернулась на Парк-сёркес, он уже умирал. Я поняла это по его обмякшей фигуре и дрожащим рукам.

— О Бог! — закричала я. — О Бог! — И бросившись на колени, обвила руками его ноги и прижала к ним орошенное слезами лицо. Он сидел в гостиной миссис Динвидди; рядом сидела она, а позади него стоял Свичнет. Меня изумило присутствие здесь моего жениха, хотя, конечно, я писала ему из-за границы. Когда Богу стало хуже, ему понадобилась медицинская помощь и услуги такого рода, какие его матери были не под силу. С приближением смерти его неприязнь к Свичнету отступила.

— Виктория, — с трудом заговорил он, — Бел-

ла-Виктория, прекрасная ты Победа, мой разум скоро вконец иссякнет, иссякнет вконец, и ты перестанешь меня любить, если наш друг свечник не даст мне очень сильное средство. Но я счастлив, что не выпил его, не увидев тебя. Выходи за эту свечку, Белла-Виктория. Все, что у меня есть, будет твое. Обещай заботиться о собаках, о моих бедных, бедных, одиноких собаках без хозяина. Бедные собаки. Бедные собаки.

У него затряслась голова, изо рта струйкой потекла слюна.

Свичнет закатал ему рукав и сделал укол. На несколько минут он опять пришел в сознание.

— Да, и водите собак на воскресные прогулки, Арчи, Виктория. Вдоль канала до Боулинга, потом мимо Строванского родника к Лэнг-Крэгс, что близ Дамбартона, дальше пересечь Стокимьюр в направлении Карбета и вернуться домой мимо озера Крэйгаллион-лох через Алландер и Магдок, минуя водопроводную станцию Милнгэви. Или вверх вдоль Клайда до Резерглена или Камбесланга, взобраться на Кэткинские кручи через Дехмонт, потом через Гарганнок и Моллетсхью выйти на Нилстонский тракт. Чудесные есть места для прогулок вокруг Глазго, высокие места, роскошные виды на горы, озера, холми-

стые пастбища, леса и величественный залив — все это обрамляет наш город, который маловато мы любим, а то бы мы его сделали лучше, чем он сейчас. Порадуйтесь за меня камням, по которым переходят речку у церкви Кэддеркерк, чистому озеру Бардови-лох, Холмам старых жен, Кафедре дьявола, Дамгойаху и Дангойну. Если у вас будут сыновья, назовите одного в мою честь. Мама вам поможет их вырастить. Мама! Мама! Относись к детям Свичнетов как к собственным внукам. Жалко, что я сам не мог тебе их подарить. И постарайся простить моего отца, сэра Калина. Чертов старый мерзавец. Заварил кашу, а расхлебывать другим. Но мы все так делаем, ха-ха. Живей, Свичнет! Средство!

Арчи принес склянку, но я забрала ее у него из рук и, прижав на мгновение губы к губам моего любимого в первом и последнем поцелуе, приподняла рукой его голову и дала ему выпить.

Так умер Боглоу Бакстер.

Теперь у тебя, дорогой читатель, есть на выбор два отчета о событиях и не может быть двух мнений о том, какой из них достовернее. Книга моего второго мужа прямо-таки смердит всем, что было болезненного в самом болезненном из столетий — девятнадцатом. Он сделал рассказ,

сам по себе достаточно странный, еще более странным, вставив в него эпизоды и фразы из «Могилы самоубийцы» Хогга и добавив сверхъестественных штучек, позаимствованных у Мэри Шелли и Эдгара Аллана По. Какими только болезненными викторианскими бреднями он не поживился! Я нахожу здесь следы «Грядущей расы», «Доктора Джекилла и мистера Хайда», «Дракулы», «Трильби», книги Райдера Хаггарда «Она», «Записок о Шерлоке Холмсе» и, увы, «Алисы в Зазеркалье», вещи куда более мрачной, чем солнечная «Алиса в Стране чудес». Он воспользовался даже произведениями моих близких друзей — «Пигмалионом» Дж. Б. Шоу и научно-фантастическими романами Герберта Джорджа Уэллса. Перечитывая снова и снова эту мрачную пародию на историю моей жизни, я снова и снова задавалась вопросом: ЗАЧЕМ АРЧИ ЭТО НАПИСАЛ? Я чувствую себя способной отослать это письмо потомству именно потому, что нашла наконец ответ.

Как колеса локомотива приводятся в движение сжатым паром, так рассудок Арчибальда Свичнета приводила в движение тщательно скрываемая зависть. Несмотря на свалившееся на него состояние, он всю жизнь в душе оста-

вался «приблудным сыном бедной крестьянки». Зависть, которую бедные и эксплуатируемые испытывают к богатым, — вещь хорошая, если только она направлена на преобразование этого несправедливо устроенного общества. Вот почему мы, фабианцы, считаем профсоюзы и лейбористскую партию в такой же степени своими союзниками, как любого честного политического деятеля, будь то либерал или тори, который стремится предоставить достойный прожиточный минимум, чистое жилище, здоровые условия труда и право голоса каждому взрослому жителю Британии. К несчастью, мой Арчи завидовал именно тем двоим, кого он любил, тем, кто только и мог его терпеть Он завидовал Богу из-за того, что у него был знаменитый отец и нежная, любящая мать Он обижался на меня из-за богатого отца, пансионского образования и знаменитого первого мужа, обижался на блеск моих достоинств. Больше всего он завидовал заботе и теплу, которыми окружал меня Бог, и страстной любви, которую испытывала к Бакстеру я; его злило, что наши чувства к нему самому ограничиваются дружеским расположением, приправленным в моем случае некоторой долей чувственности. Потому-то в последние

месяцы жизни он и выдумал в утешение себе фантастический мир, где он, Бог и я пребывали в совершеннейшем равенстве. Прожив детство, которое, на взгляд обеспеченного человека, и детством-то назвать нельзя, он сочинил книгу, где утверждалось, что Бог тоже был его лишен, что он всегда был таким, каким знал его Арчи, ибо сэр Колин сработал его по методе Франкенштейна{24}. Мало того, он и меня лишил детства и шкальных лет, написав, что при первой встрече с ним умственно я была не я, а моя маленькая дочь. Выдумав для нас троих это общее равенство в нищете, он потом с легкостью мог изображать мою любовь к нему с первого взгляда и зависть к нему Боглоу! Но сумасшедшим Арчи, безусловно, не был. Он прекрасно знал, что его книга полна хитроумной лжи. Потому-то он и посмеивался в последние недели жизни — он видел, как ловко его вымысел берет верх над истиной. Во всяком случае, мне так кажется.

Но почему же он не позаботился сделать вымысел еще более убедительным? В двадцать второй главе, описывая, как мой первый муж

{24} Примечания переводчика: 1.24

Франкенштейн — персонаж романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей», создавший искусственного человека-гиганта.

прострелил мне ступню, он пишет: «К счастью, пуля прошла навылет, ПРОБИВ ПЕРЕПОНКУ МЕЖДУ ПЯТОЧНОЙ И МАЛОБЕРЦОВОЙ КОСТЯМИ ПЛЮСНЫ и даже не задев кость». Выделенные слова могут показаться убедительными разве что человеку, ничего не понимающему в анатомии, но это вздор, чушь, чепуха, бессмыслица и ахинея[33]*, и Арчи не мог забыть медицину до такой степени, чтобы этого не знать. Он должен был написать «разорвав сухожилие косой приводящей мышцы большого пальца между проксимальными фалангами второго и третьего пальцев», потому что произошло именно это. Но у меня нет времени разбирать страницу за страницей, отделяя правду от вымысла. Если отбросить то, что противоречит здравому смыслу и этому письму, останется описание некоторых реальных событий, случившихся в мрачную эпоху. Как я уже говорила, на мой нюх, книга так и смердит викторианством. Она исполнена в таком же ложноготическом стиле, как памятник Скот-*

---

[33] Критические: 2.33

Если бы доктор Виктория больше любила своего мужа, ей легко было бы понять, почему он написал эту ахинею. Арчибальд Свичнет явно хотел, чтобы она отредактировала книгу для публикации. Ей, с ее опытом и медицинским образованием, это место должно было броситься в глаза, так что его можно считать своеобразным приглашением к сотрудничеству. Но приглашение пропало втуне.

ту, университет Глазго, вокзал Сент-Панкрас и здание парламента. Я ненавижу подобную архитектуру. Эта избыточная бесполезная декоративность оплачена неоправданно высокими доходами — доходами, выдавленными из чахнущих жизней детей, женщин и мужчин, работающих больше двенадцати часов в день шесть дней в неделю на НЕОПРАВДАННО грязных фабриках; ибо в XIX веке нам уже было известно, как производить вещи чисто. Мы не воспользовались этим знанием. Колоссальные доходы правящих классов были слишком священны, чтобы на них посягать. По-моему, эта книга пахнет так же, как пахло у простой женщины под кринолином после дешевой двухдневной железнодорожной экскурсии в Хрустальный дворец. Может быть, я принимаю все слишком всерьез, но я счастлива,

что дожила до XX столетия[34].

И вот, дорогой мой внук или правнук, мои мысли обращаются к тебе, потому что я не в состоянии представить себе мир, в котором это послание будет прочитано — если оно вообще будет прочитано. В прошлом месяце Герберт Джордж Уэллс (этот пахнущий медом человек!) выпустил книгу под названием «Война в воздухе». Действие происходит в двадцатые или тридцатые годы нынешнего века; книга описывает налет немецкой авиации на США и бомбардировку Нью-Йорка. Вследствие этого весь мир втягивается в войну и все крупнейшие центры цивилизации оказываются разрушены. Уцелевшим приходится куда хуже, чем австралийским аборигенам, ведь они лишены первобытных навыков охоты и собирательства.

---

[34] Критические: 2.34

Последующая жизнь Беллы Бакстер прошла под именем Виктория; в 1886 г. под этим именем она поступила в женское медицинское училище Джекс-Блейк в Эдинбурге, под ним же в 1890 г. в университете Глазго она получила диплом доктора медицины. В этом же году она открыла Гинекологическую клинику имени Боглоу Бакстера в Доббис-лоун близ Каукэдденса. Это было чисто благотворительное заведение, и она управлялась с ним при помощи очень небольшого штата местных женщин, которых сама же и обучала. Они постоянно уходили и заменялись новыми, потому что после обучения она никого не держала дольше года. Одной преданной сотруднице, которая не хотела уходить, она сказала: «Вы замечательная помощница, но учить вас мне больше нечему. Мне нравится обучать новых людей. Ступайте, помогайте вашим соседкам или найдите другого врача, который научит вас чему-нибудь новому».

Некоторые из ее бывших помощниц поступили сестрами в городские больницы, но мало кто преуспел, потому что, как сказала одна палатная сестра, «они слишком много задают вопросов».

Между 1892 и 1898 гг. доктор Виктория родила троих сыновей с интервалом в два года, каждый раз прерывая работу в клинике только за два-три дня до родов и возобновляя ее очень скоро после них. Она говорила: «Именно так приходится поступать моим неимущим пациенткам — для них слишком большая роскошь быть горизонталистками. А у меня к тому же есть перед ними преимущество. Мой муж — великолепная жена».

В 1899 г. Фабианское общество опубликовало ее брошюру по общественной гигиене. Она называлась «Против горизонтализма»; в ней говорилось, что врачи любят укладывать пациентов в постель, потому что это помогает врачам (не пациентам) чувствовать себя сильными. Признавая, что для лечения многих болезней постельный режим необходим, доктор Виктория утверждала, что роды, как бы ни было при них больно, болезнью назвать нельзя и что рожать легче, сидя на корточках. Она пропагандировала родильные скамеечки, какие были в ходу в XVIII веке. Горизонтализм, продолжала она, — это состояние не только тела, но не в меньшей степени и духа. Горизонтализм видит во внутренних телесных отправлениях священные тайны, проникнуть в которые могут лишь врачи, поэтому хороший пациент должен иметь нерассуждающую веру в докторов. Она писала:

> *«Когда священники и политики требуют от нас нерассуждающей веры, мы знаем, что они думают прежде всего о себе. Но почему мы, люди науки, ТОЖЕ хотим, чтобы те, кому мы служим, отключили свои мыслительные органы и пали перед нами ниц? Нет, пациенты обретут истинное уважение к врачам, врачи обретут истинное уважение к пациентам, лишь когда все будут знакомы с разумными повседневными основами врачебного искусства».*

Она настаивала, чтобы в начальной школе всех детей обучали основам гигиены и первой помощи («там они легко освоят это в игре»), а в старших классах — начаткам медицины. Благодаря этому люди будут знать не только как и в каком случае врач может оказать им помощь, но и как вести более здоровый образ жизни, как лучше заботиться друг о друге и почему не следует мириться с условиями жизни и труда, вредными для здоровья их самих, их детей и всего общества.

А вот типичные отклики газет того времени:

«Создается впечатление, что доктор Виктория Свичнет хочет сделать каждую британскую школу — да, каждую, включая начальные шкалы! — базой для подготовки революционеров-социалистов».

«Таймс»

«Мы прослышали, что доктор Виктория Свичнет — замужняя женщина, мать троих сыновей. Это ошеломляющая новость — в нее просто невозможно поверить! Из ее писаний возникает образ одной из тех костлявых, мужеподобных женщин, которым небольшой курс горизонтализма» пошел бы на пользу. В данных обстоятельствах мы можем только выразить ее мужу наше сердечное сочувствие».

«Дейли телеграф»

«Мы не сомневаемся ни в квалификации доктора Виктории Свичнет, ни в доброте ее сердца. Ее клиника расположена в очень бедной части Глазго и, вероятно, приносит больше пользы, чем вреда, тем несчастным, кто туда обращается. Но клиника для нее — хобби: она не живет на доходы от своих пациенток. Мы, зарабатывающие на жизнь стетоскопам и скальпелем, мягко улыбнемся в ответ на ее утопические прожекты и вернемся на грешную землю — к нашим больным».

«Ланцет»

›››

«Доктор Свичнет хочет превратить мир из паля битвы в санаторий, где все по очереди, как в детской игре, становятся то врачами, то пациентами. Совершенно очевидно, что в подобном мире процветать будет только одно — недуг!»

«Скотс обсервер»

Начиная с 1900 г. доктор Вик (так ее окрестили газеты) была активной суфражисткой, и ее имя сохранилось в истории этого движения. Война 1914 г. нанесла ей удар, от которого она так и не оправилась. Она рассчитывала, что рабочие и солдаты остановят войну, объявив забастовку, а на деле два ее младших сына почти сразу же пошли в армию и вскоре были убиты на Сомме. Она порвала с фабианцами из-за того, что она назвала их «бесхребетной терпимостью к преступной бойне», и стала появляться на одной трибуне с Киром Харди, Джимми Макстоном, Джоном Маклином и другими социалистами Клайдсайда (и сторонниками шотландской автономии), которые были против войны. Она поссорилась со старшим сыном Бакстером, который работал на войну за своим письменным столом в Департаменте имперской статистики. В письме Патрику Геддесу она писала:

«Бакстер совершает чудеса фальсификации, доказывая, что огромное количество убитых и искалеченных во Франции не столь ужасно, как думают, потому что оно включает в себя многие тысячи тех, кто был бы убит или искалечен в мирное время из-за несчастных случаев. Это, видимо, успокаивает совесть дельцов и воротил, жиреющих на военном производстве. Это означает, что миллионы убитых молодых солдат будут вскоре так же забыты, как те, кто погиб в промышленных и дорожных авариях».

По иронии судьбы, Бакстер Свичнет погиб, не оставив потомства, в

1919 г. в возрасте двадцати семи лет — его сбило парижское такси во время Версальской мирной конференции, на которую он приехал в качестве помощника Ллойд Джорджа.

Как многие в те годы, она долго и тяжело размышляла, почему богатейшие народы мира — народы, с гордостью называвшие себя самыми цивилизованными на том основании, что у них была самая развитая индустрия, — развязали самую жестокую, самую кровавую войну в истории. Она не могла постичь, почему миллионы людей, которые, взятые по отдельности, не были ни кровожадными, ни глупыми (она вспоминала своих сыновей), повиновались правительствам, приказавшим им убивать и идти на смерть в столь невероятных, катастрофических масштабах. Она разделяла мысль Толстого о том, что человеческое животное подвержено эпидемиям безумия; пример тому — орды французов, вторгшихся в Россию с Наполеоном и сгинувших там, хотя, покори они даже ее, их страна не получила бы от этого никаких выгод. Как врач она знала, что, поняв причины эпидемии, ее можно предотвратить. Она знала, что люди, которые живут и работают в перенаселенных кварталах, так же предрасположены к эпидемическим вспышкам враждебности, как любые лишенные жизненного пространства существа, — но ведь по меньшей мере четверть из тех, кто сражался и погиб в мировой войне, были обеспечены и имели просторные жилища, и к этому же классу принадлежали почти все, кто затеял и направлял смертоубийство. Она заключила, что, хотя мировую войну породили те же национальные и коммерческие свары, которые были причиной британских войн с Францией, Испанией, Голландией и Соединенными Штатами, участвовавшие в ней и поддерживавшие ее люди пали жертвой «эпидемии самоубийственного послушания», потому что родительское воспитание посеяло в их душах ощущение малоценности собственной жизни.

«Может ли мужчина, уважающий свое тело, раздетым становиться в очередь, чтобы другой, одетый, мужчина обследовал

его гениталии? Может ли врач, уважающий свой разум, зарабатывать этим деньги? Медицинский осмотр новобранцев — не что иное, как крещение в религию человекоубийства, где лучшим солдатом считается тот, кто относится к собственному телу как к самой грубой машине — и даже не ему принадлежащей, а управляемой на расстоянии. Два моих младших сына по собственной воле стали такими машинами и позволили расплющить и вдавить в грязь свои прекрасные тела. А старший не тело, а разум свой сделал частью военной машины. Он для меня — такая же жертва пренебрежения к самому себе, как его братья. И при этом первые десять лет жизни три мальчика провели в чистом, просторном доме, их воспитывали заботой и личным примером любящие, образованные и предприимчивые родители. Я была (и остаюсь) радикальной социалисткой. Мой муж был либералом. Все наши мальчики готовились стать мирными, образованными слугами общества, использующими самые гуманные современные идеи для решения великой задачи XX столетия — создать такую Британию, где у каждого будет добротное, чистое жилище и каждому будут достойно платить за полезную работу. Но вот объявили войну — и трое моих мальчиков ТУТ ЖЕ повели себя как сыновья кровожадного английского тори. Они знали, что я считаю их поведение отвратительным. Почему же они чувствовали, что должны так поступить? Я отказываюсь искать ответ во внутренней испорченности человеческой или мужской натуры. Не могу я также сваливать вину на милитаристские курсы истории, которые они проходили в школе, — их, безусловно, перевешивало домашнее чтение и обучение. Мне приходится искать причину в самой себе. Благодаря богатству и любящему мужу в первые шесть или семь лет их жизни я имела над этими мальчиками безраздельную власть. И я не воспитала в них достаточного уважения к самим себе, чтобы

противостоять той эпидемии самоосквернения, какой стала война 14–18 годов. Почему я потерпела неудачу? Не отыскав зерно болезни в себе самой, как я могу быть полезна другим? Но я его отыскала. Читайте, пожалуйста, дальше».

В приведенном абзаце суммируется и цитируется введение к брошюре, которую она опубликовала в 1920 г. за свой счет: «Экономика любви. Мамашин рецепт — как покончить с национальной и классовой враждой». На титульном листе напечатано: «Пацифистское издательство им. Боглоу Бакстера. Выпуск 1». Второй выпуск так и не появился. Брошюра не привлекла к себе большого внимания, хотя Виктория разослала ее лидерам и секретарям всех британских профсоюзов в конвертах с надписью «и Вашей жене» после мужского имени или «и Вашему мужу» после женского. Она также отправила брошюру врачам, священникам, военным, писателям, служащим общественной сферы и членам парламента, поименованным в справочнике «Кто есть кто». Еще две тысячи экземпляров она пыталась разослать деятелям подобного профиля в Северной Америке, но брошюры задержала и сожгла американская таможня. В письме к Джорджу Бернарду Шоу, который отдыхал тогда в Италии, Беатриса Уэбб[30] писала:

«Когда Вы вернетесь, Вас будет ожидать дама последняя брошюра доктора Вик. Бредовая мешанина идей, нахватанных у Мальтуса, Д.Г. Лоуренса[31] и Мари Стоупс[32]. Она винит себя за мировую войну, потому что родила слишком много сыновей и недостаточно их миловала. Она призывает каждую рабочую семью ради уменьшения будущих армий ограничиться одним ребенком. Родители должны дать ему почувствовать свою бесконечную ценность, деля с ним постель, где он на живом примере узнает все, что нужно, о плотской любви и предохранении от беременности. Таким образом, рассуждает она, ребенок вырастет свободным от эдипова комплекса, зависти

к пенису и прочих напастей, открытых или изобретенных доктором Фрейдом, и, вместо того чтобы драться с братьями и сестрами, будет играть с соседским ребенком в мужа и жену. Она теперь помешана на сексе — стала эротоманкой, если использовать более привычное слово, — и пытается скрыть это под ханжескими иносказаниями, которые показывают, что она все еще в глубине души остается подданной королевы Виктории. Для любовных ласк у нее есть словечко «милование», половой акт она называет «парьба». А ведь раньше это была блестящая голова. Жаль, умер ее бедный коротышка муж. Как-то ему удалось привести ее в норму между головокружительными романами с Уэллсом и Фордом Мэдоксом Хьюффером[33]. И конечно, для нее тяжелейшим ударом была утрата сыновей. В последние шесть лет не пошатнулись только самые крепкие умы».

Социалисты из Независимой лейбористской партии Клайдсайда тоже не приняли «Экономику любви». Том Джонстон писал, рецензируя ее в «Форвард»:

«Доктор Виктория Свичнет призывает рабочие семьи объявить своего рода родительскую забастовку ради того, чтобы единственный ребенок в будущем больше получал за свой труд. В нынешнем году, году локаутов и снижения заработной платы, году повсеместных требований рабочего класса к правительству о ликвидации безработицы путем нормирования рабочего времени, подобный призыв со стороны доброго товарища выглядит легкомысленным заблуждением. Бороться с голодом и нехваткой жилья надо сейчас — нечего откладывать это до будущих поколений».

Священнослужители всех христианских церквей осудили книгу за

поддержку идеи об ограничении рождаемости, но сторонников ограничения она тоже разозлила, потому что утверждала, что имеющиеся в продаже контрацептивы вредны. Доктор Виктория писала:

> *«Они сосредоточивают внимание тех, кто ими пользуется, на гениталиях, тем самым отвлекая их от милованья. Милованье — как молоко. Оно может и должно питать нас от рождения до самой смерти. Парьба — снятые с милованья сливки, главная радость срединных лет нашей жизни (если нам повезет), но по сути дела между ней и милованьем разницы нет. Однако все, чему мы учим людей, — увы, даже то, чему учит добрая Мари Стоупс, — создает эту разницу, выделяя парьбу особо и расхваливая ее как редкий товар. Вот почему немилованные мужчины боятся половой любви или действуют в ней по принципу «бей-хватай».*

Так что, хотя Виктория Свичнет рекламировала «Экономику любви» во всех главных британских газетах, брошюра получила только два положительных отклика: один от Гая Олдреда в некоем анархистском издании, другой от резчика по камню и типографа Эрика Гилла в «Нью эйдж». Бивербрук[34] чутко уловил сигнал от церквей и увеличил популярность «Дейли экспресс», проведя успешную кампанию за лишение Виктории Свичнет клиники. Вот выдержка из заметки под заголовком: «ЖЕНЩИНА-ВРАЧ НАЗНАЧАЕТ ЛЕЧЕНИЕ — ИНЦЕСТ»:

> *«Мы все знаем, что такое маменькин сынок — голубое женоподобное создание, ожидающее от всех восхищения, но притом слишком трусливое, чтобы в случае опасности нанести хоть один удар. Дай доктору Вик волю — и всех британских мальчиков отныне будут превращать в плаксивых девчонок; но прежде чем испортить наших детей, ей нужно испортить родителей. Именно это она и пытается делать».*

А через два дня появилось вот что:

ДОКТОР ВИКТОРИЯ ПРОПИСЫВАЕТ НАМ

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОУБИЙСТВО

Если «секс через простыню» по методу доктора Вик станет популярен (а это вполне возможно — она истратила бешеные деньги на его пропаганду), то через несколько лет ирландцы-католики превзойдут числом британских мужчин, годных к военной службе. Если этот метод распространится по всему цивилизованному миру, нас захлестнет лавина большевиков, китайцев и негров. Не случайно она состоит в близкой дружбе с Джоном Маклином, большевистским генеральным консулом в Британии. Не случайно она была одной из тех гарпий-«пацифисток», которых кайзер Вильгельм наверняка удостоил бы Железного креста, если бы немецким ордам удалось посадить его на британский трон.

Вскоре последовало:

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

ДОКТОРА ВИК!

Самые мрачные личности XX века — это люди с незаработанными доходами, которые, прикрываясь социалистической фразой, с помощью тугих кошельков распространяют недовольство среди бедного населения и толкают его на дурные дела. «Экспресс» имеет сведения о том, что вот уже тридцать лет Виктория Свичнет, врач-большевик, тайно практикует то, что теперь она проповедует открыто. В своей так называемой «благотворительной» клинике в трущобах Глазго она подбивала тысячи бедных женщин бросать вызов природе, христианской вере и законам нашей страны; мы говорим кое о

чем посерьезней, чем ее смехотворный «секс через простыню». Мы говорим об аборте. Вот к чему в конечном счете сводится ее «экономика любви».

Сотрудники «Экспресс» не располагали доказательствами того, что доктор Виктория делала аборты. Однако они предъявили двух бывших сотрудниц клиники, которые под присягой показали, что она учила женщин делать аборты друг другу; последовало публичное судебное разбирательство. Дело лопнуло (во всяком случае, обвинение не добилось полного успеха), поскольку удалось доказать, что эти сотрудницы были до некоторой степени подкуплены «Дейли экспресс» и, кроме того, что они умственно отсталые. Прокурор Кэмпбелл Хогг попытался во время перекрестного допроса извлечь из последнего обстоятельства некую выгоду и едва не преуспел.

КЭМПБЕЛЛ ХОГГ. Доктор Свичнет! Часто ли вы брали себе в помощники умственно отсталых женщин?
ВИКТОРИЯ СВИЧНЕТ. Старалась брать как можно чаще.
КЭМПБЕЛЛ ХОГГ. Почему?
ВИКТОРИЯ СВИЧНЕТ. По экономическим причинам. КЭМПБЕЛЛ ХОГГ. Вот оно что! Дешевле, значит, выходило?
ВИКТОРИЯ СВИЧНЕТ. Нет. По бухгалтерским книгам можно проверить, что я платила им так же, как сестрам с более быстрым умом. Говоря об экономических причинах, я имею в виду не финансы, а общественную пользу — экономику любви. Люди с мозговыми отклонениями часто проявляют больше сердечности, если им дать такую возможность, чем те, кого мы называем «нормальными». Во многих случаях они делают для больных все необходимое эффективней, чем умственно развитые, которым хочется выполнять более почетную работу.
КЭМПБЕЛЛ ХОГГ. Например, писать книги про экономику любви?

ВИКТОРИЯ СВИЧНЕТ. Нет. Например, разыгрывать клоуна в судебном спектакле, затеянном на потребу бульварной прессе.
(Смех в зале суда. Шериф предупреждает обвиняемую, что она может быть заключена под стражу за неуважение к суду.)
КЭМПБЕЛЛ ХОГГ (с напором). Я утверждаю, что вы сознательно выбирали себе в помощницы кретинок, потому что нормальный человек не в состоянии поверить вашим благостным байкам о клинике!
ВИКТОРИЯ СВИЧНЕТ. Вы ошибаетесь.
КЭМПБЕЛЛ ХОГГ. Доктор Свичнет, вы когда-нибудь (подумайте хорошенько, прежде чем ответить), вы когда-нибудь учили ваших пациенток, как избавиться от нежелательного ребенка?
ВИКТОРИЯ СВИЧНЕТ. Я никогда не учила их ничему, что могло бы повредить их телесному или душевному здоровью.
КЭМПБЕЛЛ ХОГГ. Я хочу услышать либо «да», либо «нет».
ВИКТОРИЯ СВИЧНЕТ. Вы ничего больше от меня не услышите, молодой человек. Других пожилых людей учите, как им работать. Начать советую с безработного инженера, прошедшего войну.
(Шериф предупреждает обвиняемую, что она должна отвечать на вопросы прокурора, но может сама выбирать слова для ответа.)
ВИКТОРИЯ СВИЧНЕТ. Понятно. Тогда я повторяю, что не учила людей ничему, что могло бы повредить их телу или душе.

Так как суд проходил в Шотландии, он имел право вынести приговор «не доказано», как и поступил. Доктора Вик не вычеркнули из Британского врачебного регистра, но и не признали невиновной.
Когда в 1890 г. Виктория и Арчибальд открывали гинекологическую клинику, они вложили в фонд ее поддержки все средства Бакстера. В руководящий комитет вошли сэр Патрик Геддес и ректор университета Глазго Джон Кэрд. Но к 1920 г. им на смену пришли более слабые люди,

которые не смогли устоять перед бурей возмущения в прессе. Они отстранили Викторию и передали клинику Оукбэнкской больнице на правах отделения для приходящих больных. Доктор Виктория уже истратила свои сбережения на публикацию, рассылку и рекламу «Экономики любви», и единственное, что у нее осталось, — дом 18 по Парк-сёркес. Все старые слуги Бакстера уже умерли. Она стала сдавать верхние комнаты студентам университета, а сама перебралась в полуподвал, где, в гораздо более скромных масштабах, возобновило работу то, что по-прежнему именовалось Гинекологической клиникой имени Боглоу Бакстера.

С той поры до 1923 г. о ней было известно главным образом то, что она поддерживала Джона Маклина[35]. В письме К.М. Гриву (Хью Макдиармиду[36]) она писала:

> *«Я не люблю коммунистов-ортодоксов. У них заготовлен один-единственный простой ответ на любой вопрос, и, подобно фашистам, они считают, что все непонятное можно упростить силой. Разговаривая с таким деятелем, я чувствую себя ученицей, стоящей перед дурным учителем, который хочет поскорее заткнуть мне рот. А вот Маклин — хороший учитель».*

Когда Маклин не вступил в только что организованную Британскую коммунистическую партию и основал Шотландскую рабочую республиканскую партию, она предложила ему свой дом как место собраний. Когда в 1923 г. он умер от переутомления и пневмонии, она произнесла короткую речь у его могилы. Его дочь Нэн Милтон привела эту речь в письме, и Арчи Хинд цитирует ее в конце своей пьесы о Маклине «Плечом к плечу»:

> *«Джон не был Сапатой[37], гордо скачущим на коне по кукурузным полям. Он был одним из тех крестьян, что кормили Сапату. Он не был Лениным, замыслившим сделать Кремль*

своей резиденцией. Он был одним из кронштадтских матросов, чье восстание дало Ленину шанс. Джон был не из тех, кто возглавляет революции. Он был из тех, кто их делает».

Два года спустя «Дейли экспресс» вновь направила к ней репортера, вероятно рассчитывая раздобыть более убедительные доказательства того, что она делает незаконные аборты; однако вышедшая статья скорее походила на портретный очерк — видимо, потому, что почти все, кто еще помнил «доктора Вик», думали, что ее уже нет в живых. Репортер проведал, что окрестные дети прозвали ее Собачьей Леди, потому что она часто прогуливалась по Западному парку в сопровождении собак всевозможных размеров; у некоторых были перевязаны лапы. Вход в клинику был из переулка, во дворе по обе стороны дорожки пышно рос ревень. Приемная была загромождена массивной мебелью средневикторианского периода, особенно бросался в глаза громадный диван из конского волоса. Стены были украшены только старыми плакатами Шотландской рабочей республиканской партии. В комнате также стоял увесистый ящик с висячим замком, прорезью в крышке и приколотой сбоку запиской, гласившей: «Бросьте сюда сколько можете — эти деньги будут потрачены с толком. Если вы голодны, не крадите, пожалуйста, этот ящик, а поговорите со мной в кабинете: голод — болезнь излечимая». Половину из ожидавших приема составляли бедные старики и старухи. Другую половину — дети с больными животными, большей частью собаками. Репортер заметил только одну беременную женщину.

Когда его пригласили в кабинет, оказалось, что это огромная освещенная газом кухня, где на плите кипела кастрюля супа, по углам притулились разнообразные домашние животные, а за кухонным столом, на котором лежали книги, бумаги и медицинские инструменты, восседала высокая прямая женщина. На ней был белый фартук от шеи до щиколоток, поверх рукавов ее черного платья были надеты целлулоидные манжеты. Ее на удивление гладкое лицо могло принадлежать

женщине любого возраста от сорока до восьмидесяти. Когда репортер подошел к ней и сел, она тут же сказала:

— Вы выглядите как газетчик. Не из «Дейли экспресс»?

Он сказал, что она угадала, и спросил, не ответит ли она на несколько вопросов.

— Конечно отвечу, если, уходя, вы мне оплатите потраченное время.

Он спросил, все ли пациенты платят ей в таком же добровольном порядке.

Она ответила:

— Да. Это либо бедняки, либо дети. Как я могу знать, сколько они в состоянии заплатить?

Он спросил, дает ли она деньги голодным нищим.

— Нет. Я кормлю их супом.

Он спросил, не уменьшила ли ее ветеринарная практика количество пациентов-людей.

— Конечно уменьшила. Человеческое животное подвержено глупым предрассудкам.

Он спросил, не предпочитает ли она собак людям.

— Нет, я не сентименталистка такого сорта. Я до конца дней буду сочувствовать моему глупому, напичканному предрассудками виду. Но теперь люди с больными животными сторонятся меня меньше, чем те, что болеют сами.

Он спросил, было ли что-нибудь в ее жизни, о чем она искренне сожалеет.

Она ответила:

— Мировая война.

Он сказал, что она его не поняла — он хочет знать, сожалеет ли она о чем-нибудь, за что чувствует личную ответственность.

— Да. О мировой войне.

Он спросил, что она думает об Ирландской республике де Валеры,

укороченных женских юбках, популярных песнях и исключении Троцкого из Российской коммунистической партии. Она ответила:
— Ничего не думаю. Я больше не читаю газет.
Он спросил, хочет ли она обратиться с чем-нибудь к британскому юношеству. Она лучезарно улыбнулась и сказала, что за пять фунтов даст очень быстрый ответ, заключающий в себе все, что она ценит в жизни, но только она хочет получить деньги вперед. Он дал ей пять фунтов. Она взяла из лежавшей рядом стопки и протянула ему тоненькую книжечку — «Экономику любви» в твердой обложке, — после чего распрощалась с ним.
Эта газетная статья — единственное письменное свидетельство о Виктории Свичнет за 1925–1941 гг., если не считать фамилии и адреса в городском справочнике Келли.
Вторая мировая война на время оживила промышленную и интеллектуальную жизнь Клайдсайда. Глазго был главным транзитным портом между Британией и США. Бомбардировки юга Британии обратили взоры многих к северной промышленной столице. Среди других в Глазго вернулся художник Дж.Д. Фергюссон с женой Маргарет Моррис. В прежние времена они были знакомы с доктором Викторией, и Маргарет Моррис арендовала верхний этаж дома 18 по Парк-сёркес для репетиций своего «Кельтского балета». До 1945 г. дом был одним из нескольких неофициальных маленьких центров изящных искусств, расцветших на Сочихолл-стрит или поблизости от нее. Художники Роберт Кохун, Стэнли Спенсер и Дженкел Адлер жили в нем некоторое время или, по крайней мере, его посещали; также и поэты Хэмиш Хендерсон, Сидни Грэм и Кристофер Марри Грив, известный под псевдонимом Хью Макдиармид. В автобиографии «С кем я водил дружбу» (1966 г., Хатчинсон и К°) Макдиармид пишет:

«Похоже, кроме меня, никто из жильцов не знал, что странная старуха хозяйка, ютящаяся в полуподвале, была единственной шотландской женщиной-врачом — помимо «долговязой Мэ-

ри», — чье имя должно гордо стоять рядам с именами госпожи Кюри, Элизабет Блэквелл и Софии Джекс-Блейк Может быть, ее ветеринарная лечебница и отпугивала самых трусливых, но ее шотландская похлебка была превосходна и выдавалась всем желающим бесплатно и щедрой рукой».
Он порицает *«наш трусливый шотландский медицинский истеблишмент, который должен был дать ей университетскую кафедру по гинекологии, но наложил в штаны от страха перед английской желтой прессой, возглавляемой безграмотным громилой Бивербруком».*

Последнее утверждение, совершенно верное по сути, звучало бы более убедительно, будь оно сформулировано сдержаннее. Так или иначе, мы должны быть благодарны Макдиармиду за то, что он целиком привел письмо, которое Виктория Свичнет написала ему незадолго до смерти. Будь он менее благороден, он утаил бы его, потому что наверняка многое в этом письме пришлось ему не по вкусу. Письмо не датировано, но, без сомнения, было написано вскоре после всеобщих выборов 1945 года.

Дорогой Крис!
Наконец-то, впервые в этом столетии, у нас лейбористское правительство с подавляющим большинством в парламенте! Я вновь начинаю читать газеты. В Британии вдруг стало интересно жить. Антипрофсоюзные законы 1927 года отменяются, и, похоже, у нас БУДУТ социальные пособия и национальная программа медицинской помощи для всех, и топливо, энергия, транспорт, чугун и сталь БУДУТ Общественной Собственностью! Такой же, как радио, телефон, вода из крана и воздух, которым мы дышим! И мы СБРОСИМ этот висящий у нас на шее жернов — Британскую империю! Неужели ты не чувствуешь себя хоть немножко счастливее, Крис? Я — так намного

счастливее. Мы подаем миру гораздо лучший пример, чем когда-либо подавал Советский Союз. Я вижу, что все случившееся между 1914 годом и нынешним днем было отвратительным заблуждением, отходом от верного пути социального прогресса, последней вехой на котором стал бюджет Ллойд Джорджа, ликвидировавший приюты для нищих пенсиями по старости и положивший начало дроблению огромных поместий налогом на наследство. Сдается мне, Джон Маклин был не прав. Кооперативное рабочее государство будет создано из Лондона без того, чтобы независимая Шотландия прокладывала путь.

Знаю, знаю, мрачный старый чертяка, что ты ни единому слову тут не поверишь, ты считаешь, что сердце у меня «излишне к радости готово»[38] *и небось уже тянешься за пером и бумагой, чтобы описать всех мерзких червей, подтачивающих корни Цветущей Британии. Оставь перо в покое! Я хочу умереть счастливой.*

Если ты читал мои публикации (но читал ли их хоть один из ныне живущих?), если ты читал «Экономику любви» (которую следует читать как стихотворение — точно так же, как худшие из твоих стихов читаются как трактаты), если ты пробежал глазами хоть абзац из моего бедного, забытого маленького tagnut opus[39]*, ты понимаешь, что я совершенно накоротке с внутренними отправлениями моего тела. Еще бы! Меня познакомил с ними гений. Кровоизлияние в мозг высвободит меня из этой бренной оболочки в начале декабря. Я закрываю мою маленькую клинику, которую так отважно и так роскошно затеяла пятьдесят шесть лет назад. Нет ничего проще! Мои пациенты — несколько зверюшек, принадлежащих соседским детям, и два старых ипохондрика, которым становится чуть легче после того, как они, борясь с одышкой, проговорят со мной час о вещах, в которых разбирался один Зигмунд Фрейд. Я пристроила всех собак, кроме ньюфаундленда*

Арчи. Ему я тоже нашла хозяев, но его отведут к ним не раньше, чем приятельница, которая заходит ко мне после завтрака (Нелл Тодд, отважная лесбиянка, что дразнит городскую полицию, щеголяя в мужском наряде), отопрет дверь полуподвала и увидит, что меня нет дама. Я бы предпочла напоследок теплого надежного мужчину, но в моей жизни был только один такой, и он умер тридцать пять лет назад. Не то чтобы я совсем уж не любила всяких безобразников — с иными было безумно весело. Но теперь мне нужно надежное тепло, и мой Арчи мне его даст.
Если ты оскорбишь меня тем, что предложишь это тепло сам, между нами все кончено. Сердечный поклон Валде.

Твоя
Виктория Свичнет.

Доктор Виктория Свичнет умерла от инсульта 3 декабря 1946 г. Считая от рождения ее мозга в морге Общества человеколюбия в Глазго-грин 18 февраля 1880 г., ей было шестьдесят шесть лет, сорок недель и четыре дня. Считая от рождения ее тела в манчестерских трущобах в 1854 г., ей было девяносто два года.

{30} Примечания переводчика: 1.30

Беатриса Уэбб (1858 — 194.3) — английский экономист, историк и общественная деятельница левого направления.

{31} Примечания переводчика: 1.31

Дэвид Герберт Лоуренс (1885–1930) — английский писатель, с неслыханной для своего времени смелостью разрабатывавший эротическую тему.

{32} Примечания переводчика: 1.32

Мари Кармайкл Стоупс (1880–1958) — английская писательница, биолог, пропагандист ограничения рождаемости.

{33} Примечания переводчика: 1.33

Форд Мэдокс Хьюффер (псевдоним — Форд Мэдокс Форд 1873–1939) — английский писатель.

{34} Примечания переводчика: 1.34

Лорд Уильям Бивербрук (1879–1964) — британский газетный магнат и политический деятель.

{35} Примечания переводчика: 1.35

Джон Маклин (1879–1923) — деятель рабочего движения в Шотландии.

{36} Примечания переводчика: 1.36

Кристофер Марри Грив (псевдоним — Хью Макдиармид; 1892–1978) — шотландский поэт коммунистической ориентации.

{37} Примечания переводчика: 1.37

Эмилиано Сапата (1879–1919) — мексиканский революционер.

{38} Примечания переводчика: 1.38

Цитата из стихотворения Р.Браунинга «Моя последняя герцогиня».

{39} Примечания переводчика: 1.39

Magnum opus — главный труд *(лат)*.

Конечно, книга Г.Дж. — предостережение, а не предсказание. Он, и я, и многие другие — мы надеемся на лучшее будущее, потому что активно его строим. Глазго — волнующее место для убежденного социалиста. Даже в ранний, либеральный период этот город дал миру пример муниципального управления общественным достоянием. Наши квалифицированные рабочие ныне самые образованные в Британии; кооперативное движение популярно и развивается; телефонная система Глазго принята министерством связи как образец для всего Соединенного королевства. Я знаю, что деньги, которыми оплачиваются наши достижения и наша вера в себя, имеют опасный источник — огромные военные корабли, что строятся на верфях Клайдсайда по государственным заказам в ответ на такие же смертоносные громадины, сооружаемые немцами. Так что предостережениями Г.Дж. Уэллса не стоит пренебрегать.

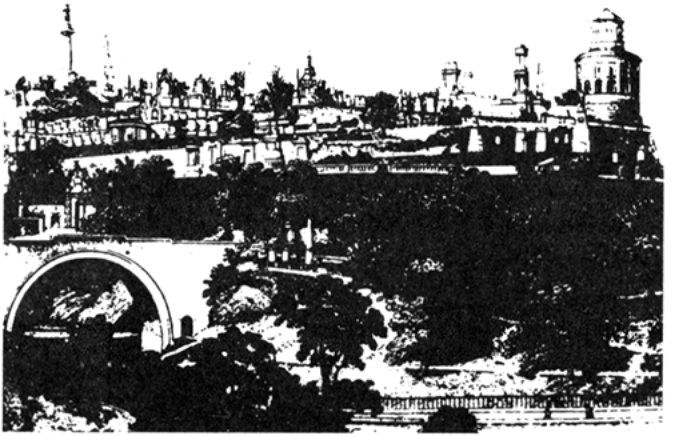
Но международное социалистическое движение столь же сильно в Германии, как и в Британии. Деятели рабочих партий и профсоюзов в обеих странах согласились, что, если правительства объявят друг другу войну, они немедленно призовут ко всеобщей забастовке. И мне чуть ли не

хочется даже, чтобы наша военно-капиталистическая верхушка объявила-таки войну! Если рабочий класс тут же прекратит ее мирными средствами, моральная и материальная власть в крупных промышленных странах перейдет от хозяев к производителям всего насущного, и мир, в котором будешь жить ТЫ, дорогое мое незнакомое дитя, будет здоровее и счастливее нынешнего. Благословляю тебя.

Виктория Свичнет, доктор медицины.

Парк-сёркес, 18, Глазго.

1 августа 1914 года



Некрополь в Глазго, где в мавзолее Бакстера (романская ротонда на заднем плане справа) похоронены три главных героя этой книги.

Alasdair Gray

Аласдер Грей (р. 1934) – шотландский писатель и художник.

«Бедные-несчастные» – прихотливо построенный любовный роман с элементами фантастики, готики и социальной сатиры. В нем сталкиваются различные версии весьма увлекательных событий, происходящих в Шотландии в конце XIX века.

В журнале «Иностранная литература» публиковались рассказы писателя.

ИЛЛЮМИНАТОР

Библиотека журнала «Иностранная литература»

010 Т.Корагессан Бойл
Восток есть Восток
перевод И.Бернштейн, Л.Мотылева, Г.Чхартишвили

011 Мартин Сутер
Small World
перевод Г.Косарик

013 Итало Кальвино
Если однажды зимней ночью путник
перевод Г.Киселева

014 Клайв С. Льюис
Пока мы лиц не обрели
перевод И.Кормильцева

9 785936 360138